

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Межрегиональный Центр
коммуникативных исследований

Язык
и национальное сознание

Научное издание

Вып. 5

Воронеж
2004

Межвузовский научный сборник “Язык и национальное сознание” – пятый из серии публикаций кафедры общего языкознания и стилистики по данной тематике. Предыдущие вышли в 1998, 1999, 2002 и 2003 гг.

Настоящий сборник отражает очередной этап исследования кафедрой и межрегиональным Центром коммуникативных исследований филологического факультета ВГУ проблемы «Язык и национальное сознание». Сборник выпущен совместно с кафедрой русского языка БГПИ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

В.Я.Голуб, А.Г.Лапотько, З.Д.Попова, И.А.Стернин,
О.Н.Чарыкова, Н.В.Фоминых

Научный редактор – И.А.Стернин

©Коллектив авторов,
2004

Компьютерная верстка, оригинал-макет – И.А.Стернин

Редакционная группа:

доц.А.Г.Лапотько (рук.), А.Ишутина, А.Клименко, Т.Ковалева,
Е.Обухова, Р.Прытков, А.Сарма, Т.Хабарова.

Сборник подготовлен при финансовой поддержке гранта МО РФ по поддержке ведущих научных школ «Теоретико-лингвистическая школа кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ», НИЧ-3088.

Язык и национальное сознание. Вып.5. – Воронеж: Истоки, 2004. - 183 с. Тираж 200 экз.

ISBN

Проблемы теории

И.А.Стернин

О понятии «языковое сознание»

Последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание» - оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др. Однако до сих пор этот термин недостаточно точно определен и в разных лингвистических направлениях он интерпретируется по-разному.

С нашей точки зрения, под языковым сознанием следует понимать *психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека – механизмы порождения, восприятия и хранения языка в сознании*. Фактически это *совокупность всех знаний человека о своем языке*. Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания 1996, с.11). Мы полагаем, что именно эти механизмы и знания представляют собой языковое сознание человека.

Изучением языкового сознания занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика (ср. Языковое сознание и образ мира 2000, с.24). В таком случае традиционная лингвистика тоже изучает языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языковых единиц в сознании и т.д., но при этом она практически не исследует *психологическую реальность выполняемых описаний*, удовлетворяясь описанием языка, зафиксированного в письменных текстах.

На каком-то этапе развития традиционного языкознания этого было достаточно: достаточно этого и для традиционных методов обучения языку. Однако не на современном этапе, когда коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим и у исследователей заметно повысился интерес к живому языку, к языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к абстрагированному от носителя «мертвому» языку, отраженному в словарях и грамматиках. Это и привело к интенсивному развитию исследований в области коммуникации, психических механизмов языка, ассоциативно-вербальных сетей (Ю.Н.Караулов), ассоциативных полей и др. Проблемы описания языка как реальности психики выдвигаются на передний план.

Система языковых единиц с их разнообразными значениями и отношениями хранится в языковом сознании человека, является принадлежностью его языкового сознания.

Существует несколько уровней описания языкового сознания, которые могут быть выделены.

Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях, письменной и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым. Описывается *надиндивидуальное* в языке.

Продуктами такого описания являются определенные конструкты лингвистов, предлагающие их личное понимание значений и функций тех или иных языковых единиц, форм и структур на данном этапе развития языка. Подобное описание осуществляется в рамках традиционной фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики. Результатами таких описаний являются фонетики, словари и грамматики, которые представляют собой результат обобщения значений и употреблений языковых форм и структур, описывают наиболее типичные употребления, определяя их как нормативные для языка на данном этапе его развития.

Такое описание необходимо для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, составления словарей и учебников. Однако необходимо всегда иметь в виду, что фиксация значений и функций языковых форм в словарях и грамматиках является результатом обобщения и отвлечения от лингвистической реальности и поэтому нельзя, к примеру, как это часто делается носителями языка, утверждать, что то или иное слово в данном языке не имеет того или иного значения или семантического компонента, поскольку это «не отражено в имеющихся словарях» – описание слова в словаре есть результат отвлечения от реальных употреблений слов, определенный лингвистический конструкт, который нельзя абсолютизировать. К тому же словари всегда запаздывают. Важно помнить и мысль Флобера: «Словари как часы: самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает».

Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др., которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений.

Психологически реальное значение слова в коммуникативном сознании носителя языка, как правило, не совпадает со словарным значением данной единицы в толковом словаре и его в достаточно полном объеме можно выявить только экспериментальными приемами.

В диссертационном исследовании Е.И Гришук, к примеру, было экспериментально выявлено значение слова *бдительность* в языковом сознании старшеклассников, которое существенно отличается от словарного толкования этого слова: *настороженность, постоянное неослабное внимание к кому-, чему-либо.*

В результате эксперимента выявлены и ранжированы следующие психологически реальные для языкового сознания семантические компоненты: *внимательность, внимание, наблюдательность 23, осторожность 7, настороженность 6, подозрительность 2, чрезмерная мнительность 2, зоркость 2, сосредоточенность, собранность 2, умение быть начеку, всегда наготове 2, думать, что говорить и кому 1, трезвый ум 1, ответственное отношение 1, поступать правильно 1.*

Таким образом, психологически реальное значение существенно отличается от словарного: компонент *настороженность* относится к периферии значения, ядерным компонентом является *внимательность, внимание*; в значении достаточно ярко выявляется дополнительный компонент *осторожность*, присутствуют оценочные компоненты – как позитивные (*ответственное решение, трезвый ум, поступать правильно*), так и негативные (*подозрительность, чрезмерная мнительность*); таким образом, слово оказывается двуоценочным. Также обнаруживается компонент, характеризующий психофизическое поведение бдительного человека:

быть начеку, всегда наготове, думать, что говорить и кому, сосредоточенность, собранность, зоркость.

Именно в таком семном составе значение слова *бдительность* представлено в языковом сознании испытуемых (Гришук 2002).

Данные психолингвистического описания языка нельзя абсолютизировать, поскольку экспериментальные данные всегда получены на ограниченном числе испытуемых и демонстрируют зависимость от целого ряда характеристик испытуемых: значительное увеличение числа испытуемых также не гарантирует абсолютной точности – в любом случае проявляется зависимость от пола, возраста, места проживания, профессии, жизненного опыта, полученного образования и многих других факторов.

Таким образом, исследование языкового сознания возможно как на лингвистическом, так и на психолингвистическом уровнях, оба из которых предполагают свои методы и дополняют друг друга в описании системы языка. Достоверность традиционно-лингвистического описания повысится, если оно будет обобщать результаты психолингвистического описания.

Возможен также уровень *нейролингвистического описания*. Это исследование языкового сознания на уровне нейрофизиологических процессов в мозге, исследование речевых зон мозга, нарушений и патологии в функционировании речевых механизмов. Методами таких исследований являются нейрофизиологические – фиксация электрических колебаний отдельных участков мозга и подобные. Данный уровень исследования находится вне компетенции лингвистов, хотя результаты нейролингвистических исследований могут использоваться для теоретического моделирования языкового сознания.

Языковое сознание, в свою очередь, выступает как компонент когнитивного сознания.

Коммуникативное сознание – это совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения. Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России*. В коммуникативное сознание входит и информация о родном и иностранных языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.

Приведем пример разграничения языкового и коммуникативного сознания:

языковое сознание содержит информацию о *формулах приветствия* (то есть об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого смысла): здравствуйте, добрый день, доброе утро, привет и др., а также об их *дифференцированных значениях* – приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др.; это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

коммуникативному сознанию принадлежит информация о том, как надо приветствовать – с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на вы, а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких – нет, надо ли повторно приветствовать в течение дня и т.д.

Коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как свою составную часть, но *не исчерпывается* им.

Коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языкового и чисто коммуникативного аспектов, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

Гришук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании. КД. Воронеж, 2002.

Национальные особенности языкового сознания

Лингвистический анализ языкового сознания

З.Д. Попова, Е.Ю. Федосова

Многозначные фразеологизмы и национальное сознание

Национальная когнитивная картина мира – это совокупность концептов и стереотипов сознания, которые задаются культурой.

Одним из способов объективации концептов является фразеолообразование. Известно, что исследование фразеологического состава языка помогает, в частности, понять культуру народа, его прошлое и настоящее (Мокиенко, 1999). Фразеологизмы – наиболее яркие единицы языка с точки зрения проявления национально-культурной специфики. Анализируя концептуализацию, представленную процессом становления фразеологического значения, можно проследить национальные особенности осмысления разных житейских ситуаций.

Фразеологические значения формируются благодаря различного рода тропам: метафорам, гиперболическим метафорам, метонимиям, синекдохам. И метонимия, и метафора отражают складывавшиеся столетиями представления народа, особенности его ментального мира. Создавая тропы, люди опираются на субъективные оценки, эмоции, свои впечатления и переживания, знания экстралингвистических реалий, житейский опыт и наблюдения.

Элементы национального сознания чаще всего сохраняются во фразеологическом образе, поскольку он рождается на основе каких-либо реалий, известных всему народу, отражающих его историю, установившееся обычаи и традиции, духовную сферу. Такими реалиями могут быть местные топонимы, антропонимы, номинации обычаев, обрядов, профессиональной деятельности, характерных для определенной нации, и т.п. Чем лучше известна, знакома народу та ситуация, та реалья, из которой рождается образ, тем больше ее сторон и признаков используется для образования фразеологических значений. Этим можно объяснить появление многозначных фразеологизмов на основе одного фразеосочетания (ФС).

Рассмотрим несколько таких сочетаний, извлеченных из словарных материалов.

В нашем материале мы нашли несколько групп ФС с ярко выраженной национальной спецификой.

1. Фразеосочетания, в значениях которых отражается профессиональная деятельность людей – ремесленные, промышленные, земледельческие и т.п. работы, в настоящее время нередко забытые.

Луженая глотка (от «луженый», «покрытый полудой» – в старину тонким слоем олова покрывали поверхность металлических изделий (например, посуду) для предохранения от ржавчины, окисления, что придавало ей большую прочность). Фразеологические значения (ФЗ) в этом ФС появляются параллельно как отражение разных возможностей применения «прочной» глотки: 1) кто-либо обладает способностью много и часто пить, не пьянея; 2) кто-либо обладает способностью громко, долго петь, кричать, ругаться и т.п.

Тянуть [разводить] канитель (в денотативной ситуации так описывается очень медленный и нудный способ изготовления вытягиванием и волочением из металла канители – тонкой медной, золотой или серебряной нити, употребляющейся главным образом для вышивания). Фразеологические значения несут в себе разные характеристики этого процесса: 1) делать, говорить и т.п. что-либо однообразно, нудно; заниматься чем-либо однообразным, нудным; 2) медлить, затягивать какое-либо дело, осуществление чего-либо.

Сбоку припека – выражение заимствовано из пекарного дела, в котором припека – это налипший на хлебобулочное изделие и запекшийся на нем лишний кусок теста. ФС может быть характеристикой человека: ФЗ 1. лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-либо или к чему-либо, совершенно посторонний. Оно может стать и характеристикой действия постороннего человека: ФЗ 2. будучи лишним или не имея прямого отношения к чему-либо (делать что-либо). Но оно может относиться и к образу действия: ФЗ 3. без достаточного основания, без видимых причин, необдуманно (сказать, сделать что-либо).

К этой же группе относится и ФС *поворачивать оглобли* – изменять направление, путь движения телеги, повозки и т.п. при помощи двух круглых жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошадей; из лексикона извозчиков, кучеров. Фразеосочетание описывает действие, имеющее разные результаты, которые запечатлелись во ФЗ: 1) уходить, уезжать, отправляться и т.п. обратно (физическое действие); 2) отказываться, отступать от своих

обещаний, убеждений, решений (моральный поступок).

2. Фразеосочетания, несущие национальную специфику, отражают социально-исторические обычаи и быт русского народа.

Бить челом – первоначально: стоя на коленях, кланяться так низко, чтобы челом (лбом) доставать до земли. Этот древнерусский способ общения нижестоящего с высокими особами имел несколько целей, которые одновременно и параллельно отразились в значениях ФС. ФЗ 1) почтительно кланяться, приветствуя кого-либо; 2) выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности за что-либо; 3) обращаться к кому-либо с большой просьбой о помощи; 4) обращаться к должностному лицу с жалобой на обидчика.

Платить [отдавать] дань – в старину: дань – это побор или налог, взимаемый победителем с побежденного народа. Средневековая Русь долгое время платила дань татаро-монголам. Хорошо знакомая русскому народу ситуация осмыслялась, конечно, как тягостная повинность, выполняемая по принуждению. Но могло быть и понимание обязательности такого действия, определяемого заслугами, достоинствами адресата или неизбежности такого действия, определяемого факторами, не зависящими от человека. Поэтому на основе ФС Д1Д1 *платить дань* (победителю) появляются и ФЗ: *платить дань уважения кому-либо* ФЗ 1. воздавать должное кому-либо как победителю, оценивать его в полной мере, по заслугам, по достоинству; *отдать дань природе* ФЗ 2. поступать соответственно своим потребностям и *отдать дань новым увлечениям* ФЗ 3. следовать чему-либо, уделять внимание.

Задавать баню – жарко, горячо истопить баню (специальное помещение, где моются и парятся); стегать кого-либо веником в бане по русскому обычаю. Отсюда и параллельное развитие двух ФЗ: 1) сильно ругать, бранить кого-либо, чтобы ему стало жарко и 2) жестоко побить, поколотить и т.п. кого-либо.

Отрезанный ломоть (в денотативной ситуации – отрезанный ножом от целого плоский кусок хлеба, пирога и т.п., который нельзя приставить обратно). Исходное значение свободного сочетания допускает разные символические толкования, что способствует появлению нескольких ФЗ: 1) человек, отделившийся от семьи, от дома, ставший самостоятельным (обычно так говорят о дочери или сыне); 2) человек, порвавший связь с привычной средой, порвавший с привычным образом жизни, с привычной деятельностью.

3. Национальное сознание отражают и многозначные фразеосочетания, в которых хранится память о патриотизме русского народа в борьбе с иноземными захватчиками, отображены реалии

военных действий.

Не на жизнь [живот], а на смерть – бороться, сражаться до последнего вздоха; смело, отважно; не задумываясь, идти на риск, подвергать себя опасности. ФЗ данного фразеосочетания актуализируют семы силы, высокой степени, которые могут быть отнесены 1) к действию: не щадя своей жизни (вести борьбу, сражаться и т.п.); 2) к признаку действия: жестокая, беспощадная, до решительного исхода (борьба, сражение); 3) к признаку признака: очень сильно (враждовать, ругать, ругаться и т.п.).

Лезть [идти, переть] на рожон (в денотативной ситуации – идти, двигаться куда-нибудь, не считаясь с опасными для жизни препятствиями (в данном случае – с острыми кольями, рогатинами, копьями, которые выставлялись в наклонном положении и служили в старину оружием) (Даль): ФЗ 1. предпринимать что-либо рискованное, заведомо обреченное на неудачу, чреватое неприятностями; а из него ФЗ 2. действовать сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях для себя.

4. В некоторых фразеосочетаниях запечатлелись истинно народные развлечения и забавы.

Шут гороховый [чучело гороховое, пугало гороховое] – лицо при барском доме или при дворе, развлекавшее забавными выходками господ и гостей или комический персонаж в балаганных представлениях (народных театральных зрелищах комического характера с примитивным сценическим оформлением), паяц. На основе этого ФС последовательно создается несколько ФЗ: 1) пустой человек; чудак, служащий всеобщим посмешищем; 2) бранное выражение в адрес кого-либо; 3) смешно, некрасиво или старомодно одетый человек.

Валять [ломать, корчить] дурака [ваньку] – прикидываться кем-нибудь, представлять из себя кого-нибудь, вести себя несерьезно, по-озорному. Различные цели такого поведения запечатлелись во фразеологических значениях данного ФС: 1) дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками; 2) делать глупости; поступать не так, как следует; 3) притворяться глупым, непонимающим; 4) праздно проводить время, бездельничать.

Таким образом, через анализ значений полисемичных фразеологизмов можно выявить целый ряд концептуальных признаков ситуации, описанной денотативным прототипическим фразеосочетанием.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. – М., 1955.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – С.-Петербург, 1999.

Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1978.

И.В.Хорошунова

Национальные особенности русской утилитарной оценки

(на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки
польза/вред)

Познавательная деятельность человека включает два момента: отражательный и оценочный. Оценочный взгляд на мир присутствует у всех людей, формируя их мировосприятие. Оцениваться может все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений, природных явлений и т. д.

Оценки делят на общие и частные. Общие оценки выражают отношение субъекта к объекту по признаку «хорошо/плохо» и ничего не сообщают о свойствах объекта. Частные оценки уже сочетают дескрипцию и оценку. Одним из видов частных оценок являются утилитарные.

Н.Д.Арутюнова выделяет утилитарные оценки как оценки, характеризующие что-либо как полезное/вредное, благоприятное/неблагоприятное, отграничивая их от нормативных оценок (*правильный/неправильный, здоровый/больной*) и от телеологических оценок (*эффективный/неэффективный, целесообразный/нецелесообразный*) (Арутюнова, 1988).

Мы изучаем лексико-семантическое поле утилитарной оценки, центром которого являются ключевые лексемы ПОЛЬЗА и ВРЕД.

Лексико-семантическое поле – это системное образование, имеющее определенную структуру – ядро-периферия, для которой характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков на периферии (Полевые

структуры в системе языка, 1989). Полеобразующим признаком в рассматриваемом нами ЛСП является наличие в семеме (содержательная сторона слова) семы (составляющий семему семантический признак) «польза» или семы «вред», независимо от того, выражается значение «присутствие пользы»/«присутствие вреда» или «отсутствие пользы»/«отсутствие вреда».

Лексико-семантическое поле "ПОЛЬЗА/ВРЕД" имеет следующую структуру.

1. Центр ЛСП "ПОЛЬЗА/ВРЕД" составляют лексемы со значением утилитарной оценки общего характера, т. е. в значении лексем не указывается сфера полезного/вредного воздействия.

Центр поля представлен теми семемами, которые являют собой основное, базовое, наиболее абстрактное значение ("благотворное, благоприятное воздействие чего-нибудь, нечто полезное" или "нечто вредное, приносящее вред, ущерб").

Ядро ЛСП "ПОЛЬЗА/ВРЕД" представлено лексемами со значением общей утилитарной оценки. В ядро данного ЛСП входят те семемы, в которых сема "польза" или сема "вред" являются архисемами.

Центр и ядро: (*польза* - благотворное для кого-нибудь, чего-нибудь воздействие чего-нибудь, нечто полезное, *безвредный* Д1 - не причиняющий вреда, *бесполезный* Д1 - не приносящий пользы, *вред* Д1 - урон, ущерб, *вредный* Д1 - приносящий вред, ущерб, *выгода* Д2 - преимущество, польза, *выгадать* Д2 - извлечь пользу, выгоду, *интерес* Д2 - выгода, польза, *барыш* Д2 - выгода, польза, *напрасный* Д1 - бесполезный, бесплодный, *тщетный* Д1 - бесполезный, напрасный, *невыгода* Д2 - невыгодная, неблагоприятная сторона чего-либо, *пагуба* Д1 - сильный вред и др.).

2. Ближнюю периферию составляют лексемы, в семемах которых сема «польза» или сема «вред» являются дифференциальными.

Если в ядре ЛСП «ПОЛЬЗА/ВРЕД» присутствуют лексемы с наиболее абстрактным значением, то значения лексем в ближней периферии конкретизируются, «уточняются». Например, «полезный» – слово с универсальным утилитарным значением, которое можно применить в любой ситуации (полезный для здоровья, полезный для материального состояния и т.д.), для обозначения же пользы в каждой конкретной сфере существуют особые лексемы: «здоровый» – полезный для здоровья, «обогащение» – действие, полезное для материального состояния.

Ближняя периферия представлена лексемами общей утилитарной оценки и лексемами со значением утилитарной оценки частного

характера (т. е. в значении лексем есть указание на сферу полезного/вредного воздействия).

2.1. Парцелла, включающая в себя лексемы утилитарной оценки общего характера. Эти оценки выражают отношение субъекта к объекту по признаку "полезно/вредно" и ничего не сообщают о свойствах объекта (например, *помогать* Д1 - действовать на пользу кому-нибудь, чему-нибудь, *помощь* Д1 – содействие в чем-либо, участие в чьей-либо работе, то есть действия, полезные кому-либо, *содействие* Д1 – помощь, поддержка, *способствовать* Д1 – оказывать помощь, содействовать, *выиграть* Д2 – выгадать что-либо, получить пользу, *пользоваться* Д2 – извлекать для себя какую-либо выгоду, *мешать* Д1- действовать во вред, *накосячить* К1 – причиненные кому-либо вред, неприятности, *испортить* К1 – нанести вред, усугубить ситуацию и др.);

2.2. Парцелла "Материальная польза/вред", включающая в себя лексемы частной утилитарной оценки (например, *обогащать* Д1 - действовать на пользу материальному состоянию кого-либо, *выгода* Д2 – материальная польза, доходы, *барыш* Д1 – прибыль, *невыгодный* Д1 – не приносящий материальной выгоды, пользы, *убыток* Д1 – урон, материальные потери, *ограбить* Д1 – отнять силой, обокрасть, то есть причинить материальный вред, *воровать* Д1 – похищать принадлежащее другим, *разорить* Д2 – разрушить чье-либо материальное благополучие и др.);

2.3. Парцелла "Польза/вред для физического здоровья" (например, *лечить* Д1 - действовать на пользу для здоровья кого-либо, *оздоровить* Д1 – сделать более здоровым, *здоровый* Д2 – полезный для здоровья, *целебный* Д1 – целительный, полезный для здоровья, *нездоровый* Д2 – вредный для здоровья, *вредность* Д2 – вредные условия работы, производства и др.);

2.4. Парцелла "Польза/вред для психического состояния человека" (например, *заговор* Д2 – заклинание, магические слова, обладающие целебной силой, *сглазить* Д1- причинить вред кому-либо дурным глазом, портить Д2 – наводить порчу и др.);

3. Дальнюю периферию, как и ближнюю, составляют лексемы, в которых сема "польза" или сема "вред" являются дифференциальными. Эти дифференциальные семы различаются по степени яркости. Если ближняя периферия представлена сильными дифференциальными семами, то дальняя - более слабыми.

В дальней периферии поля присутствуют лексемы со значением общей утилитарной оценки и лексемы со значением утилитарной оценки частного характера.

3.1. Парцелла, включающая в себя лексемы утилитарной оценки общего характера (например, *спасать* Д1 – избавлять от гибели или от чего-либо неприятного, *защищать* Д2 – предохранять от чего-либо вредного, неприятного, *обезопасить* Д1 – оградить от опасности, *избавить* Д2 – выручить, помочь избежать чего-либо неприятного, *благодетель* Д1 – лицо, оказывающее кому-либо покровительство, благодеяния, услуги, *улучшать* Д1 – сделать лучше, выше по качествам, свойствам, *безобидный* Д2 – безвредный, безопасный, *ухудшать* Д1 – сделать худшим, более плохим, *злонамеренный* Д1 – имеющий злые намерения, *развалить* К1 – привести в полное расстройство, *подорвать* К1 – сильно повредить чему-либо, расстроить, поколебать и др.);

3.2. Парцелла "Материальная польза/вред" (*льгота* Д1 – полное или частичное освобождение от соблюдения общих правил, уменьшение материальных расходов, *чинить* Д1 – исправлять, делать вновь пригодным, *грабить* Д2 – разорять поборами, взятками, *ломать* Д2 – разрушать, приводить в негодность, *крушить* Д1 – разрушать, ломать и др.);

3.3. Парцелла "Польза/вред для физического здоровья" (*лекарство* Д1 – лечебное средство, медикамент, *укрепить* Д2 – сделать более крепким, здоровым, *безболезненный* Д1 – не вызывающий боли, физических страданий, *излечение* Д1 – выздоровление, *болезнетворный* Д1 – являющийся причиной или возбудителем болезни, *переработать* Д2 – причинить вред своему здоровью излишней работой, переутомиться и др.);

3.4. Парцелла "Польза/вред для психического состояния человека" (*сглазчивый* Д1 – склонный к сглазу и др.).

4. Крайнюю периферию поля составляют семемы, в которых сема "польза" или "вред" являются скрытыми.

4.1. Парцелла, включающая в себя лексемы утилитарной оценки общего характера (*благополучие* Д1 – спокойная, счастливая жизнь, то есть состояние, полезное для человека, *благоденствие* Д1 – благополучие, счастливая жизнь, *цвести* К1 – успешно развиваться, процветать, *бедствие* Д1 – большое несчастье, тяжелое, губительное состояние и др.);

1.2. Парцелла "Материальная польза/вред" (*благосостояние* Д1 – благополучие, материальный достаток, то есть состояние, полезное для человека, *богатство* Д1 – большое имущество, *бедность* Д1 – отсутствие материальных благ, *нищета* Д1 – крайняя бедность, *нужда* Д1 – недостаток самого необходимого, бедность и др.);

1.3. Парцелла "Польза/вред для физического здоровья" (*здоровый* Д1 – обладающий здоровьем, то есть находящийся в состоянии, полезном для человека, *цвести* К1 – быть здоровым, *больной* Д1 – нездоровый, *болезнь* Д1 – расстройство здоровья, недуг, *немошь* Д2 – болезнь и др.);

1.4. Парцелла "Польза/вред для психического состояния человека" (*порча* Д2 – болезнь, вызванная колдовством и др.).

Источниками исследования послужили «Словарь языка Пушкина», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под. ред. Д.Н.Ушакова, «Словарь русского языка» под. ред. А.П. Евгеньевой.

По материалам каждого из словарей были составлены ЛСП утилитарной оценки ПОЛЬЗА/ВРЕД.

Рассмотрение материалов вышеперечисленных словарей показало, что среди типов утилитарной оценки преобладает оценка общего характера (ЛСП, составленное по материалам «Словаря языка Пушкина» – 65,9% от общего числа лексем, несущих утилитарную оценку; ЛСП, составленное по материалам «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля – 53,3%; ЛСП, составленное по материалам «Толкового словаря русского языка» под. ред. Д.Н.Ушакова – 51%; ЛСП, составленное по материалам «Словаря русского языка» под. ред. А.П. Евгеньевой – 52,1%).

Среди утилитарных оценок частного характера преобладает такой тип, как материальная польза/вред (ЛСП, составленное по материалам «Словаря языка Пушкина» – 22,5% от общего числа лексем, несущих утилитарную оценку; ЛСП, составленное по материалам «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля – 26,1%; ЛСП, составленное по материалам «Толкового словаря русского языка» под. ред. Д.Н.Ушакова – 32,1%; ЛСП, составленное по материалам «Словаря русского языка» под. ред. А.П. Евгеньевой – 31,4%).

Таким образом, среди типов утилитарной оценки преобладает оценка общего характера, на втором месте оказывается такой тип утилитарной частной оценки, как материальная польза/вред.

К выявлению немецко-русских лакун

Национально-специфические элементы в лексических системах языков и культурах подвергаются описанию отечественными и зарубежными исследователями с помощью термина *лакуна* (от франц. *lacune* – пустота, брешь). Эти «пустоты» выявляются при сопоставлении лексических систем двух языков либо лексико-семантических полей слов.

Конкретные лакуны можно выделить только в пределах сравниваемой пары языков. «О безэквивалентной лексике какого-либо языка можно говорить только по отношению этого языка к какому-нибудь другому или другим языкам. То, что в языке X является безэквивалентным по отношению к языку Y, может не быть безэквивалентным по отношению к языку Z. Например, русское *дружинник* безэквивалентно по отношению к немецкому языку, но не по отношению к литовскому языку, где есть адекватный эквивалент *draugavininkas*» (Гудавичюс 1985, с. 65).

Отсутствие единицы есть межъязыковая лакуна. «Единица второго языка, на фоне которой обнаружена лакуна в исследуемом языке, является в этом случае безэквивалентной. Таким образом, понятия межъязыковой лакуны и безэквивалентной единицы соотносительны: первые выделяются на фоне последних и взаимно предполагают друг друга» (Стернин, Флекенштейн 1989, с. 46).

При исследовании лакун возможно несколько вариантов:

единица полностью отсутствует в языке, соответствующая единице сравниваемого языка /абсолютная лакуна/;

присутствует некоторое соответствие, но оно является неадекватным /относительная лакуна/;

«Неадекватным соответствием считается в тех случаях, когда оно:

не передает основных ядерных дифференциальных сем слова, имея при этом более обобщенное значение /то есть являясь гиперонимом/; такие лакуны обозначаются как денотативные гипонимические лакуны – они представляют собой отсутствие гипонимов;

вносит дополнительные ядерные дифференциальные семы, выступая при этом как более конкретная по содержанию единица /гипоним/; такие лакуны относятся к денотативным гиперонимическим лакунам /отсутствует гипероним/;

не передает эмоциональные и оценочные компоненты единицы /коннотативные лакуны/, либо передает с резкой разницей;

не передает функциональный, преимущественно функционально-стилистический компонент единицы /стилистические лакуны/, либо передает с резкой разницей» (1, с. 46-47).

Можно предположить, что адекватными лексическими соответствиями будут являться эквиваленты и близкие соответствия, неадекватными – приблизительные и допустимые.

По определению лакуна не может иметь соответствия, так как она является отражением именно отсутствия соответствия. То слово или выражение, при помощи которого лакуна обозначается можно назвать термином «компенсатор» - то есть языковая единица, словосочетание, описание и т. д., которые компенсируют соответствующее слово.

Термин «компенсация лакун» часто используют при переводе. В. Дуда с соавторами выделил следующие виды компенсации лакун:

займствование	/самовар – Samowar)
лексической единицы	
буквальный перевод	/маршрутка – Marschrutka/
описание	/ботва – Kraut der Hackfrüchte/ /каравай – rundes Brot/
аналогизирование	/конкурс – Wettbewerb/ /баня – Badestube/

Если в словаре то или иное слово обозначено конструкцией, развернутым словосочетанием, то это является важным признаком наличия лакуны, а словосочетание – компенсатором лакуны.

Например:

бракодел	- Arbeiter, der viel Ausschluß erzeugt рабочий, который производит много отходов
головоломка	- schwieriges Rätsel трудная загадка
буфет	- Verkaufsstand für Imbisse und Getränke прилавков для закусок и напитков

С точки зрения причины возникновения лакуны могут быть подразделены на мотивированные и немотивированные (Быкова 1999, с. 72).

Мотивированные лакуны – отражение отсутствия в языке слова вследствие отсутствия самого явления, предмета как такового,

процесса в самой действительности народа, говорящего на данном языке. Сама действительность объясняет их отсутствие.

Немотивированные лакуны – отражение отсутствия в языке единицы (слова) при наличии у данного народа соответствующего предмета, явления, процесса. Народ может наблюдать то или иное явление, но обходиться при этом без его наименования. Это обусловлено историческими, культурными традициями, социальными причинами.

Объяснить причины возникновения немотивированных лакун трудно. Если в случае необходимости говорящие на данном языке обсуждают соответствующий процесс или предмет, то его обычно обозначают ситуативно–описательным оборотом, свободным словосочетанием и т. д. , то есть компенсируют лакуну. Иногда используют узкоспециальную – терминологическую, жаргонную номинацию, неизвестную широкому кругу общающихся на этом языке.

«Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры», отмечал Л.В. Щерба (Щерба 1974 , с. 69), .

Возможно несовпадение лексических единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения действительности: номинации одного обобщенного явления или понятия в одном языке соответствуют несколько конкретных понятий в другом.

Например:

полотенце	- Handtuch, Badetuch, Wischtuch, Geschirrtuch
доска	- Platte, Tafel, Brett
поднос	- Tablett, Servierbrett
ваза	

Приведем примеры лакун разных типов в русском и немецком языках.

Мотивированные лакуны

Немецко-русские мотивированные лакуны /отсутствие слова в немецком языке на фоне русского/:

косоворотка	- Männerhemd mit seitlich zu knöpfendem Kragen
-------------	--

	мужская рубашка со скошенным воротником
кулебяка	- Pastete mit Fleisch, -Fisch, -Kohl Glützerfüllung
наливка	пирожок с мясной, рыбной начинкой - Fruchtlikör
каравай	фруктовый ликер - rundes Brot
кефир	круглый хлеб - dicke gegorene Milch Getränk
бакалея	густой молочный напиток - Lebensmittel, wie Tee, Zucker, Mehl
изба-читальня	- Kulturhaus auf dem Dorf Дом культуры в деревне
голубец	- Kohlrouladen
гимнастерка	рулет из капусты с начинкой - Feldbluse mit hochgeschlossenem Kragen
	полевая рубашка, застегнутая на все пуговицы
декабрист	Teilnehmer an der Freiheitsbewegung des 14.12.1825
	участник освободительного движения
ермолка	- rundes, eng anliegendes Käppchen
Жар-Птица	круглая, плотно прилегающая кепка - Vogel mit leuchtendem Gefieder
окрошка	птица со сверкающим оперением - kaltes Gericht aus Kwas mit Kräutern oder gehacktem Fleisch oder Fisch
	холодное блюдо с зеленью из кваса
оладьи	- flacher Pfannkuchen
	маленький блин
Ср. также <i>пастила, патока, перцовка, повидло, массовик, погреб.</i>	

Немотивированные лакуны

Немецко-русские /отсутствие слова в немецком языке на фоне русского/:

ботва	Kraut der Hackfrüchte трава корнеплода
-------	---

комбайн	Maschine für mehrere Arbeitsgänge машина для выполнения многих операций
койка	einfaches, primitives Bett простая, примитивная кровать
молодец	kräftiger Bursche
молокосос	Grünschnabel, unerfahrener Junge неопытный юноша
мошка	kleine Fliege маленькая муха
наказ	schriftliche Anweisung письменное указание
мурашка	kleine Ameise маленький муравей
накипь	Schaum, der sich beim Kochen abgesetzt hat пена при варке
кладка	Bauen mit Steinen oder Ziegeln строительство кирпичом
заморозки	leichter Morgen – o. Nachtfrost легкий мороз утром или вечером
вредительство	schädliche Tätigkeit наносящая ущерб, вред деятельность
дипломник	Student, der an seiner Diplomarbeit arbeitet студент, который работает над дипломом
дошкольник	noch nicht Schulpflichtiges Kind ребенок, который еще не обязан посещать школу
жижа	dicke Flüssigkeit густая жидкость
кляуза	falsche Beschuldigung ложное обвинение
колпак	glockenformige Kopfbedeckung головной убор в форме колокола
захолустье	abgelegener Ort место, расположенное в стороне
небылица	erfundener Bericht

общественник	выдуманное сообщение aktiver Teilnehmer am gesellschaftlichen Leben активный участник в общественной жизни
однотомник	einbändige Ausgabe однотомное издание
однофамилец	Namensvetter der denselben Familiennamen führt тот, кто носит с кем-либо одну фамилию
ожерелье	wertvoller Halsschmuck драгоценное украшение на шею
оскомина	Stumpfheit der Zähne hervorgerufen durch Säure
пятикурсник	«студент пятого курса вуза или техникума» /и, соответственно, первокурсник, второкурсник, третьекурсник, четверокурсник/
квартал	«часть улицы между двумя перекрестками»
аврал	«выполняемая всем коллективом спешная работа»
сухоямка	«сухая пища без жидкого и горячего»
куранты	«башенные часы с музыкальным боем»

Ср. также сутки, надбровье, небосклон, бесприданница, жатва, мякоть, допризывник, отсебятина, отделка, очковитирательство, ошейник, паводок, пазуха, прописка, прописка, папаха, парадная, пашня, пейзаж, пекарня, пекло, передряга, плоть, поверье, повесть, повинность, подачка, подвох, подноготная, подметка, подоплека, подросток, подтек, подспорье.

Таким образом, в немецком языке на фоне русского выявляется большое количество мотивированных и немотивированных лакунов, которые требуют систематического изучения.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Автореферат докторской диссертации. Воронеж, 1999.

Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1987.

Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии». Галле, 1989.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Е.И.Борисова

Национальная специфика немецких и русских медицинских терминов

Достижение максимальной точности перевода терминов является непростой задачей, в особенности, если в языке перевода нет лексемы с прямым соответствием.

Как известно, термин является формой существования научного понятия, выражением его сущности. В этом качестве выступают существительные (простые, производные, сложные), сочетания прилагательных и существительных (составные термины), реже - глаголы и прилагательные.

При переводе немецких терминов на русский язык традиционно используются разные способы передачи их значений. Малоизученной остается область терминологии, когда в языке перевода отсутствует прямой эквивалент и речь может идти о наличии различных типов соответствий. Типология лексических соответствий разработана в монографии под ред. З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Лексическая система языка» (Воронеж, 1984, с.72).

В задачу данной статьи входит описание некоторых типов немецких терминов, не имеющих или имеющих частичные соответствия в русской терминосистеме.

Источником фактического материала послужили выборки терминов из «Немецко-русского медицинского словаря», М., 1958 и «Большого немецко-русского словаря», Е. И. Лепинга и др., М., 1969.

В процессе анализа материала нами нами сделано несколько интересных наблюдений и выявлены различные типы соответствий в обоих языках.

К *векторным соответствиям* можно отнести следующие случаи.

Одна лексема немецкого языка соответствует нескольким лексемам русского языка с различиями в денотативном плане.

Например, *Fieber* — *повышенная температура (жар)*, *лихорадка*, *горячка*. Однако для наименования денотативного значения «*повышенная температура (жар)*» в немецком языке, кроме *Fieber*, существует и составной термин *erhöhte Temperatur*.

В терминосистеме одного языка для наименования денотата может существовать *синонимический ряд*, в то время как в языке фона имеется только один термин (простой или составной): *Genick*, *Hinterhaupt*, *Nacken* — *затылок*; *Schultergürtel*, *Schulterpartie* — *плечевой пояс*; *flache, innere, platte Hand* — *ладонь*; *geballte, geschlossene Hand*, *Faust* — *кулак*.

Сравним также составной термин *kahler Scheitel* и синонимический ряд эквивалентов в русском языке — *лысая голова*, *лысина*, *плешь*. В немецком языке существует для наименования этого денотата свой синонимический ряд, состоящий из сложного слова и простой лексемы — *Kahlkopf*, *Glatze*. Таким образом, в обоих языках для наименования денотата существуют свои синонимические ряды с разным набором структурных и семантических признаков (ср.: *плешь* — наличие экспрессивных сем).

В немецком языке для наименования пальцев руки и ноги существуют разные лексемы: *Finger* — *палец руки*, *Zehe* — *палец ноги*. Для наименования каждого пальца руки имеются в обоих языках свои лексемы: *Daumen* — *большой палец* (в немецком языке обозначение этого пальца образовано без участия лексемы «*Finger*»), *Zeigefinger* — *указательный палец*, *Mittelfinger* — *средний палец*, *Ringfinger* или *Goldfinger* (буквально палец с кольцом или золотой палец) — *безымянный палец*, то есть палец, не имеющий имени (обратим внимание на семантические различия в терминах) и *kleiner Finger* (буквально маленький палец) — *мизинец*. Таким образом, в немецком языке существует специальная лексема для наименования большого пальца — *Daumen*, а в русском — для наименования маленького пальца — *мизинец*.

В медицинской практике эта бытовая классификация пальцев руки не употребляется. Хирурги говорят: *перелом первого, второго и т.д. пальца*.

На ноге в немецком языке существует специальное наименование только для *большого пальца* и *мизинца* *grosse Zehe* и *kleine Zehe*. В профессиональной речи также употребляется термин *первый, второй и т.д. пальцы ноги*.

Своеобразным для немецкого языка является наличие терминов, в состав которых входит латинский корень, что является по своей природе более органичным для немецкого языка, в то время как в русском языке употребление латинских корней, по нашему наблюдению, менее частотно, поэтому возникает необходимость передавать содержание наименования денотата описательным способом. Таким образом, можно говорить об отсутствии в русском языке ёмкого компактного термина, то есть о наличии в русском языке лакуны.

Accessoriuslähmung – судорога добавочного мозгового нерва;

Aktivitätshypertrophie – гипертрофия вследствие усиленной работы;

Anarthrie – расстройство артикуляции речи, при котором речь становится непонятной.

Особую группу в нашей выборке составили термины, имеющие в сопоставляемых языках разный «внутренний образ». В этом случае в каждом языке для наименования одного и того же денотата в лексеме отражены его разные характеристики. Например, *Schulterblatt* (букв. «лист плеча»)- *лопатка*. *Leber-lappen* (букв. «лоскут печени») – *доля печени*. *Steckschuß* (букв. «застрявший выстрел») – «*слепое ранение*», ранение, при котором пуля застряла в теле.

Приведенные выше примеры можно отнести к линейным соответствиям.

Результат анализа терминологических несоответствий, выявление семантических и структурных отличий медицинских терминов может послужить практическим целям в переводческой и педагогической деятельности.

Л.В.Ковалева

Национальные особенности фразеосочетаний, обозначающих животных, в русском и немецком языках

Фразеологические сочетания, включающие в свой состав названия животных, составляют довольно значительный пласт в языковой системе русского и немецкого языков. Это объясняется тем, что животные всегда играли большую роль в повседневной жизни этих народов. Взаимодействие с миром животных, использование их в хозяйственной деятельности отразились в сознании людей, были замечены особенности того или иного животного, формировались

оценочные и эмоциональные отношения к нему. Большинство животных являлись носителями различных свойств и качеств, которые были хорошо известны благодаря непосредственному общению с миром животных и послужили впоследствии основой метафоризации и формирования фразеологических концептов.

Мало отличающиеся природные условия России и Германии, одинаковые виды растительности явились условием распространения в лесах типичных представителей животного мира: медведей, волков, лис, зайцев и др. Образ обитания и манера их поведения послужили причиной создания многих фразеологических концептов.

МЕДВЕДЬ/ BAR

Фразеосочетания с лексемой “медведь” в русском и немецком языках имеют общие компоненты, связанные с такими качествами этого животного, как неуклюжесть, неповоротливость (неуклюжий как медведь, медвежья объятая, медвежья услуга, “Ein rechter Bar” (настоящий медведь) - он груб, неотесан; “Plump wie ein Bar” (букв. неуклюжий как медведь); “Da geht der Bar ab” (букв. здесь прошел медведь) - здесь все поломано, что-то случилось, произошло); тяжеловесность (медведь на ухо наступил, da tanzt der Bar (букв. здесь танцует медведь) - все ломается, портится, что-то происходит).

Образ жизни медведя, его зимняя спячка в берлоге послужили созданию образной характеристики: в русском языке отдаленных малонаселенных мест обитания людей - “медвежий угол”. Немцы же, отражая образ жизни животного (зимнюю спячку), переносят это качество на характеристику человека сонливого, ленивого, любящего побездельничать. “Schlafen wie ein Bar” (букв. спать как медведь);

Некоторые фразеосочетания с лексемой “медведь” имеют и сугубо национальные, не имеющие эквивалентов в анализируемых языках черты. Например, в русском языке деление несуществующей прибыли выражено фразеосочетанием “Делить шкуру неубитого медведя”, в немецком языке безделье выражено фразеологизмом “Auf der Barenhaut liegen”(букв. лежать на медвежьей шкуре), а такое отмечено такое качество медведя, как сила и здоровье - “Gesund wie ein Bar” (букв. здоров как медведь)

Очень своеобразно немецкое фразеосочетание “Jemandem einen Baren aufbinden” (привязать кому-либо медведя). Необычность действия выражает неправдоподобие чего-либо, поэтому данное фразеосочетание означает *наврать, надуть кого-нибудь; наврать с три короба.*

ЗАЯЦ/ HASE

Поведение и характер зайцев послужили основанием для возникновения многих фразеологизмов в русском и немецком языках. Так, например, быстрота и ловкость этого животного, подмеченные охотниками, отражена в устойчивых словосочетаниях: “Sehen, wie der Hase läuft” (букв. видеть, как бежит заяц) - смотреть, как развиваются события, как идут дела; “Wissen, wie der Hase läuft” (букв. знать, как бежит заяц) - знать толк в деле, разбираться в чем-либо; гоняться за двумя зайцами.

В народном сознании и русских, и немцев заяц традиционно является отражением трусости. Образ трусливого зайца воспринят русской городской культурой. Именно эти образные ассоциации и послужили переносу их на поведение человека, который едет в транспорте без билета, боясь быть пойманным контролером и оштрафованным. Отсюда и фразеосочетание “ездить зайцем” - ездить в городском транспорте без билета.

Традиционный мотив трусливого зайца хорошо просматривается в таких словосочетаниях, как “заячья душа”, “труслив, как заяц”. (Бирх, 2001). В немецком языке концепт “трусость” выражен следующими фразеосочетаниями: “Einen Hasen im Busen tragen” (букв. носить зайца в груди) - быть пугливым, трусливым человеком; “Er ist ein wahrer Hase” (букв. он настоящий заяц) - он настоящий трус; “Beschossener Hase flieht vor jedem Gebusch” (букв. подстреленный заяц убегает от каждого куста) - пуганая ворона куста боится; “Das Hasenpanier ergreifen” (букв. впасть в заячью панику) - пускаться наутек, давать стрелача. “Da liegt der Hase im Pfeffer” (здесь заяц лежит в перце) - вот в чем дело, вот в чем загвоздка; “Merken, wo der Hase liegt” (букв. заметить, где лежит заяц) - знать, какой оборот примет дело;

Однако понятие осторожности, опытности, связанное с поведением старого зайца, отмечено только в немецком языке. “Ein alter Hase” (букв. старый заяц) - стреляный воробей. “Jemand ist kein heuriger Hase mehr” (букв. кто-то заяц не этого года рождения) - он уже взрослый, знающий человек, кто-то уже не маленький.

БЕЛКА/ EINHORNCHEN

В лесах Германии и России обитает белка - представитель семейства грызунов, внимательность, проворство и нежный мех которой послужили основой возникновения фразеологических концептов в языках двух народов.

Например, концепт “быстрый, суетливый, хлопотливый”. В русском языке он выражен фразеологизмом: “Вертеться (кружиться) как белка в колесе” - быть в постоянных хлопотах, делах. В немецком -

“Flink wie ein Eichhornchen” - быстрый как белка; “Muhsam nahrt sich das Eichhernchen” (букв. трудом кормится белка) - деньги нелегко даются.

Красивый пушистый хвост белки породил следующие фразеологизмы в анализируемых языках. “Дуй белке в хвост”, - скажут русские в насмешку над неопытными охотниками, которые выбирают целью пушистый хвост белки, а немцы - “Er hat ein Eichhornchen geschnupft” (букв. он понюхал белку) - у него пушистые усы.

Однако не все наименования животных, обитающих в лесах двух стран, использовали для образования фразеологических концептов в обоих языках.

Например, красота, грациозность, благородство, ловкость, быстрота оленя “der Hirsch”, перенесенные на человека, послужили основой для образования ряда фразеологических концептов в немецком языке.

“Laufen, springen, tanzen wie ein Hirsch” (букв. бегать, прыгать, танцевать как олень) - быть энергичным человеком;

Одни и те же качества этого животного иногда позволяют характеризовать людей с противоположных сторон. Например: “Ein flotter Hirsch” (букв. лихой олень) – бабник.

Подмеченный немецкими охотниками образ существования оленя способствовал образованию следующего фразеологизма: “Wo die Hirsche ihre Geweihe abwerfen” (букв. там, где олени сбрасывают свои рога) - у черта на куличках; в глуши; “Wenn Hirsche nicht kommen, sind Hasen auch gut” (букв. если не придут олени, то зайцы тоже хорошо) - все лучше, чем ничего.

В русском языке отсутствуют фразеологические концепты с лексемой “олень”, хотя данная лексема находит свое употребление в семантическом пространстве языка.

КРОТ, БИРЮК

В русском языке фразеологические концепты с лексемами “крот” и “бирюк” отрицательно характеризуют поведение человека. Например: “жаден как крот”, “слеп как крот”, “бирюком смотреть” - иметь угрюмый, нелюдимый вид; “бирюком жить” - жить нелюдимо, не общаясь ни с кем.

Бирюком в южных районах России называют волка-одиночку, который обитает в глухих лесах. Такие волки-одиночки издавна привлекали внимание людей как самые опасные хищные звери. Русские люди прекрасно изучили их повадки и привычки и нередко вспоминали их, говоря о человеке (Вартаньян, 2001).

СВИНЬЯ/ SCHWEIN

Фразеологические концепты, образованные на основе признаков свиньи, в концептосфере русского и немецкого языков очень продуктивны, так как разведением свиней занимались и русские, и немцы. Это домашнее животное всегда играло большую роль в хозяйственной жизни двух народов, в отношении к нему отразились традиции и национальный уклад жизни этих стран. Представление об этом животном формируется у русских и у немцев совершенно по-разному, “ассоциативная страноведческая значимость” выступает здесь очень ярко, “на переднем плане оказываются внеязыковые ассоциации и специфическое отношение носителей языка к соответствующему предмету” (Райхштейн, 1982), однако некоторые представления, связанные с образом свиньи, совпадают.

Например, концепт “грязный и непорядочный”. Данный концепт выражен в русском языке фразеосочетаниями: “Свинья свиной” - о грязном, неряшливом, крайне неаккуратном человеке, а также о подлом и неблагодарном человеке. Сильный негативный характер фразеологизма усиливается удвоением лексемы “свинья”.

“Свинья грязи найдет” - о чем-либо непорядочном, плохое тянется к плохому; “подложить кому-либо свинью” - сделать кому-либо большую неприятность. “как свинья в апельсинах (мыслит, понимает) - совершенно ничего не смыслит, не понимает; “свинья под дубом” - о неблагодарном и глупом человеке (из басни Крылова). “посади свинью за стол, она и ноги на стол” - о том человеке, который ведет себя распушенно, развязно где-либо; “к свиньям!”, “ко всем свиньям!” - убирайся, прочь!

В немецком языке: “Armes Schwein” (букв. бедная свинья) - несчастный человек, бедолага, глупенький. “Den Schweinen wird alles Schwein” (букв. у свиней все свиньи) - человеку с плохим характером все кажется плохим. Во фразеологизмах “Wie das Schwein aus dem Stall fortlaufen” (букв. как свинья из хлева выскочила) - уйти, оставив полный беспорядок - и “Das frisst kein Schwein” (букв. этого не будет жрать даже свинья) - в этом никто не разберется; сам черт не поймет - отмечается несколько грубоватый характер, отражающий образ жизни этого домашнего животного.

В немецком языке фразеологические концепты с лексемой “das Schwein” (свинья) в основном несут положительную эмоциональную окраску, так как свинья в Германии - символ богатства, зажиточности, благоденствия, ума, в русском же языке данные концепты с лексемой “свинья” не получили выражения во фразеологизмах.

Немецкий язык - выражение удачи, богатства:

“Jemand hat Schwein” (букв. У кого-то есть свинья) - кто-то счастливый человек, кому- улыбаются счастье). “Er hat grosses Schwein gehabt” (букв. у него была огромная свинья) - ему страшно повезло; “Das nenne ich Schwein” (букв. я называю это свиньей) - вот это удача; вот это счастье;

Не случайно с лексемой “свинья” связано понятие наличия больших денег и счастья: “Das Schweinegeld” (букв. свиные деньги) - бешеные деньги; “Das Schweinegluck” (букв. свиное счастье) - большое счастье, большое везение; “Das Sparschwein” (букв. свинья накопления) - копилка.

Взаимоотношение людей:

“Wir haben nicht zusammen Schweine gehutet” (букв. мы с вами вместе свиней не пасли) - мы с вами еще не на “ты”.

Характеристика человека:

Качество ума, понятливость:

“Das kann kein Schwein verstehen” (букв. этого даже свинья не поймет) - это абсолютно непонятно.

Таким образом, как показывают примеры, фразеологические концепты с базовой лексемой “свинья” в концептосфере русского и немецкого языков построены как на одинаковых, так и на совершенно разных ассоциациях, выражающих совершенно противоположные образные идеи, что определяется как исторически сложившимися традициями, так и национально-культурной спецификой. Сопоставляя, таким образом, фразеологические сочетания русского и немецкого языков, возникшие на основе осмысления опыта контактов с животными, можем отметить, что в них широко представлены названия большей частью одинаковых обитателей лесов, поскольку природные условия двух стран мало отличаются друг от друга. Разница, однако, состоит в том, что каждый язык описывает только им зафиксированные признаки, повадки и особенности поведения животных, которые впоследствии переосмыслиются и обуславливают появление тех или иных фразеологических единиц.

Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. СПб, 2001.

Вартаньян Э.А. Из жизни слов. М., 1973.

Райхштейн А.Д. Национально-специфические элементы семантики немецких фразеологизмов // Сб. научн. тр. МГПИИЯ, Вып.232. 1982. С.66-79.

Формирование ЛСГ глаголов пространственно-временной делокализации в современных русском и немецком языках

Целью данной статьи является анализ ЛСГ глаголов, обозначающих одномоментность выхода из состояния недвижения в перемещение. Данная группа глаголов сравнительно новая, только формируется, и поэтому, видимо, ее мало замечают и изучают. В качестве основного метода исследования мы применяли семемный и компонентный анализ.

В своей работе мы опирались на концепцию М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (Копыленко, Попова, 1989), согласно которой каждое значение слова получает термин "семема", а звучание слова - термин "лексема". "Лексема - единица плана выражения, последовательность фонем, составляющая звуковой ряд слова. Семема - единица плана содержания, мыслительный образ, ассоциированный с данной лексемой, вызванный ею в сознании" (Копыленко, Попова, с.31). Совокупность семем, выраженных одной лексемой, обозначаются термином "семантема".

Семема состоит из компонентов, представляющих собой своеобразную семантическую связку признаков разной степени абстрактности. Нашей задаче наиболее соответствует трактовка структуры значения слова, разработанная В.Г.Гаком. Согласно концепции данного автора, значение слова обладает иерархической организацией, которая включает три типа сем: архисему /общие семы родового значения/, дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные и возможные характеристики денотата. Архисемы отражают признаки, свойственные целым классам объектов.

К лексико-семантической группе глаголов, обозначающих момент перехода в состояние перемещения, мы относим глаголы: *двинуться, тронуться, сорваться, рвануться, броситься, кинуться, ринуться, метнуться, шарахнуться*. В.Д. Черняк рассматривает эти глаголы как синонимы (Черняк, 1981).

В немецком языке к ЛСГ глаголов пространственно - временной делокализации мы относим глаголы *anfahren, anrucken, anziehen, losfahren, losgehen, losziehen, losreißen sich*, фразеосочетание *in Bewegung setzen*.

У перечисленных глаголов обнаруживается общий семантический признак – начало стремительного (спонтанного) перемещения с места.

Рассмотрим вначале ЛСГ русских глаголов.

Наше исследование семантемы лексемы *двинуться* показывает, что основным компонентом значения является архисема – “начать самостоятельно спонтанное перемещение с места из состояния недвижения” - *“Лужин остановился. Мальчик остановился тоже. Лужин двинулся, мальчик тоже двинулся” /Набоков/; Толпа, продолжая молчать, двинулась к опрокинутому вагону /Толстой/; Махнул прутот: “цоб-цобе!” и волю двинулись, но, кажется, опять станут - уснут /Мережковский/; Лесная птица уже улетела, за ней двинулась болотная /Мамин-Сибиряк/.*

Свое дальнейшее и несколько иное развитие архисема получает в коннотативной семеме. Архисема под влиянием агенса утрачивает конкретный признак “начать спонтанное перемещение с места” и переосмысливается в архисему - “начало процесса, включающего перемещение, развитие” - *Запольские капиталы двинулись оптом на хлебный рынок /Мамин-Сибиряк/; Русская колонизация сразу двинулась вперед.../там же/.*

Данная семема реализуется также при сочетании с существительными, обозначающими время: *С беломорья пошла навага, - значит, и зима двинулась: там ведь она живет /Шмелев/; – “начать существовать в виде смены образов в мозгу, в виде смены импульсов состояния” - Мысль ее, как случалось нередко, вновь двинулась на мужчин, на их подлую манеру обращать внимание, как женщина одета.../Зайцев/; Душа, может быть в эту минуту, не разлучаясь, но, наоборот, крепче обнимаясь со своей оболочкой, помогая ей, двинулась куда-то, со звоном колоколов, с разрывом ракет, в исчезающий, тающий, белый Млечный путь /Берберова/.*

Основным компонентом значения лексемы *тронуться* является архисема - “находясь на определенном месте, резко, сразу начать движение с места (наблюдаемо, физически)”, которая находит свое полное выражение в денотативной семеме - *Я ничего не боюсь, – чуть слышно прошептала задняя девочка и в ту же секунду тронулась с места; первенькая тоже пошла за нею... /Лесков/; Шесть лошадей тронулись, быстро они сбились в кучу, каждая стараясь занять внутренний круг /Зайцев/; И вот поезд тронулся, и осталась Москва, и пошли давным-давно не виданные мною поля,.../Бунин/;*

Архисемой лексемы *сорваться* является “резко, сразу совершить перемещение под воздействием собственной силы тяжести, вниз, в результате утраты опоры” - - *Братья! Матросики! Я не умею плавать.*

Спасите меня! Но тут же сорвался с борта, бестолково пошлепал руками по воде и скрылся под волнами /Новиков-Прибой/; ...старый козел, напуганный собаками, ...прыгнул через колодец и – видно, скользнули старые копыта – сорвался вниз и утонул /Шолохов/; И на броненосце...вдруг сорвался с места двухсотпудовый якорь и...бешено устремился в пучину... /Новиков-Прибой/; ...и от этого крика сорвался камень в горах и полетел по уступам в бездну, оглашая горы грохотом /Булгаков/; В коннотативной семеме архисема под влиянием семантики агенса переосмысливается в архисему “внезапно, неожиданно произнести что-либо”- С посинелых губ опять срывается нервный смех /Новиков-Прибой/; - Нет, погоди... - сорвалось у него. Он быстро сел /Шишков/; ...Зачем мне жить-то?... - сорвался он вдруг с заботливо-делового тона /Астафьев/.

Анализ семантемы лексемы *рвануться* показывает, что основными компонентами значения являются семы “начать перемещение с места, преодолевая инерцию покоя, резко, стремительно, всем телом освобождаясь от удерживающего препятствия”, которые находят свое полное выражение в денотативной семеме - *Я собрал последние силы, рванулся... /Новиков-Прибой/; Он так стиснул шенкеля, что конь, хряпнув, рванулся, унес главнокомандующего по цокающему бульжнику вверх /Толстой/; Лошади рванулись с места наметом,.../Шолохов/; Но взвыли шестерни, машина рванулась... /Толстой/; Поезд рванулся вперед, рассчитывая проскочить станцию... /Черкасов-Георгиевский/;*

Семы “резко, стремительно, с места, сгруппировав тело в едином броске, в эмоциональном порыве (не думая) начать перемещение (двинуться вперед)” лексемы *кинуться* полностью реализуются в денотативной семеме - *С минуту я сидел неподвижно, изумленный ее появлением, потом схватил шляпу и кинулся на улицу.../Бунин/; Лишь одна лошадь с седоком, свисавшим ей на шею, в ужасе кинулась прямо и влетела в проволоки баррикады /Зайцев/; ...ворон кинулся за слоном, бежавшим с лесистой горы к океану.../Бунин/; Медведь опять рывкнул, опять дал козла и кинулся в реку /Шишков/.*

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие живые существа, которые могут совершить одномоментное движение с дальнейшим перемещением при помощи собственной мышечной энергии, сгруппировав все тело, единым броском, оттолкнувшись от твердой поверхности, резко, находясь в состоянии нервного напряжения. В коннотативной семеме архисема переосмысливается под влиянием семантики агенса в архисему другого уровня “резко изменить образ жизни, состояние человека” - *Даша забыла, зачем*

пришла. Впечатления жизни, куда она кинулась из пустынного окна на улице Красных Зорь, захватила ее, как птицу буря /Толстой/;

Данная семема находит свое выражение во ФС:

А когда он, с пестрым от грязи лицом, подлетал, наконец к дому, первое, что кинулось ему в глаза, была лошадь Якова у коновязки /Бунин/; Тотчас кинулся в глаза цветной снимок: под синим небом - площадь.../Набоков/.

Исследование семантемы лексемы *ринуться* показало, что семы “мгновенно начать перемещение из состояния покоя (недвижения), резко, стремительно, в состоянии эмоционального порыва, потрясения” полностью реализуются в коннотативной семеме - *Давыдов схватил кепку, ринулся к двери и лицом к лицу столкнулся с улыбающейся Лушкой /Шолохов/; ...и ворон, уронив головой баритонистый клеток, вдруг стремительно ринулся вниз /Шолохов/; ...а бык ринулся в болото, завяз там по уши и сдох /Шишков/; ...как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке /там же/.*

Эта же семема реализуется в значении “начать перемещение, действовать быстро, энергично, целенаправленно”:

Разыскал пятерых очевидцев, послал помощника в Высоко-Княжье, вытянул нить клубка, и ринулся отыскивать "сокровище".../Шмелев/; Когда проснулась, то сразу все поняла и ринулась искать тебя /Зайцев/; Генерал-адъютант и его супруга ринулись в переднюю встречать гостя /Степанов/.

В структуре данной семемы лексемы *ринуться* появляются дифференциальные семы: “всем телом”, “внезапно”, “стремительно”, “в определенном направлении”.

В наших исследованиях мы не обнаружили коннотативной семемы данной лексемы. У глагола *ринуться* нет видовой пары как у других глаголов рассматриваемой ЛСГ, например, *броситься – бросаться*, *кинуться – кидаться*. Развитие видовой пары блокирует сема “мгновенность”.

Анализ семантемы лексемы *метнуться* показывает, что семы – “внезапно, мгновенно, резко, быстро, одним движением всего тела совершить один раз перемещение в пространстве в одном направлении” полностью реализуются в денотативной семеме - *Я метнулся из рубки на холодный ветер.../Бунин/; Вот и собаки метнулись было, да стихли, - должно быть ласкаться стали /Лесков/; Кобыла метнулась с ржаньем, сделала большой круг и остановилась /Шмелев/; В воздухе метнулась ночная птица и неслышно пропала как тень /Мамин-Сибиряк/; – в одно мгновение, внезапно переместиться в*

пространстве под воздействием какой-либо силы: *А в это время, выбрасывая сжатый воздух, оставляя на поверхности пузырчатый след, метнулась к судну торпед* /Новиков – Прибой/; *...в воздухе затряслось, зашумело; небо нахмурилось, волны по Неве сразу метнулись, как бешеные; набежал настоящий шквал...* /Лесков/; – мгновенно, внезапно появиться: *Хохот грянул залпом. Из лампы по змеиному метнулось острое жало огня* /Шолохов/; *Пламя, вытянувшись, метнулось к шлюпке* /Новиков – Прибой/; *...Так и есть, - снова метнулась свирепая тень – молния в землю, рядом. – Ложись! /Толстой/.*

Денотативная семема – на одно мгновение появиться в поле зрения человека реализуется во фразеосочетании: *Вдруг в этой сутолоке метнулась ему в глаза на другой стороне фигура...* /Зайцев/.

В коннотативной семеме архисема переосмысливается под влиянием семантики агенса в архисему “на одно мгновение возникнуть в памяти человека” - *Щемило сердце: Когда, кому сказать? Метнулось в мыслях: Карпу сказать?* /Шмелев/.

Семы, выявленные в семеме лексемы *шарахнуть*, “внезапно, резко, в одно мгновение совершить перемещение в пространстве (из состояния неподвижности) в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения” полностью представлены в денотативной семеме - *Рабочие шарахнулись, когда завидели грозного старика, но он прошел мимо, никого не тронув* /Мамин-Сибиряк/; *Весь народ вздрогнул и шарахнулся в сторону* /Новиков – Прибой/; *Бедная лошадь шарахнулась в сторону, взвываясь на дыбы...* /Тургенев/; *Лошадь государя шарахнулась от неожиданного крика* /Толстой/; *Вслед за ними темным веретеном шарахнулась акула* /Новиков – Прибой/; *Маленький плоский краб шарахнулся боком, пустив облачко песка, и исчез в глубине* /Толстой/; *Пауза. Где-то шарахнулась ночная птица и пропала с легким трепетом крыльев в ночной мгле* /Мамин-Сибиряк/; *...бестолково шарахнулась в застывшем воздухе птица и камнем пала в траву* /Мамин-Сибиряк/;

Денотативная семема «в одно мгновение, внезапно совершить перемещение в пространстве под воздействием каких-либо сил» (сема “произведя эмоциональное потрясение” придает экспрессивную окраску):

Раздался сдвоенный взрыв с промежутком в одну какую-нибудь тысячную долю секунды... Грохочущим гулом наполнился простор, словно по каменным уступам, сотрясая небо, солнце, воздух, шарахнулись гигантские чугунные тяжести /Новиков – Прибой/; *Электромоторы – полный назад! – командует командир. Мина*

шарахнулась вперед /там же/; Снаряд шарахнулся с неба и разорвался в пяти шагах от Маркова /Толстой/.

Дифференциальная сема “в эмоциональном потрясении” становится экспрессивной.

В коннотативной семеме архисема под влиянием семантики агенса переосмысливается – “внезапно исчезнуть (в результате мгновенного вспыхивания света)” - *От слепящего блеска далеко шарахнулась тьма /Новиков-Прибой/; Ветер неистово заревел в уши. Ошалело шарахнулась тьма /там же/.*

Анализ семантем ЛСГ глаголов пространственно-временной делокализации в русском языке показывает, что эти глаголы распадаются на две группы: 1) глаголы с нейтральным по интенсивности приступом к движению – *двинуться, тронуться*; 2) глаголы с интенсивным началом движения – *броситься, кинуться, ринуться, рвануться, метнуться, шарахнуться*.

Объединяющим глаголы одномоментного выхода из состояния недвижения в перемещение (однократного способа действия) является наличие семантического компонента, указывающего на мгновенность, спонтанность перемещения (действия), совершаемого (совершенного) в один прием – “стремительно, рывком отправиться куда-либо”.

У исследуемой ЛСГ наблюдается семантический сдвиг: семантический признак однонаправленности перемещения трансформируется (переосмысливается) в семантический признак целенаправленности.

В глаголах *броситься, кинуться* просматривается сема “агрессивность”, “сконцентрировав мышечную энергию в едином броске”, также есть сема “момент подготовки к броску”, но эта сема едва уловима.

В процессе познания перехода из недвижения (покоя) в перемещение для людей оказалось важным осознание того, в каком психологическом состоянии находится человек в момент начала перемещения. Именно этим можно объяснить то, что глаголы (кроме *двинуться, тронуться*) данной ЛСГ в русском языке экспрессивны. Данная ЛСГ глаголов хорошо разработана по семе “эмоциональность”.

В немецком языке значение пространственно-временной делокализации выражают глаголы *fahren, rucken, ziehen* в сочетании с отделяемой приставкой *an-*, которая “drückt den Beginn einer Tätigkeit aus”/выражает начало действия/ (WdG,I,122). Глаголы *fahren, rucken, ziehen* с приставкой *an-* обозначают начало перемещения.

Глагол *anfahen* является синонимом глагола *losfahren* (WdG,I,132).

Dann fuhr der Wagen klappernd und schnurrend an /Renn/.

Денотативным значением глагола *anrucken* является “mit einem Ruck, unvermittelt anfahren” (WdG,Y,166) – “начинать перемещение с места рывком”.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие транспортные средства.

Der Lok pffiff, der Zug ruckte an /Noll/; Der Panzer ruckte an und schob den breiten Bug durch die Busche /Noll, там же/.

С приставкой *an-* глагол *ziehen* приобретает коннотативное значение “трогать с места” “zu ziehen beginnen” (WdG, B.1, S.196).

Die Maschine zog rückend an, alles kletterte durch die Schiebertüren in die Wagen /Noll/; Mit einem Ruck zog der Panzer an... /Там же/.

Семантемы лексем *anfahen, anrucken, anziehen* содержат только по одной семеме Д1.

Приставка *los-* в 1-ом значении “bezeichnet den Beginn der im Verb ausgedrückten Handlung” (WDG,III,2393). (приставка *los-* обозначает начало действия, выражаемое глаголом). Во 2-ом значении “bezeichnet die Richtung auf ein Ziel hin, in Zusammensetzung mit Verben wie /fahren, gehen, laufen, marschieren, rennen/” (там же) обозначает направление к цели, в сочетании с глаголами как (*fahren, gehen, laufen, marschieren, rennen*).

Денотативным значением глагола *losfahren* является “sich fahrend in Bewegung setzen, abfahren, zu fahren beginnen” (WdG,III,2393). (тронуться-трогаться, отправиться, начать ехать) - начать движение с места.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие транспортные средства.

*Jetzt fuhr der Wagen los /Seghers/; Sie steigt in den Wagen, fährt los /Feuchtwanger/; Er hielt nochmals an.... Jetzt fuhr der Fremde los /Seghers/; Die Motoren liefen warm. Die Abteilung fuhr los /Noll/; Семантема лексемы *losfahren* состоит из одной семемы Д1. Сема “с места” разработана только для обозначения начала движения транспорта.*

Денотативным значением глагола *losgehen* является “aufbrechen, sich aufmachen” /отправляться, трогаться в путь/ (WdG,III,2393).

Основным компонентом значения является – начать действие.

Dann ging der Feier los... /Böll/.

– начать перемещение, равномерно, целенаправленно.

In den letzten Minuten war er sehr schnell und sicher, ohne sich umzusehen, losgegangen /Seghers/; Bogdan, der dienstefrige Schrankenwärter, ging auf Marschner los /Strittmatter/.

Денотативное значение глагола *losziehen* соответствует значениям глаголов “*umg. losgehen, aufbrechen*” (WdG, III,2395) - начать самостоятельное перемещение, начать движение.

“...*Wolzow, kümmern Sie sich, wo wir hin sollen. In einer halben Stunde wieder hier, wenn ich nicht komm, dann ziehen Sie allein los*” /Noll/; *Der Feine und der Ludwig nahmen sie in die Mitte, boten ihr den Arm; der Ungeschlachte stamte hinterdrein. So zog man los, einen dünnen Pfad in den Wald hinein /Feuchtwanger/; Ich dachte bei mir, dass sie loszog, um ihre tägliche Suche rechtzeitig zu beginnen. Doch unwillkürlich machte sie am Anfang halt, blieb neben mir stehen, verschob ihre Suche um meinetwillen /Seghers/.*

Денотативным значением выражения *sich in Bewegung setzen* является “*losgehen, losfahren*” (WdG,I,587-588).

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие транспортные средства.

...*und nun, im nächsten Moment, wird sich die riesige Kutsche in Bewegung setzen /Feuchtwanger/; Sein Gepäck bestand aus einem prall gefüllten Seesack und einem lackierten Damenkofferchen, das er sofort öffnete, als sich der Zug in Bewegung setzte /Kant/.*

Семантема данного фразеосочетания состоит из одной семемы Д1 – начать движение с места.

Денотативным значением глагола *losreißen sich* является “*etw., sich gewaltsam von etw. lösen*” (WdG,III,2395) /что-то, себя с силой отделить от чего-либо/

Основным компонентом значения является – отделиться от кого-либо, чего-либо, используя силу рывка.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие живые существа (людей).

Mit einem Ruck riss sich Agnes los... /Brézan/; “Antworte doch auf meine Frage!” Sinder riss sich los und strich seinen Rockarmel glatt /Bredel/; Felix fasste ihn am Ärmel und zog ihn vom Spritzenhaus weg. Der Bauer riss sich los /Brézan/; Knops will ihn halten. Nero reisst sich los, lässt seinen Mantel in der Hand des Knops... /Feuchtwanger/; Rolling wandte sich den Bunkern zu. Stanislaus hielt ihn am Rockrand fest... Rolling riss sich los und verschwand im Bunker /Strittmatter/; An den Grossen Linden zerschellte der Wagen, die Stute riss sich los, wicherte laut und schrill /Brézan/.

В коннотативной семеме архисема под влиянием семантики субъекта переосмысливается в архисему «заставить себя (с усилием) переключить внимание с одного объекта на другой».

Er riss sich los von der Vorstellung eines am Boden liegenden blutenden Körpers, den man mit Tritten und Schlägen zerbricht, weil ihm etwas Unzerbrechbares innewohnt. Er riss sich auch los von sich selbst, von der unwillkürlichen Vorstellung seiner eigenen zerbrechlichen Körpers... /Seghers/.

Эта же коннотативная семема употребляется для выражения резкой смены образов в мозгу человека.

Seine Gedanken machten zum zweitenmal einen Ruck, rissen sich diesmal los von der Vorstellung eines einzelnen Menschen, der gehetzt war und da und dort auftauchen konnte /Seghers/.

Проведенное исследование глаголов, репрезентирующих идею пространственно-временной делокализации в немецком языке, позволяет говорить о неоднородности этой ЛСГ.

Из одной денотативной семемы состоят семантемы лексем *anfahren*, *anrucken*, *anziehen*. Причем сема “с места” лексемы *losfahren* разработана только для обозначения начала движения транспорта.

Из одной денотативной семемы состоит также и семантема фразеосочетания *in Bewegung sich setzen* – начать движение с места.

Семантема лексемы *losgehen* содержит только денотативную семему.

В семантеме лексемы *losreißen sich* мы обнаружили денотативную семему и одну коонотативную семему.

Анализ исследуемого материала показывает, что в немецком языке ЛСГ глаголов пространственно-временной делокализации представлена разного уровня семемами лексем с приставкой *an-*: *anrucken*, *anziehen*, *anfahren*, с приставкой *los-*: *losziehen*, *losgehen*, *losfahren*, *losreißen sich*, фразеосочетанием *in Bewegung sich setzen*. Все смыслы “начать перемещение с места” выражаются производными глаголами с приставками. Основу рассмотренных нами глаголов составляют глаголы перемещения *gehen*, *fahren* и приставка *los-* (*losreißen*). Нет четкой структурированности данной ЛСГ. Отсутствие ярко выраженного ядра позволяет говорить о том, что формирование ЛСГ пространственно-временной делокализации еще не закончено.

Сравнение ЛСГ глаголов пространственно-временной делокализации в русском и немецком языках позволяет сделать некоторые выводы.

1. В русском языке созданию группы глаголов пространственно-временной делокализации помогает вид (суффиксы, особенно суффикс *-ну*), а в немецком языке оформление этой группы глаголов осуществляется при помощи отделяемых приставок *an-*, *los-*.

2. Фаза перехода из состояния недвижения к перемещению начала осознаваться в немецком языке так же поздно, как и в русском.

3. ЛСГ глаголов пространственно-временной делокализации в исследуемых языках отражает стремление человека тщательно детализировать момент перехода из состояния недвижения к перемещению в пространстве.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.

Черняк В.Д. Общее значение ряда в типологической характеристике глагольных синонимических рядов //Глагол в лексической системе современного языка: Межвуз. сб.науч. трудов. - Л., 1981. - С. 74-80.

ССРЛЯ – словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

WdG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: Bd.6 /Von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag, 1968.

Гвоздович Б.Н., Милехина В.И.

Фразеосочетания с лексемой *Feuer* и их русские эквиваленты

Целью данной работы является контрастивное описание фразеосочетаний с лексемами *Feuer* и *огонь* (включая пословицы и поговорки) в немецком и русском языках.

Источником фактического материала послужили одноязычные и двуязычные словари немецкого и русского языков (Бинович Л.Э., Гришин Н.Н., Немецко-русский фразеологический словарь, М.,1975; Лепинг Е.И. и др. Большой немецко-русский словарь, М.,1969; Agrikola E. Wörter und Wendungen, Leipzig, 1962 и др.).

При анализе фразеосочетаний с точки зрения эквивалентности в немецком и русском языке нами использовались следующие условные обозначения и термины: полные эквиваленты (ПЭ), частичные эквиваленты (ЧЭ), эквиваленты только по семантике (СЭ) и безэквивалентные фразеосочетания (БЭ), линейные соответствия, лакуны.

ПЭ имеют одинаковый набор лексем и одинаковую семантику ФЕ в обоих языках, они относятся, по терминологии Поповой З.Д. и

Стернина И.А., (Попова З.Д. 1994, с.7; Попова З.Д., Стернин 1984, с. 72), к линейным соответствиям. Напр., *Bengalisches Feuer-бенгальский огонь*.

ЧЭ имеют различие в наборе лексем при наличии одинакового основного компонента (в данном случае лексемы *Feuer*) и одинаковый внутренний образ в обоих языках. Напр., *Feuer frei!* - *огонь!*, *пли!*

ЧЭ - ФЕ с разным набором лексем, разным внутренним образом, но одинаковой семантикой. Напр., *das Feuer, das mich nicht brennt, lösche ich nicht* (букв. огонь, который меня не обжигает, я не тушу)- *моя хата с краю*.

СЭ - ФЕ не имеют полных или частичных аналогов в языке фона, значение ФЕ может передаваться путем интерпретации. Напр., *Je näher dem Feuer, je näher der Hitze* (букв. чем ближе к огню, тем ближе к жару). Общий смысл данной ФЕ - бери работу по силам.

В исследуемых фразеосочетаниях лексема *Feuer* может иметь как денотативное (Д1, Д2), так и коннотативное значения (К1).

Фразеосочетания с прямым номинативным значением лексемы *Feuer* (Д1) могут иметь ПЭ: *Feuer machen* (разг.), *Feuer anzünden*- *зажигать огонь*, *Feuer unterhalten*- *поддерживать огонь*, *das Feuer schüren* – *помешать огонь*, *Feuer ausmachen* – *гасить огонь*. Специфичным для немецкого языка являются сочетания *Feuer anstecken* - *зажигать газ*, *Feuer anlegen*-*совершать поджог* (букв. прикладывать огонь), *Feuer anbieten*- *предлагать закурить* (букв. предлагать огонь).

С опосредованным номинативным значением (Д2) лексема *Feuer* употребляется в военной терминологии: *Feuer! Feuer frei!*- *Огонь! Пли!* (букв. свободный огонь), *Feuer eröffnen* - *открыть огонь*.

Частичные эквиваленты (ЧЭ) в русском языке имеют фразеосочетания *Unter Feuer nehmen*-*взять под обстрел*, *jemandem Feuer geben*-*дать прикурить, кому-либо*, *Trommelfeuer* - *ураганный огонь* (букв. барабанный огонь).

Большее разнообразие с точки зрения соответствий в обоих языках имеют ФЕ с коннотативным значением лексемы *Feuer* (К1). При этом лексема *Feuer* реализует в контексте семемы *страсть, любовь, воодушевление, душевный порыв, опасность и другие*.

К полным эквивалентам (ПЭ) можно отнести ФЕ: *Feuer und Flamme* – *пламень* (*er ist Feuer und Flamme* - *он весь огонь и пламя*), *etwas scheuen wie das Feuer*- *бояться как огня*, *zwischen zwei Feuern sein(stehe)n*- *быть между двумя огнями*, *mit dem Feuer spielen*- *играть с огнем*, *Öl ins Feuer giessen* - *подливать масло в огонь*.

В качестве частичных эквивалентов (ЧЭ) можно рассматривать: *Feuer haben-* быть с огоньком, *für jemanden ins Feuer gehen-* пойти в огонь и воду за кого -л., *wie Feuer und Wasser-* лед и пламя, *loesche das Feuer beizeiten-* искру туши до пожара.

Эквивалентные только по семантике (СЭ) и безэквивалентные фразеологические единицы (БЭ) наиболее частотны среди пословиц, поговорок, сентенций.

К СЭ могут быть отнесены такие ФЕ как: *Sie passen zu einander wie Feuer und Wasser-* они совсем разные люди, (букв. они подходят друг другу, как огонь и вода) *Feuer und Flamme speien-* метать громы и молнии (букв. выплевывать огонь и пламя), *sein Stüppchen am Feuer anderer kochen -* наживаться за счет других (букв. варить свой супчик на чужом огне), *gebranntes Kind scheut das Feuer-* пуганая ворона куста боится (букв. обожженное дитя боится огня).

В безэквивалентных (БЭ) фразеологических единицах необходимо интерпретационное описание ситуаций, качеств и характеристик лица. При этом при описании различных ситуаций абстрагируются и актуализируются определенные семы при наличии других актуализаторов в синтагме со знаком “минус” или “плюс”, вследствие чего актуализируются также эмоционально-оценочные компоненты фразеосочетаний.

Так, семемы *скупость, неодобрение* актуализируются в пословице: *Wer sich bei einem Geizigen wärmen will, muss das Feuer mitbringen-* букв.: кто хочет согреться у жадного, должен принести с собой свой огонь.

Семемы *страх, слабость, опасность* и пр. выявляются в следующих ФЕ:

Wer von Stroh ist, muss sich vor dem Feuer hüten- кто сделан из соломы, должен опасаться огня, *Wer von Wachs ist, muss nicht zum Feuer kommen -* букв. кто сделан из воска, не должен подходить к огню (о слабом, несмелом человеке), *Wer die Hand in Feuer steckt, verbrennt sich die Finger-* букв.: кто сует руку в огонь, обжигает себе пальцы (предостережение об опасности).

В лексеме *Feuer* выявляются семы «стимул», «побуждение», «ускорение»: *Feuer hinter etw. machen -* подгонять, ускорять что-л. *Ich werde mal ein bisschen Feuer dahinter machen -* я это дело ускорю (букв.: я позади разожгу немного огня).

Jemandem Feuer unterm Hintern (Arsch) machen- ускорить что-л., поддать жару, букв.: кому-л. подложить под зад огня.

Некоторые фразеосочетания при наличии почти одинакового набора лексем и одинакового внутреннего образа в обоих языках

имеют несхожий общий смысл ФЕ и отнесенность к разным ситуациям:

Dürres Holz gibt rasch Feuer (букв.: *сухие дрова дают быстро огонь*) - о влюбленности пожилого человека. В русском же языке *сухие дрова жарче горят* означает пылкость, страстность худого человека.

Анализ ФЕ с лексемой *Feuer* позволяет сделать выводы о том, что в выражениях с денотативными семемами (Д1, Д2) много линейных соответствий в обоих языках (*Feuer anzünden, bengalisches Feuer*), хотя можно обнаружить и специфику употребления, напр., в военной терминологии *Feuer geben* (букв.: *давать огонь*) означает *стрелять*.

В нашей выборке всего 19 примеров с денотативными семемами - восемь с семемой Д1 и одиннадцать с семемой Д2.

С мотивированной коннотативной семемой проанализировано 40 ФЕ. Семь фразеологических единиц имеют полную эквивалентность (по лексическому составу и совпадению внутреннего образа). Некоторые ФЕ имеют частичную эквивалентность, они различаются по составу лексем при наличии одинакового внутреннего образа: *Für j-n durch Feuer gehen* - *пойти в огонь и воду за кого-л.* Таких ФЕ зафиксировано восемь. Остальные ФЕ (их всего 25) относятся к безэквивалентным единицам (13 БЭ) или эквивалентным только по семантике (всего 12 СЭ). Такие примеры можно отнести к лакунам.

Безэквивалентные ФЕ требуют интерпретации, поскольку в языке фона такие ФЕ отсутствуют, напр., *Wer des Feuers bedarf, der sucht es in der Asche*, букв.: *кому нужен огонь, тот найдет его и в золе* (о склонности, страсти к ссоре). Для СЭ в другом языке находятся эквиваленты, хотя они совершенно различны по лексическому составу, напр., *Wer das Feuer haben will, muss den Rauch leiden* - *любишь пар, люби и угар*, букв.: *кто хочет иметь огонь, тот должен терпеть дым*.

Таким образом, ФЕ с лексемой *Feuer* в коннотативном значении имеют больше различий, нежели сходных черт как во внутреннем образе, так и в лексемном составе, так что можно сделать выводы о преобладании национальной специфики и колорита ФЕ с лексемой *Feuer*.

Попова З.Д. Основные направления и задачи контрастивного изучения русского и немецкого языков // Контрастивные описания русского и немецкого языков. Воронеж, 1994.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Национальное своеобразие механизма номинации развития растительного организма (на материале русского и немецкого языков)

Жизнь – одно из важнейших понятий философии и естествознания. В естественно–научном смысле жизнь имеет вполне осязаемые, материальные формы: человек, животное, растение. Что объединяет эти проявления упомянутого феномена? Метафора жизни, легшая в основу концепций А.Тойнби, Л.Гумилева, А.Шлейхера и других ученых, не случайно воплощает в себе представления о внутреннем потенциале развития, присущего всему живому.

Странные метаморфозы растительного организма, выбранного нами в качестве объекта исследования, поражали в свое время диалектическое воображение Гегеля. К растению он апеллировал при обосновании своей триады: «...Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые» (Гегель 1934, с.2).

Помимо сугубо философского, этот фрагмент может вызвать и интерес лингвистический, а если быть более точным – лингвокогнитивный. Наличие каких признаков запустило механизм номинации схемы развития растения, которому предшествовали процессы восприятия, концептуализации и категоризации? На этот вопрос мы и попытались дать ответ, проанализировав концептуальное содержание лексем – репрезентантов *почка*, *цветок*, *плод*. Для более полного и глубокого изучения исследование проводилось в сопоставительном ключе.

В этимологическом плане исходное значение лексемы *die Knospe* (*почка*) соотносится с ЛЕ *Knorren* (*шишка, желвак, нарост*), которая в свою очередь восходит к ЛЕ *Knopf* (*пуговица*). Данный факт свидетельствует о первоначальной фиксации формально–пространственных характеристик. В современной семантической структуре статус денотативной имеет семема «орган растения, из которого появляются цветы или листья». Семема Д2 – «появившаяся в результате отпочковывания новая часть организма». В употреблении в переносном смысле объективируется сема «начало» (как правило, в

генитивных конструкциях): *die zarte Knospe ihrer Liebe* (дословно: нежная почка ее любви).

Этимология лексемы *почка* затемнена. В статусе семемы Д1 обозначает «зачаток листа, цветка»: *И, выйдя на двор, Левин, как дерево весною, еще не знающее, куда и как разрастутся его молодые побеги и ветви, заключенные в налитых почках, сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь.* (Л.Толстой, Анна Каренина).

В статусе Д2 данная лексема обозначает «вырост на теле материнского организма, постепенно разрастающийся и формирующий дочернюю особь».

Лексема *die Bluete* в статусе семемы Д1 определяется как «цветущая, производящая плод, обладающая, как правило, определенной цветовой окраской часть/ орган растения»: *der Klee hat rote/weiße Blueten*. Дальнейшее семантическое развитие происходит на основе знания о появлении цветка с учетом длительности его распускания, и закрепляется в семеме Д2 «период, время, состояние цветения»: *der Baum steht in voller Bluete; die Blutezeit*. Исследуемому растительному компоненту отводится существенная роль в метафорической концептуализации признака «яркий, отличающийся, выделяющийся» и формировании на его основе коннотативной семемы «лучшие в своем роде, элита, избранные»: *die Bluete der Jugend; das Gedicht gehoert zur Bluete der Dichtkunst*. Метафорическому переосмыслению подвергается также момент появления, который может интерпретироваться как «результат, следствие предыдущего развития» (в русском языке соответствует слову *плод* в значении «результат деятельности»): *der Expressionismus zeitigt Blueten*. Признак «цвет» оказался релевантным для означивания лексемой *Bluete* фальшивой купюры.

В семантической структуре данной лексемы обнаруживается своеобразие реализации механизма вторичной номинации. Данная номинация может использоваться для характеристики ленивого, праздно шатающегося человека. Такое примечательное семантическое преломление должно, по нашему мнению, находить свое объяснение в том, что цветок из-за незначительной функциональной нагрузки не удовлетворяет в полной мере утилитарных интересов человека.

Лексема *die Blume* обладает в статусе семемы Д1 семемой «*blühende Pflanze*» (цветущее растение). Метафорическая концептуализация, приведшая к образованию коннотативной семемы К1 «*Bucket, Duft*», базируется на важности такого маркирующего цветок признака, как запах, аромат. Например, *die Blume des Weines, des Weimbands*. Следующей коннотативной семемой выступает «*Schaum*

auf dem gefuellten Bierglas», соответствующая в русском языке выражению «пенная шапка пива». Признаком, обусловившим в данном случае семантическое преломление, явилась пышность формы в комбинации с характеристикой пространственного расположения. Помимо этого, этимологический признак «форма шара, мяча», лежащий в основе наименования цветка, самым неожиданным образом всплывает в охотничьем социолекте при обозначении хвоста зайца или кролика: *die Blume des Hasen ist weiss*.

ЛЕ *цветок* имеет в статусе семемы Д1 семему «орган размножения растений с венчиком из лепестков вокруг пестика и тычинок»: *цветок яблони, цветок мака*. В Д2 – «травянистое растение, в пору цветения имеющее яркую, часто ароматную, распускающуюся из бутона головку или соцветие»: *тепличные, комнатные цветы*. Признак «яркий, выделяющийся» стал основой для возникновения иронического выражения «цветы красноречия». Например, *Рассыпать перед слушателями цветы красноречия* – о витиеватой, напыщенной, пафосной речи.

В семантической структуре ЛЕ *цвет* выделяется коннотативная семема «лучшая часть чего-то»: цвет нации, цвет науки. Ее возникновение обусловлено, судя по всему, особым аксиологическим статусом периода цветения для национального сознания.

Немецкая лексема *die Frucht* восходит к латинскому *frui*, что означает – *geniessen* (наслаждаться, использовать, употреблять). Таким образом, процесс первичной номинации базировался на признаке «функция, действие с объектом, приводящее к приятным вкусовым ощущениям». В статусе денотативной семемы лексическая номинация *die Frucht* обозначает часть растения, в котором находятся семена. Денотативно-производной выступает семема «нерожденное живое существо»: *die keimende Frucht im Mutterleib*.

Коннотативной семемой К1 является семема «Ertrag, Ergebnis» (результат какого – либо вида деятельности/ бездеятельности): *das Buch ist die Frucht langjaehriger Arbeit; die Fruechte des Leichtsinnes*. Идиоматическое выражение *die Frucht der Liebe* конкретизирует результат любви, которым является внебрачный ребенок: *ihr Sohn war eine Frucht der Liebe*. Выражение *verbotene Fruechte* восходит к библейским сказаниям и в метафорическом плане применимо ко всем запретным, но вызывающим любопытство удовольствиям, приобщение к которым может повлечь за собой пагубные последствия.

В статусе денотативной семемы лексема *плод* обозначает часть растения, развивающаяся из завязи цветка и содержащая семена. Денотативно-производной является семема «организм человека

(животного) в утробе матери (самки)»: *развитие плода*. Метафорическая концептуализация осуществляется по признаку «нечто, образовавшееся на основе чего –либо» и инициирует формирование коннотативной семемы «порождение, результат чего –либо»: *плоды размышлений, плоды многолетнего труда, плоды небрежности*. Известным является также выражение *плод любви*, обозначающее, как и в немецком языке, рожденного вне брака ребенка. Сочетание *запретный плод* – библейского происхождения, поэтому и в данном случае можно говорить о сходстве, что обусловлено наличием некоторых общих сегментов в информационной базе русских и немцев.

Приведенное в начале статьи высказывание Гегеля актуализирует постоянные изменения, претерпеваемые растением в процессе развития. Тем не менее, в непрерывной схеме видоизменений сознание обоих народов зафиксировало либо наиболее перцептуально выделенные, либо выполняющие определенную функцию признаки. Несмотря на значительное сходство семантических структур проанализированных номинаций, они, как показало исследование, отличаются рядом особенностей, которые выявляются: во-первых, при анализе внутренней формы лексем (результат первичной номинации), во-вторых, при анализе семантического развития (результат вторичной номинации).

Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М.-Л., 1934, т.4.

М.М. Булынина

Способы вербализации перемещения объекта в английском языке

(на примере глаголов to pull, to drag, to draw)

Усилия современных ученых направлены на изучение сложной и многообразной картины мыслительного бытия как закономерного результата исторического развития человечества, реализации его коммуникативных стремлений.

Вербализация ментальных представлений непосредственно зависит от когнитивного потенциала, выработанного на базе накопленной, проанализированной и систематизированной информации с обязательными элементами вычленения частного в целом и

соотнесения зависимых компонентов сложного когнитивного «багажа».

Предвидеть пути установления взаимообусловленности и взаимозависимости мыслительных образов невозможно, а кроме того, не представляется необходимым для когнитивной лингвистики. Предметом ее исследования является скорее форма языковой репрезентации ментального пространства, проникновение в механизмы языковых явлений, отражающих процесс познания окружающего мира. Ментальная активность становится средством отражения и способом собственного познания. В этом круговороте мысли язык становится единственным способом коммуникации, толкования понятийных явлений, совершенствования мыслительных процессов, поиска истины, механизма вербализации внеязыковой действительности.

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый язык репрезентирует определенную систему концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающий из окружающего мира.

Предмет когнитивной лингвистики – анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт, проникновение в механизмы языковых явлений с учетом не только собственно языковой, но и внеязыковой информации, для получения которой важно углубление в сам процесс познания окружающего мира и познавательную деятельность носителя языка.

Английский язык отличается разнообразным набором лексических средств, служащих для обозначения ситуации перемещения объекта.

Устойчивая типовая пропозиция ССПП «кто перемещает что» в рамках синтаксического концепта «агенса воздействует на объект» делает предикат легко заменяемым одним из глаголов ЛСГ перемещения объекта (to carry, to bear, to wear, to bring, to pull, to drag, to draw, etc.). Целевое использование одной из лексем обосновано решением автора высказывания актуализировать признаки, свойства и характер перемещения.

По результатам исследования лексико-семантического согласования глагола to pull, можно утверждать, что его функция в языке заключается в вербализации акта каузированного, толчкообразного перемещения кого- или чего-либо в определенном, заданном направлении с преодолением сопротивления, трением (семема Д1).

Для реализации данной семемы необходимо согласование предиката с субъектом и объектом по общим семам: «движение», «способность к перемещению», «противодействие», «усилие». В таком случае субъект – это существительное со значением «человек», «животное» или «транспортное средство», обладающее достаточной физической силой чтобы сломить вольное или невольное сопротивление объекта в процессе перемещения. Роль объекта выполняют конкретно-предметные существительные, параметры денотатов которых позволяют быть перемещенными.

*The man was walking toward the rear of the store, and **was pulling** Michael along with him, ... (Conrad Aiken). The young fellow who **pulled in** the girl brought her around in a minute or so,.. (Sc. Fitzgerald). The streets were crowded with perils-wagons, carts, automobiles; great, straining horses **pulling** huge trucks;.. (M. Bragg). Dave was wheeler or sled dog, **pulling** in front of him was Buck, then came Sol-leks;.. (J. London). But the most peculiar virtue of all lay in the fact that the man that strove to attack one in front of him **must pull** the cart faster (Sonja Messie). He **pulled off** some fence pickets and built a fare, ... (H.L. Davis).*

Очевидно, что у глагола to pull семантический признак «с усилием, очень стараясь» выражен в такой степени, что входит в состав архисемы глагола «двигаясь, каузировать перемещение лица или предмета, применяя усилия».

*And through it all Buck staggered along at the head of the team as in a nightmare. Bill **pulled when he could**; when he **could no longer pull**, he fell down and remained down till blows from whip or club drove him to his feet again (M. Bragg).*

В английском языке есть синонимический способ наименования подобного действия с еще более выраженной семой «изо всех сил», «на пределе физических возможностей и эмоционального возбуждения», то, что английские толковые словари называют “hard pull”, это глагол to tug.

*And it was he (White Fang – the best of the litter) that firs gripped another cub by the ear and **pulled** and **tugged** and growled through jaws tight-clenched (J. London). Beech **tugged off** one of his wet boots and poured about a pint of the disputed fluid on the ground (H.L. Davis).*

По результатам анализа лексико-семантической сочетаемости глагола **to drag**, прежде всего, можно сделать вывод о небольшой частотности его употребления в речи. Эту лексему нельзя назвать универсальной для обозначения перемещения объекта, т.к. она обладает собственными, присущими только ей семантическими

оттенками, отражающими конкретную ситуацию перемещения объекта с помощью субъекта с указанием на характер движения.

Семема Д1 - медленно, тяжело, лениво, буксируя, тянуть, тащить, волочить; заставлять перемещаться кого-, что-либо в определенном горизонтальном направлении с преодолением сильного сопротивления трением с поверхностью перемещения, с применением больших усилий.

Семема Д1 реализуется при определенных условиях, когда позицию субъекта занимает существительное, обозначающее живое существо (человек или тягловое животное), а его усилия направлены на предмет или животное, предназначенные для перемещения и названные объектом.

*Here a squat and brawny man held away, with much noise, hurling trunks and boxes about, **dragging** them **in through** the door and tossing them into the piles,.. (John Fowles). Foiral began to praise his house furiously: he **dragged** the man **inside**, showed him the oven, banged the walls, ... (John Collier). In the end, ... , the mastiff **was dragged out** by it's owner (Deborah Moggach). White Fang obeyed, but with a rush, hurling himself upon the stranger who **was dragging** him **away** (Jack London). "Jump, Buck!" Thornton commanded... The next instant ... Hans and Peter **were dragging** them **back** into safety (Jack London).*

В представленных примерах субъектом действия является человек. Он с помощью рук втаскивает тюки, почти насильно заставляя гостя войти, вталкивая его в дом, оттаскивает, растаскивает в разные стороны дерущихся, сопротивляющихся собак и т.д.

Обращает на себя внимание сочетание с глаголом to drag пространственных предлогов, указывающих на направление перемещения: through, inside, out, away, back, etc., что закрепляет сему «в определенном направлении» в составе архисемы глагола.

Кроме того, позицию субъекта может занимать существительное, обозначающее животное, которое зубами, когтями, мышечной силой всего тела обеспечивает перемещение объекта.

*When White Fang **dragged** the result of his day's hunt into the cave, the she-wolf inspected it, turned her muzzle to him, and lightly licked him on the neck (Jack London). Still, their (dogs' – M.B.) strength went down. Since the beginning of the winter they had traveled eighteen hundred miles **dragging** sled the whole weary distance; (Jack London).*

Собака не может принести добычу иначе как в зубах, возможно, как в данном случае, волоча ее по земле. Собаки в упряжке тянут сани по снегу и льду благодаря специальным приспособлениям и собственным усилиям. Наличие общих сем «перемещать», «будучи

главным», «части тела», «в определенном направлении», «с усилием», «преодоление препятствия» у субъекта, предиката и объекта обеспечивает их согласование при реализации первой денотативной семемы глагола *to drag*.

Семантическая обогащенность вербализатора перемещения *to drag* становится особенно очевидной при сравнении репрезентируемых им и глаголом *to carry* мыслительных образов.

*With a nervous, shrinking paw, One Eye stretched out the porcupine to its full length and turned it over on its back ... He ... then took a careful grip with his teeth and started off down the stream, **partly carrying, partly dragging the porcupine** ... (Jack London). In the nature of Arctic travel there was a reason why **fourteen dogs should not drag one sled**, and that was that **one sled could not carry the food for fourteen dogs** (Jack London).*

Чтобы подчеркнуть, что ноша была тяжелая, а собака, несущая дикобраза, теряла силы, автор использует оборот «частично несла (*carry*), частично волочила (*drag*)» - в первом случае глагол с нейтральным значением перемещения объекта, во втором – с дополнительным компонентом «тяжело, с усилием, по земле», что и является принципиальным семантическим различием двух лексем.

Семантический набор глагола *to drag* ярко демонстрируется в следующем примере:

*... they saw a man lying on his back in the snow ... trying to shield himself from White Fang's teeth ... The next instant Weedon Scott had White Fang by the throat and **was dragging him clear** (Jack London) – человек схватил собаку за горло и всю ее, целиком, не поднимая от земли, волочил, тащил по поверхности земли, чтобы оторвать и отдалить от жертвы.*

Мы полагаем, что глагол **to draw** в своем первом значении лингвистически предназначен для обозначения явления насильственного перемещения объекта (по решению субъекта) по какой-либо поверхности (семема Д1).

Действительно, первая денотативная семема глагола *to draw* звучит более обобщенно и категориально по сравнению с семемами глаголов *to pull* (акта перемещения кого- или чего-либо в определенном, заданном направлении, преодолевая сопротивление трением, прилагая усилия толчкообразными движениями, рывками) и *to drag* (медленно, тяжело, лениво, буксируя, тянуть, тащить, волочить; заставлять перемещаться кого-, что-либо в определенном горизонтальном направлении с преодолением сильного сопротивления трением с поверхностью перемещения, с применением больших усилий).

Многие словари сходятся на объяснении непроизводного значения глагола *to draw* как “move by pulling”, т.е. перемещать объект как *pull*, только пролонгированно.

По материалам нашего исследования реализация семемы Д1 рассматриваемого глагола возможна в языковых ситуациях, когда субъект – человек или животное, осуществляющие насильственное контактное перемещение объекта – предмета или живого существа, по параметрам поддающегося перемещению.

Braddock Washington drew a garden chair to the edge of the pit and sat down (Sc. Fitzgerald). Kayerts and Carlier gathered all the children in the house, drawing them close to one another... (Joseph Conrad). Forefinger at the back – thumb in front – the box drawn forward and slipped down toward the pocket - ... (Conrad Aiken). There was no escape for White Fang. The only way out was between the two tepees, and this the boy guarded. He took the club preparing to strike and was drawing it on his cornered quarry (Jack London). ... the middle-aged gentleman who said Shank's pony was good enough for him tried to draw him out from the stable (W. Somerset Maugham).

Семема Д1 сохраняется, если воздействие на объект осуществляется опосредованно, а не через прямой контакт.

After some time ... three wolves were drawn back, streaming blood from slashed throats or shoulders (Jack London). And so well did he (Buck – M.B.) face it, that at the end of half an hour the wolves were drawn back discomfited (Jack London).

В данных ситуациях субъект оказался сильнее и насильно заставляет объект перемещаться, воздействуя на него угрозами, укусами, ударами и пр.

Реализацию семемы Д1 глагола *to draw* обеспечивает лексико-семантическое согласование субъекта, предиката и объекта по общим семам «перемещать», «будучи главным», «в определенном направлении», «преодоление препятствия».

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.

Попова З.Д. Компонентный анализ лексико-семантической группы // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2003.

Н.В. Аниськина

Языковая картина мира старшекласников

Язык является не только средством познания мира, но и средством выражения отношения к нему. Наиболее важные для человека предметы и явления окружающего мира получают больше наименований. Как отмечает Е. Н. Гуц, «чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее членится она в языке» (Гуц 1995, с.9).

Языковая картина мира является отражением языкового сознания, поэтому ей присущи и такие функции языкового сознания, как интерпретативная, связанная с восприятием мира, и регулятивная, призванная служить универсальным ориентиром в этом мире.

Для описания языковой картины мира, присущей современным старшекласникам, необходимо выделить ключевые слова, т.е. названия наиболее значимых для данной коллективной языковой личности концептов. Ключевые слова характеризуются концептуальной значимостью, высокой частотностью употребления, наличием большого количества синонимов и богатством словообразовательных связей.

Нами выделены следующие ключевые для старшекласников слова: *кайф, приколоться, облом*. Кроме того, при реконструкции языковой картины мира старшекласников нами проанализированы особенности лексико-семантических полей 'человек' и 'учеба'.

Приведем структуру первого поля:

Человек

1. *братан, братишка, браток, братецел, кореш, корефан, корешок;*

2. *дылда, дяпан, тёхана, кент, мелочь, мелкие, утюг, кекс;*

3. *кдюшка, метелка, телка, баба;*

4. *лох, обсос, лоходрищ, тормоз, дурилка (картонная), даун;*

5. *вакса, гуталин, лохидзе;*

6. *кодла, шобла, тусня, тусовка;*

7. *зубр, зубрила, ботаник, ботан;*

8. *основной, крутой, клевый, классный, прикольный.*

Как можно заметить, слова, обозначающие и характеризующие

человека, четко делятся на две группы: «свои» – «чужие».

При обозначении «своих» используются лексемы, содержащие сему родства: слова *брат* и *кореш* (по одной из версий это слово произошло от «корень», т.е. *кореша* – ‘идушие от одного корня, братья’).

«Чужие» – это *дылда*, *дяпан*, *тёхана*, *кент*, *мелочь* ... Большинство слов этой группы имеет четко выраженную негативную окраску. К числу «чужих» относятся и люди, старшие по возрасту (*дылда*, *дяпан*, *тёхана*), и младшие (*мелочь*, *мелкий*, *салага*, *салабон*); родители (*перенсы*, *родоки*, *предки*, *черепа*, *шнурки*), девушки (*метелка*, *швабра*, *телка*, *баба*), а также люди другой национальности (*вакса*, *гуталин*, *лохидзе*, *китаёза*). Большая по сравнению с фрагментом «свои» членимость этого фрагмента поля может быть вызвана стремлением отмежеваться, обособиться от всех других и, таким образом, выразить свою индивидуальность.

Традиционное для жаргонов и сленга пренебрежительное обозначение девушки, по всей видимости, является следствием того, что создателями и носителями социальных диалектов являются, в первую очередь, мужчины.

Еще одна оппозиция, характеризующая человека, – «хороший»– «плохой», выражаемая в сленге словами «*крутой*»–«*лох*» (Костомаров 1999). «*Крутой пацан*» – это *клевый*, *классный*, *прикольный*, *децельный*, в то время как «*лох*» – *тормоз* и *обсос*.

Таким образом, если попытаться сформулировать идеал современного старшеклассника, то получится образ веселого, остроумного, стильного и модно одетого человека. Антиидеал (*лох*) – глупый, медленно соображающий и плохо одетый человек.

«*Клевые пацаны*» любят *прикольнуться*, т.е. пошутить, сделать что-либо смешное, неожиданное, оригинальное. Для обозначения этого действия в сленге существует множество единиц: *стебаться*, *пристебнуться*, *отколоть*, *отмочить*, *сбачать*; *отмочить прикол*, *отмочить коры*... Для обозначения того же действия (‘совершить что-л. необычное’) в исполнении лоха используются глаголы *сморозить*, *ляпнуть* (**ляпнул, как в лужу пернул*).

Еще одна характерная особенность школьного сленга – выражение пренебрежения к речи, словам, говорению. Ср.: ‘говорить’ – *базарить*, *бакланить*, *вякать*, *грузить*, *колоться*, *ляпнуть* и др. Если проанализировать семантику этих слов, то получится, что человек говорит для того, чтобы обмануть, ввести в заблуждение или, наоборот, рассказать что-то тайное, проболтаться. Тем не менее, обилие номинаций для процесса речепроизводства свидетельствует о

том, что для школьников он является одним из наиболее важных. Еще одно важное для старшекласников действие связано с мышлением: 'понимать' – *врубаться, въезжать, пендрить, сечь*. В качестве антонима их словам используется глагол с уже знакомым корнем – *тормозить*, а также сочетание *не догонять* и все перечисленные выше глаголы с частицей «не».

Для описания действий, связанных с учебой, в школьном сленге существует немного глаголов, которые обозначают два основных действия: 'учить' – *долбить, зубрить, букварить, ботанеть*; 'списывать' – *катать, перекачивать, скатывать, слизывать, сдирать, передирать, сдувать* ... Несмотря на то, что второй ряд представлен большим количеством синонимов, нельзя сказать, что такое поведение будет расценено как «*крутое*». «*Крутой*» не тот, кто часто списывает, но и не тот, кто все учит (все синонимы этого глагола обладают явной сниженной стилистической окраской и выражают пренебрежение к тем, кто поступает таким образом). Для «*крутых*» характерно умение решать все проблемы, в том числе и учебные, «*в легкую*», без приложения особых усилий. О том, к чему это приводит, свидетельствует следующий синонимический ряд: *завалиться, запороть, лажануться, засыпаться, обломиться, срезаться, лопухнуться*... В целом «*облом*» – важное для юного человека понятие. «*Обламывают*» его и *читы*, и *родоки*, и *бабы*, и даже *кореша*. Но он не отчаивается, потому что всегда можно «*оттянуться*», «*кайфануть*», «*потусоваться*», «*потащиться*», одним словом, испытать «*кайф*», «*таски*», «*отпад*», «*оттяг*», «*улет*». А если не получится – пойти «*прошвырнуться*» и найти того, на кого можно излить свое «*нефонтанное*» настроение.

Синонимический ряд глагола «*бить*» один из самых богатых: *гасить, плющить, заплющить, махать, мочить, наезжать, урыть, вырубить, сделать, метелить, товарить, отоварить, фэйсовать; дать по балде, по репе, вмазать, попортить вывеску, смазать бубны*... (Ср.: в словаре Т. Г. Никитиной «Так говорит молодежь» (Никитина 1998) приведено 34 синонимичных слова и выражения со значением 'бить/избить', что свидетельствует о востребованности этих слов не только школьниками, но и молодежью в целом).

Если продолжить сравнение школьного сленга с молодежным, то можно указать на ряд существенных различий: по данным словаря Т. Г. Никитиной наиболее значимыми понятиями для молодежи являются следующие: 'бить' (34), 'деньги' (33), 'наркотик' (28), 'обмануть' (26), 'пить' (19), 'наслаждаться' (19), из которых только 'бить' и 'наслаждаться' важны и для школьников. Остальные же

представлены в школьном сленге 1-2 лексемами.

Одной из традиционных составляющих юности является чувство первой любви – чувство новое, непонятное, и потому юноша пытается снизить стилистическую окраску слов, связанных с обозначением данного чувства. Ср.: ‘влюбиться’ – *запасть, втюриться, втюхаться*; ‘ухаживать’ – *зажигать*, ‘встречаться’ – *гулять, ходить* (*Она сначала со мной ходила, а потом стала ходить с моим другом*); ‘отказать’ – *обломить, отфутболить*. Таким образом, языковая картина мира старшеклассника отражает традиционное для сленга снижение всех значимых для школьников понятий. Высказывать открыто свои чувства сленг не позволяет: восхищаться можно, но это восхищение всегда амбивалентно, впрочем, как и любое другое выраженное в сленге отношение. Явление энантиосемии характерно для всей оценочной лексики сленга. Причем истинное чувство выражается имплицитно, а напускное – эксплицитно.

В какой-то степени сленг можно рассматривать как способ психологической защиты старшеклассника, не умеющего еще управлять своими чувствами, от слишком сильных разочарований и боли. Уход любимой девушки легче пережить, если ты не любил ее, а «*зажигал*» с ней. В то же время легче уйти с уроков, если ты не прогуливаешь, а «*загибаешь*»; не ворует, а «*тыришь*»; не оскорбляешь человека, а «*быкуешь*». В этом проявляется эвфемистическая функция сленга, которую ряд исследователей определяет как «лингвистику лжи» (Сиссмен).

Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности). АКД. Барнаул, 1995. С. 9.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб, 1999.

Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. СПб, 1998.

М.Ю.Казак

Частеречное ядро с точки зрения словобразования

Закономерные отношения в языке, связанные с несовпадением объема понятийного содержания и семантики языковых единиц с их формальным выражением, отражаются в системе частей речи в виде

«своеобразного параллелизма» (Семантические вопросы... 1991, с.54), т.е. неоднократного выражения словами разных классов тождественного содержания.

Неравноправный статус как целых классов, так и отдельных разрядов слов внутри одной части речи требует гибких подходов при построении классификаций. Работы российских и зарубежных лингвистов в этом отношении направлены на дифференциацию типичных языковых фактов, в полном объеме представляющих релевантные признаки той или иной категории слов, и нетипичных явлений, обладающих неполным набором признаков своей категории. Учет ядерных и периферийных элементов в языковых категориях позволяет отразить их градуальность на всех уровнях языка.

Выделение в системе частей речи и в пределах каждого отдельного класса ядра и периферии требует четких характеристик каждого из языковых участков. Попробуем уточнить количественные параметры частеречного ядра знаменательных частей речи – существительных, прилагательных, глаголов и наречий с точки зрения словообразовательных показателей.

Распределение лексических единиц по их принадлежности к той или иной части речи в словарном составе языка осуществляется неравномерно. По подсчетам А.И. Моисеева (данные «Обратного словаря русского языка»), лексическое поле на 99,4% представлено основными частями речи – существительными (46,35%), глаголами (30,71%), прилагательными (20,40%) и наречиями (1,58%) (Моисеев 1987, с.150). Именно слова указанных классов признаются в русских грамматиках ядром системы частей речи, на фоне которых рассматриваются все остальные классы слов.

Следует отметить, что показатели по размещению слов в лексиконе и по их частотности, по использованию в тексте не могут совпадать, поскольку характеризуют разные параметры лексических единиц. Так, служебные и малоинформативные слова заполняют 50% текста (Засорина 1968, с.4), а по данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л.Н. Засориной, именно служебные части речи, местоимения, числительные первого десятка являются высокочастотными единицами.

Характеризуя ядро каждой отдельной части речи, исследователи отмечают, что единицы, составляющие ядерную часть, представляют собой типичные языковые факты, у которых референтное значение подкрепляется грамматическим, категориальное значение совпадает с функцией (В.В. Бабайцева), внутренняя форма совпадает с внутренней формой части речи (Л.В. Бортэ), слова, обладающие «всеми

грамматическими формами данной части речи и лексическое значение которых находится в наиболее полном соответствии с их грамматической семантикой» (Янценецкая, с.53), слова, имеющие полный набор дифференциальных признаков (Бабайцева, с.3); область первичных значений и первичных синтаксических функций (Е.С. Кубрякова, В.В. Бабайцева и др.).

В теории прототипов ядро каждой отдельной части речи представлено эталоном, «лучшим представителем» своего класса, который проявляет максимум признаков, присущих данному классу. Эталон избирается из единиц базового уровня, т.е. из слов, хорошо известных носителям языка, легко опознаваемым (Теория грамматики..., 1990, с.32-33), эталон образуется из непроемных единиц, стилистически нейтральных, высокочастотных, в первичной номинативной и синтаксической функции (Лакофф, с.1995).

Признание непроемных слов ядром словарного состава, наиболее типичными представителями своего класса позволяет рассматривать примарную лексику как базисную, как «фундамент, на основе которого строится все здание лексикона» (Кубрякова 1988, с.154).

В языковой картине мира первичные наименования выполняют роль «семантического картирования», фиксируя первичный словарь каждого конкретного языка (Уфимцева 1988, с.134).

В этом свете возникает необходимость статистических данных о соотношении в словаре слов непроемных и производных, симплексов и комплексов. Надежным источником для уточнения того, как соотносятся в языке непроемные и производные слова служит «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (ССТ). По данным этого словаря, производные слова в лексиконе русского языка занимают более 88% (в этом показателе нами учитывались как непроемные производящие слова, так и слова-одиночки) (ССТ, т. II, 440). Данный показатель выявляет значимость производных единиц в формировании словаря в целом. Именно процессы образования вторичного означивания отражают те процессы категоризации и перекатегоризации, которые выступают результатом таксономической деятельности человека (Кубрякова 1988, с.155), обобщая и детализируя сложившуюся языковую картину мира в соответствии с теми возможностями, которые реализуют слова определенных классов.

В таблице ССТ (т. II, 440) приводятся суммарные данные о количестве гнезд и количестве производных слов, представленных в словообразовательных гнездах.

Первый показатель – количество гнезд, образуемых от слов определенной части речи, – свидетельствует о способности того или иного класса к словопроизводству: лидируют существительные (70,9%), затем следуют глаголы (19,2%), прилагательные (70,5%); наречия занимают скромное место (0,7%), вместе они составляют 98,3% от всех образуемых гнезд.

Эти данные соотносятся с результатами общей представленности лексических единиц в словаре – в порядке размещения частей речи, однако иным оказывается удельный вес каждого из классов. «Всемогущее» существительное по количеству формируемых гнезд значительно опережает все остальные части речи (70,9%), что можно объяснить, во-первых, активностью производящей базы класса существительных, а во-вторых, простым преобладанием слов данного класса в лексиконе.

В приложении к 3-ему изданию «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (М., 2003) приводятся новые гнезда, возникшие на базе слов, являвшихся одиночными в первых изданиях словаря. Гнезда, приведенные в этом разделе, подтверждают словообразовательную активность класса существительных: из 523 новых гнезд - 492 СГ отсубстантивных (т.е. 94,1%; ср. остальные части речи: глаголы 12 СГ, прилагательные 32, междометия 2, звукоподражания 1, частицы 1) [т. II, с. 933].

Другие показатели – количество образуемых в гнездах дериватов и средний показатель количества производных на одно исходное слово («словообразовательный потенциал части речи», по определению автора словаря) – дают совершенно иную расстановку деривационных «сил». Части речи представлены в следующем порядке:

1. числительное	115,3
2. местоимение	37,6
3. глагол	23,2
4. прилагательное	15,7
5. звукоподражание	8,7
6. наречие	8,3
7. существительное	7,5
8. междометие	6,6
9. слова других частей речи	6,1

По этим показателям класс существительных уступает не только глаголам и прилагательным, но и числительным, местоимениям, звукоподражаниям, наречиям. «Потенциал» существительного несколько выше лишь междометий и служебных частей речи. Причина

данного «феномена» скрывается в слабой производящей базе, малочисленности исходных слов, представляющих числительные (22 гнезда – 0,2% от всех слов словаря), местоимения (0,3%), звукоподражания (0,6%), наречия (0,7%).

Числительные и местоимения являются «замкнутыми классами слов» в русском языке. Безусловно, в системе языка осуществляется транспозиция – нумерализация (переход в числительные), прономинализация (переход в местоимения), однако в сложившейся языковой системе эти факты ничего не меняют. Числительные и местоимения могут служить базой для образования слов других частей речи, одна «замкнутость» производящей базы не дает им возможности каким-то образом изменять состав словаря.

Наречия в русском языке как база для формирования вторичных единиц демонстрируют невысокие потенции, ядро этого класса слов составляет разряд качественных наречий, который в основном представлен производными единицами. В кругу непроемких наречий оказываются древнейшие по образованию наречия, этимологически связанные с местоимениями (*где, куда, когда, там, как, тут* и др.), которые продуцируют наречия со значением отрицания и неопределенности (*где-либо, где-нибудь, негде, кое-где*).

Другие части речи немногочисленны и, как правило, составляют непродуктивные типы, образуясь от наречий иных разрядов: существительные (*множество, запанибратство, исполиц, поперечина, исполиц, поперечина, поперечник, сплошняк, ариоризм*), прилагательные (*сквозной, сквозистый, внешний, здешний, поперечный, наличный, совместный* и др.), глаголы (*множить, такать, сквозиться, иначе, набекренить*). Некоторую продуктивность проявляют наречия в производстве прилагательных – с суффиксом *-н-* (*прежний, сквозной*) и сращений типа *быстротекущий, дорогостоящий*.

Таким образом, ядром с точки зрения словообразования являются слова трех частей речи – существительное, прилагательное, глагол, на базе которых образуются слова этих же классов. Производные наречия, мотивируясь всеми названными единицами, в целом не влияя на структуру и состав словообразовательного гнезда.

Данных о распределении производных слов по классам в лингвистической литературе, насколько нам известно, нет. Мы обратились к подсчетам с целью выявить, как на частеречном уровне организуется словообразовательная система языка.

Материалом для исследования явились самые большие гнезда исходных имен существительных, прилагательных и глаголов. Из

«Словообразовательного словаря русского языка» было извлечено по 100 СГ каждого класса слов, которые были расписаны по парадигмами и цепям, формируемым в этих гнездах, в подсчеты включались как аффиксальные производные, так и сложные слова, занимающие в некоторых гнездах значительный объем. Проследим, как распределились по частям речи производные слова разных типов:

СГ с исходным существительным		СГ с исходным прилагательным		СГ с исходным глаголом	
существительное	49,2 %	существительное	34,3%	существительное	42,0%
прилагательное	29,4 %	прилагательное	33,8%	глагол	36,7%
глагол	17,1 %	глагол	22,7%	прилагательное	18,8%
наречие	4,3%	наречие	9,16%	наречие	2,49%
Всего производных слов в СГ – 13 570		Всего производных слов в СГ – 9 430		Всего производных слов в СГ – 21 140	

Цифры, приведенные в таблице, характеризуют общее распределение производных единиц по частям речи, которые представлены на I – VII ступенях словопроизводства. Начиная со II ступени дериваты представляют собой словообразовательные структуры, являющиеся результатом неоднократной транспозиции из одного класса слов в другой. Относительно распределения производных слов по частям речи можно заметить следующее:

Суммарные результаты по всем классам слов выявляют лидирующее положение имени существительного, что отражает способность слов всех частей речи трансформировать свою семантику в предметные и опредмеченные имена.

Наречия занимают в гнездах любого класса скромную долю от слов остальных частей речи, их основную массу составляют отадъективные образования, которые и формируют ядро наречий как класса.

Размещение производных единиц, представляющих другие классы, зависит от части речи исходного слова – в именных гнездах преобладают существительные и прилагательные, в глагольных гнездах – существительные.

Можно сопоставить данные об общем распределении слов в лексиконе, безотносительно к их структуре (подсчеты А.И. Моисеева),

количество непроизводных слов-вершин (таблица в ССТ) и размещение производной лексики с исходными словами трех классов – существительных, прилагательных, глаголов:

Части речи	Обратный словарь	Словообразовательный словарь	СГ с исходным существительным	СГ с исходным прилагательным	СГ с исходным глаголом
Имя существ.	46,35%	70,9%	49,2%	34,3%	42,0%
Глагол	30,71%	19,2%	17,1%	22,7%	36,7%
Имя прилаг.	20,40%	7,5%	29,4%	33,8%	18,8%
Наречие	1,58%	0,7%	4,3%	9,16%	2,49%

Учет такого параметра как непроизводность / производность выявляет специфику словообразовательных отношений в формировании и организации частей речи.

Выразительна для характеристики исходного производящего слова и его словообразовательных потенций I ступень, на которой группируются в словообразовательную парадигму блоки производных, связанные с вершиной отношениями непосредственной мотивации.

СГ с исходным существительным		СГ с исходным прилагательным		СГ с исходным глаголом	
существительное	54,2%	прилагательное	59,6%	глагол	54,4%
прилагательное	38,0%	существительное	25,1%	существительное	32,0%
глагол	5,5%	глагол	7,8%	прилагательное	13,1%
наречие	1,2%	наречие	7,4%	наречие	0,5%
Всего производных слов на 1 ступени – 4 972		Всего производных на 1 ступени – 3 604		Всего производных слов на первой ступени – 3 952	

Распределение слов *на первой ступени* высвечивает закономерность, которую можно сформулировать следующим

образом: исходные неизменяемые слова как представители определенной части речи воспроизводят прежде всего ту часть речи, к которой принадлежат сами.

Так, в гнездах с исходными существительными и прилагательными преобладание этих же классов слов свидетельствует о бо'льших возможностях трансформирования существительных в прилагательные (предмет – статический признак) и прилагательных в существительные (признак – опредмеченный признак), чем в глаголы. Неизменяемые глаголы служат базой для продуцирования прежде всего префиксосодержащих глаголов, имен действия и предметных имен.

Словообразование на II и последующих ступенях демонстрирует не только порождающую силу исходного слова, но и словообразовательные способности дериватов, зависящие от многих факторов, и в первую очередь от словообразовательного типа, к которому принадлежит производное слово, и ступени, на которой дериват образуется. Так, бо'льшие гнезда у именных классов формируются, как правило, в тех случаях, когда на одной из ступеней, обычно первой, продуцируется глагол, образующий в свою очередь мощные и разветвленные микрогнезда.

Сложные и сложносокращенные слова занимают в гнездах значительный объем: в СГ с исходным существительным – 40,0%, в СГ с исходным прилагательным – 29,2%, в СГ с исходным глаголом – 16,7%. Здесь требуется отметить, что «чистым» показатель о распределении в гнездах простых дериватов и сложных образований может быть лишь на первой степени, поскольку композиты сами включаются в процесс образования новых слов и чаще мотивируют суффиксальные типы слов, которые подсчитывались в работе по способу образования.

Попробуем оценить порождающие способности исходных классов слов на I ступени по данным, включающим только *простые дериваты*.

СГ с исходным существительным		СГ с исходным прилагательным		СГ с исходным глаголом	
существительное	43,7%	существительное	39,4%	глагол	43,8%
глагол	27,8%	глагол	31,9%	существительное	38,4%
прилагательное	21,6%	прилагательное	16,3%	прилагательное	14,9%

наречие	6,9%	наречие	12,4%	наречие	2,9%
Всего производных слов в СГ – 1 277		Всего производных слов в СГ – 1 458		Всего производных слов в СГ – 2 882	

Поскольку основная масса сложных слов – это существительные и прилагательные, то исключение их из подсчетов значительно меняет картину.

В классе имен существительных увеличивается доля глаголов, которые занимают теперь второе место и следуют за существительным, в то же время резко сокращается количество прилагательных.

В классе имен прилагательных соотношение частей речи меняется радикально – сформулированная нами закономерность здесь не «работает» - прилагательное уступает позиции существительному и глаголу.

В классе глаголов особых изменений не происходит – сохраняется порядок размещения частей речи с небольшим изменением их удельного веса. Это наблюдается по той причине, что в глагольных гнездах сложные слова занимают меньшую часть в составе гнезд (16,7%), при этом они распределяются по I-III ступеням приблизительно одинаково, ср.: I ступень – 5,1%, II ступень – 5,4%, III ступень – 4,2%.

Значимость производной лексики в организации словаря в целом трудно переоценить – об этом свидетельствуют статистические данные, за которыми стоит серьезная информация об устройстве языковой системы. Надстраиваясь над базисной лексикой, которую составляют примарные единицы, производные слова структурируют лексикон, формируя, детализируя, дополняя семантические участки языка, закрепляя результаты словообразовательных процессов в формально выраженных типах слов.

Количественные приоритеты изменяемых классов слов в словарном составе русского языка (97,5%) требуют уточнения того комплекса признаков, которые используются при выделении частей речи. Словообразовательный критерий включается в перечень как обязательный Б.Н. Головиным, А.А. Реформатским, ГР 53, однако чаще этот признак упоминается лишь как дополнительный.

Морфологические и словообразовательные характеристики слова, являясь неуниверсальными, выступают психологически релевантными приметам для языкового сознания носителей языка. Даже в типологических работах признается, что разбиение на части речи «непосредственно опирается на формально-грамматические свойства слова...» (Плунгян 2003, с.249). Безусловно, формальная оформлен-

ность слова несущественна при характеристике «молодых» частей речи, служебных слов, однако на возможность разной сбалансированности и суммы признаков при характеристике разных классов слов указывают многие ученые, в частности А.И. Смирницкий, Е.С. Кубрякова, В.В. Бабайцева. И, по-видимому, такая точка зрения вполне оправдана.

Изменяемые классы слов в русском языке, в том числе прилагательное, имеют ярко выраженные грамматические и деривационные показатели, закрепленные за определенной частью речи. Поэтому включение словообразовательного признака в перечень обязательных критериев для русского слова, с нашей точки зрения, необходимо.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

Бортэ Л.В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. Кишинев, 1977.

Засорина Л.Н. О статистике и автоматизации в лексикографии //НДВШ ФН, 1968

Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи (межкатегориальные связи). Свердловск, 1990.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование //Язык и интеллект. М., 1995.

Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Учебное пособие. Ленинград, 1987.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.

Семантические вопросы словообразования. Производящее слово / Под ред. М.Н.Яценецкой. Томск, 1991.

Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – 3-е изд. М., 2003.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.

Психолингвистический анализ языкового сознания

М.Я. Розенфельд

Образ в структуре значения слова

Действительность отражается сознанием человека в разных формах. Сознание отражает действительность в форме понятий, суждений, умозаключений, а также и в форме эмоций, оценок, эстетических переживаний, волевых импульсов и чувственных образов.

Поскольку в семантике языковых единиц язык отражает содержание сознания, он не может не фиксировать всех форм отражения действительности, присущих сознанию. Но если репрезентация в языке всех перечисленных выше форм отражения действительности в лингвистике изучается давно – исследуется понятийное содержание языковых знаков, оценка, эмоция, волевые переживания, то чувственным образам в этом смысле повезло значительно меньше.

Роль чувственных образов в семантике слова практически не изучена. Вместе с тем, «номинативная функция слов, отнесение слов к предметам, воспринимаемым нами чувственно, обуславливает то, что в живой речи в значение слов, относящихся к такого рода предметам входят наглядно-образные элементы», отмечал еще Л.О.Резников (Резников 1958, с.75). В монографии И.А.Стернина в семантической структуре слова выделяется, помимо денотативного и коннотативного, эмпирический компонент значения - «закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» (Стернин 1979, с.129).

Чувственно-наглядный компонент входит в значение большого количества конкретных слов. Часто мы в полной мере можем определить значение предметного существительного, только если чувственно представляем реалию, которую оно называет.

Одна из задач нашего исследования – выяснить, в какой степени связаны с чувственным образом слова конкретной семантики, в какой степени можно считать образ компонентом лексического значения предметных лексем.

Мы поставили задачу, помимо предметных существительных, изучить также возможную образность абстрактных имен. В структуру их значения образ входить теоретически не должен, так как реалии, которые называют абстрактные существительные, нельзя наблюдать чувственно. Однако концепция универсального предметного кода Н.И. Жинкина предполагает, что любая ментальная информация кодируется в сознании чувственными образами – единицами этого кода. Во многих исследованиях по когнитивной лингвистике психофизиологическая основа концепта определяется как некий чувственный образ, к которому «прикрепляются» в сознании знания о мире. Вторая задача нашего исследования – проверить экспериментально, входит ли образ в структуру концептов, называемых словами абстрактной лексики.

Итак, выдвигается гипотеза: если в ходе эксперимента чувственные образы в существительных будут выявлены, то каждый из них будет квалифицирован по отношению к конкретному существительному как эмпирический компонент значения и кодирующий образ соответствующего конкретного концепта; по отношению к абстрактному существительному – как кодирующий образ абстрактного концепта.

Среди экспериментальных методик, используемых в психолингвистике, наиболее широко применяются свободный ассоциативный эксперимент и направленный ассоциативный эксперимент. Используется также рецептивный эксперимент, по которым понимается опытное исследование понимания значения языковой единицы носителями языка. С целью выявления психологически реального значения лексических единиц в рамках рецептивного эксперимента наиболее часто используется методика субъективных дефиниций.

Для выявления образных ассоциаций слова наиболее подходящим представляется метод направленного ассоциативного эксперимента. Нами использовался и метод свободного ассоциативного эксперимента, но в его ходе на слова экспериментального списка было получено большое количество ассоциаций, не являющихся образными.

Материал исследования – 10 конкретных существительных, относящихся к разным тематическим группам (*голова, болото, хлеб, дверь, лошадь, дерево, ковёр, машина, глина, пуговица*), 10 абстрактных существительных, отобранных по частотному словарю под редакцией Л.Н. Засориной из наиболее частотных в русском языке (*год, время, дело, жизнь, работа, страна, слово, мир, сила, борьба*).

Испытуемыми явились учащиеся 11-х классов средней школы и студенты первого курса филфака ВГУ, всего 100 человек.

Эксперимент был проведен в устной форме, возможность для испытуемых советоваться, заглядывать к соседу мы старались исключить. Использовалась следующая инструкция: «Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда звучит каждое из слов экспериментального списка». Время проведения эксперимента не ограничивалось, но фиксировалось. По времени, затраченному на описание образа уже в ходе проведения эксперимента видно, какое из слов-стимулов даёт больше образных реакций, какое – меньше.

При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциации, в том числе и единичные.

Приведём в качестве примера полученные результаты по одному абстрактному и одному конкретному существительному.

Время 100: большие настенные часы 25; наручные часы с секундной стрелкой 17; на циферблате 11. 45 – до конца урока 15 мин. 7; стрелки часов 6; часы с большим циферблатом 5; тиканье часов 4; я бегу с ускорением; мелькание времён года; круглый циферблат; звонок с урока; будильник на тумбочке; песок; зимний пейзаж за окном; песочные часы; электронные часы на моей руке; река с быстрым течением; Куранты на Спасской башне; нечто течёт 3; нечто светлое 2; кукушка, вылетающая из часов; стена; непонятное существо, которое я догоняю; кораблик, бегущий по ручью; моя комната; часы без секундной стрелки; белый циферблат с чёрными цифрами; старинные золотые наручные часы; мёртвое дерево; хронометр; я в детстве; часы стоят; младенец; цветок распускается на рассвете; дискотека в баре; буква «t»; часы с кожаным ремнём; Млечный путь; моя бабушка; парк ночью; 22.00 на городских электронных часах; темнота в комнате; телефон, на котором высвечивается время; бой Курантов на Новый год; нудный звук тикающих часов; вакуум чёрного цвета 1. Отказы – 0.

Дерево 100: зелёные листья 44; дуб 20; без листьев 12; жёлтые листья 9; высокое 8; клён; одно в поле 7; берёза; густая крона; дупло; толстый ствол 5; большое 4; брёвна; на холме 2; баобаб; жёлуди; жучки; ива; иголки; скрюченные ветки; снег на ветках; тонкий ствол; чёрный ствол 1. Отказы – 0.

Обсуждение результатов

В результате обработки полученных данных было установлено, что все слова экспериментального списка (как конкретные, так и абстрактные) вызывают в сознании испытуемых чувственные образы.

Среди ответов испытуемых встречаются такие, как «нечто, удаляющееся вверх» - на лексему «жизнь»; «что-то большое» - на лексему «мир» и т.п. Такие реакции не свидетельствуют об отсутствии образных ассоциаций для данных абстрактных существительных. Они говорят о том, что испытуемые сталкиваются с трудностями при описании, формулировании своих индивидуальных представлений. В ходе подобных экспериментов все участники поставлены перед извечной психологической проблемой объективизации субъективного: любой образ по сути своей субъективен. Для адекватного описания своих уникальных чувственных образов испытуемым просто не хватает слов.

Возможно, приблизит к решению этой проблемы применение иных экспериментальных методик. Можно, например, предложить испытуемым нарисовать то, что они видят в связи с тем или иным словом. Отметим, что при выполнении наших экспериментальных заданий у некоторых испытуемых возникала потребность выйти в описаниях образа за пределы слова. В ответах на предметные стимулы *машина*, *ковёр* и *дерево* участники эксперимента пытались схематически изобразить данные реалии, хотя такой задачи не ставил. Но применение данной методики влечёт за собой, однако, ряд новых проблем. Участники эксперимента могут не уметь рисовать, не иметь под рукой необходимого цветового набора красок. Схематичное изображение не всегда соответствует реальному зрительному образу, хотя некоторые объекты действительности, очевидно, запечатлены в сознании в виде картинок-схем.

Следует отметить, что, несмотря на уникальность, субъективность образа как такового, при обработке данных эксперимента выявляется большое число повторяющихся образных ассоциаций на один и тот же стимул. Наиболее высокой степенью повторяемости обладают образные ассоциации конкретных существительных (пуговица: «круглая» - 57 реакций; глина: «коричневая» - 51 реакция; дерево: «дуб» - 20 реакций).

Встречаются высокочастотные ассоциации и на абстрактные существительные (мир: «земной шар – вид из Космоса» – 57 реакций; борьба: «мужчины боксируют на ринге» – 37 реакций).

Образы конкретной лексики более детальны по сравнению с образами лексики абстрактной. Они могут быть классифицированы по цвету (напр., *голова*: чёрные волосы, голубые глаза; *дерево*: жёлтые листья, чёрный ствол); по форме (*болото*: круглое, овальное; *пуговица*: треугольная); по размеру (*ковёр*: большой; *голова*: большие глаза).

При анализе образов абстрактных имён мы не смогли вычленить достаточно четкие тематические группы. Здесь реакции могут быть объединены не по тематическим, а по более обобщённым признакам – по принадлежности к органу чувств. Среди ассоциаций выделяются зрительные (*жизнь*: широкая река с сильным течением; время: большие настенные часы; мир: глобус и т.д.), *слуховые* (время: звон будильника; звонок с урока и т.д.), обонятельные (*работа*: запах пота) и др.

Среди образов конкретных существительных наиболее частотными оказались цветные и образы формы. Среди образных ассоциаций абстрактных имён преобладают зрительные образы.

Ф.Е. Василюк в статье «Структура образа» указывает, что чаще всего образно представлена в сознании содержательная сторона знака. Это положение подтверждается большинством образных ассоциаций, полученных в ходе эксперимента. Однако, как указывает исследователь, окутываться в сознании самостоятельным образом может и формальная сторона знака – графическая и звуковая оболочка слова. Это также подтверждают результаты нашего эксперимента – в ответах испытуемых встречаются реакции типа: «вижу данное слово, написанное на доске белым мелом» (к стимулу «мир»). Учитывая тот факт, что образно представлена в сознании и внешняя, материальная форма слова, можно предположить, что образность слова в языковом сознании может быть связана и с отражением денотата слова, и с отражением его звуковой или графической оболочки.

Поскольку звуковой и графический облик и графический облик имеют все слова языка, все они могут в этом плане быть представлены образами в сознании носителей языка.

Эксперимент, таким образом, подтвердил наличие образных ассоциаций у конкретных и абстрактных существительных.

Экспериментальное исследование образных компонентов слова сопряжено со значительными трудностями. Одни из них связаны с подбором эффективных экспериментальных методик, другие – с квалифицированным научным описанием полученных в ходе эксперимента данных. Последняя трудность вызвана, в первую очередь, отсутствием единой, принятой в научной литературе классификации образных ассоциаций слова. Вышеназванные проблемы нуждаются в решении, ибо исследования в сфере языковых образов востребованы в разных областях лингвистической науки. Так, лексикология сталкивается с изучением образа при рассмотрении семантической структуры слов конкретной лексики: образ может являться компонентом их лексического значения и требовать описания

в лексикографических целях. Когнитивная лингвистика выявляет образы, которые входят в структуру концепта, образуют его базовый слов и кодируют концепты в сознании для мыслительных операций.

Любопытно, что у конкретных существительных преобладает зрительный образ, а у абстрактных, хотя тоже зрительный образ выступает как ведущий, появляются также слуховые и осязательные образы.

«Если конкретный образ выявляется как групповой, то этот образ уже можно рассматривать как относительно стандартизованный, признанный национальным сознанием, как факт концептосферы народа» (Попова, Стернин 2001, с.59). Наш эксперимент показал, что в значениях слов есть устойчивые групповые образы, которые можно на этом основании считать компонентами концепта, чувственным ядром соответствующего концепта. Этот чувственный компонент концепта как мыслительной единицы в значении слова выступает как образный компонент значения. Повторяемость образа в эксперименте свидетельствует о его наиндивидуальном, то есть системном характере.

Тот факт, что образные ассоциации обнаружены у всех слов – и конкретной, и абстрактной семантики, свидетельствует, на наш взгляд, в пользу того, что образная основа в сознании действительно существует для каждого соответствующего концепта. Именно наличие у всех слов образных ассоциаций свидетельствует о существовании образного предметного кода для этих концептов в сознании (УПК Н.И.Жинкина).

Среди чувственных образов, помимо зрительных, выделяются ещё слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые и прочие образы. Как выявить с максимальной долей объективности эти образы – вопрос, который ещё требует разрешения.

-
- Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993, №5.
 Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд.3. Воронеж, 2003.
 Резников Л.О. Понятие и слово. Ленинград, 1958.
 Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Об организации ментального лексикона при овладении вторым языком

В настоящее время особенно актуальным становится исследование процесса овладения вторым языком (Я2) в рамках когнитивной лингвистики и психологии.

Когнитивный подход позволяет осмыслить процессы формирования иноязычной языковой и коммуникативной компетенции в новом свете. Центральными становятся проблемы внутренней организации и репрезентации языкового знания в долговременной памяти, включая фонетические, грамматические и семантические особенности с одной стороны (декларативное знание), с другой стороны – вопросы, связанные с когнитивными механизмами пользования языковой информацией в ситуациях речевого общения (процедуральное знание).

Перспективным становится изучение овладения Я2 в свете таких категорий когнитивной науки, как языковое сознание, картина мира, семантическое пространство языка, концептосфера и другие. Таким образом, овладение Я2 выходит за рамки лингвистики и методики преподавания и может рассматриваться как овладение национальной спецификой языкового сознания и концептуализации мира.

Приступая к овладению Я2, языковая личность обладает уже достаточно сформированной концептосферой, единицы которой – концепты – упорядочены и вступают по отдельным своим признакам в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Концептосфера, как непосредственная когнитивная картина мира возникает, как известно, в результате познания сознанием окружающей действительности при помощи органов чувств и при помощи абстрактного мышления. Результатом фиксации концептосферы языковыми знаками является языковая картина мира. Она не равна когнитивной, так как в языке названо далеко не все содержание концептосферы (Язык и национальное сознание 2002).

Когнитивная картина мира существует в виде концептов, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка. Семантическое пространство языка – сложная система семем, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, образующие поля с центром и периферией и т.п. Эти отношения отражают отношения концептов в

концептосфере языка, и по отношению между значениями в семантическом пространстве можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере (там же).

Настоящая работа посвящена одному из важных аспектов исследования языкового сознания при овладении Я2 – проблеме хранения и взаимодействия разноязычных единиц в сознании.

Ментальный лексикон, как отдел долговременной памяти, в котором репрезентируются лексические единицы языка (Schwarz 1992), по мере овладения Я2 постоянно пополняется новыми семемами (принимая во внимание межязыковые особенности семантического пространства), а также репрезентациями звуковых составляющих иноязычных слов (лексем). Вызывает интерес вопрос о том, как в ментальном лексиконе иноязычные репрезентации связываются с уже имеющимися в наличии репрезентациями лексических единиц родного языка, как они структурированы и как связаны с общими когнитивными концептами?

По вопросу организации ментального лексикона при овладении Я2 традиционно существуют две точки зрения. Согласно первому мнению, при овладении семантическим пространством Я2 образуется вторая, автономная система значений языковых знаков (гипотеза раздельного существования двух систем) (Щерба, Колерс, Карлинский, Parreren, Meara). Согласно второй точке зрения, семантическая система, возникшая в процессе усвоения родного языка, отвечает так же за организацию значений и форм иноязычных слов (гипотеза «смещения» языков).

Л.В. Щерба допускает случаи, когда оба языка (родной и иностранный) «образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта». Оба языка образуют в данном случае две автономные области в мышлении (Щерба 1974). П. Колерс говорит о недостоверности гипотезы «совместности», согласно которой любой из языков, которым владеет индивид, «черпает свою семантику» из общего «концептуального источника». Согласно же гипотезе «раздельности», языковые компетенции индивида образуют раздельные “концептуальные источники” (Колерс 1972).

Начиная с середины XX века проблема решается многими исследователями разделением билингвизма на два типа: смешанный (субординативный) и координированный, в зависимости от условий, в которых происходило усвоение языков (Вайнрайх, Эрвин, Осгуд). Смешанный тип двуязычия, предположительно, вырабатывается в «смешанных» условиях, например при изучении языка школьным методом, при котором обычен подход к Я2 с точки зрения родного,

происходит постоянное сравнение семантических эквивалентов двух языков. «Координированное» двуязычие вырабатывается при общении с разными языковыми средами в условиях, когда переключение с одного языка на другой происходит сравнительно редко.

Как полагают названные авторы, эквивалентные слова двух языков имеют общее значение у человека с двуязычием смешанного типа, в то время как при координированном двуязычии у каждого из таких слов вырабатывается свое особое значение (Вайнрайх, Лэмберт и др.). Таким образом, при координированном билингвизме наблюдается большая функциональная независимость языков за счет функционирования двух параллельных систем.

В наших исследованиях мы придерживаемся взглядов И.Н. Горелова, указывавшего на создание в ходе практической интеллектуальной деятельности умственной (концептуальной) базы мышления человека. Эту базу составляют собственные впечатления индивида о мире, его личный опыт, а также социальный опыт, переданный в процессе социализации – при самом активном участии речевой и другой коммуникации. Привносимый в психику индивида из среды национальный язык, будучи “чрезвычайной прибавкой” (по Павлову), организует коммуникативные возможности и мышление индивида, но так, что в психике возникают универсальные, независимые от языковой специфики “картины мира”, подчиненные опыту и объективным логическим законам сущего. На этой базе возникает и развивается, корректируется и осмысливается система любого национального языка.

При естественном билингвизме на той же базе формируются две равноправные системы: при функционировании одной из них вторая «затормаживается». При искусственном билингвизме такое торможение возможно, когда в новой языковой системе нет «пробелов», когда сформированы бессознательные автоматизмы связи между означаемым (общим) и означающим (новым). До тех пор дефицит средств новой системы понуждает к использованию средств уже хорошо сформированной компетенции (первый, основной язык). Это обнаруживается в явлении интерференции (Горелов 1984).

В настоящее время предлагается интегративная модель взаимодействия разноразличных систем (Kognitive Linguistik und Fremdspracherwerb: das mentale Lexikon 1994): разные языки репрезентируются в общей семантической системе хранения информации, однако элементы одного языка вследствие их постоянного совместного употребления имеют между собой более

крепкие связи, образуя относительно автономную сеть отношений, своего рода семантическую субсистему.

Исследование организации внутреннего лексикона при овладении Я2 мы начали с рассмотрения внутренней организации иноязычной конкретной, «зрительно-представимой» лексики, служащей для языковой репрезентации так называемых базисных концептов.

Данные концепты характеризуются относительной устойчивостью и стабильностью, так как имеют прочно закрепленные за ними лексемы родного языка вследствие их повышенной коммуникативной релевантности. Ядро данных концептов обладает наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, базовый его слой представляет собой определенный чувственный образ, который является единицей универсально-предметного кода. Он носит индивидуальный характер и может меняться в зависимости от ситуации и психического состояния человека, так как концепт постоянно актуализируется в разных своих составных частях.

В нашем исследовании использовался свободный ассоциативный эксперимент. Было опрошено 30 студентов первого и второго курсов неязыкового вуза, изучающих немецкий язык как иностранный.

В качестве слов-стимулов испытуемым были предложены в смешанном порядке 25 слов русского языка и 25 слов немецкого языка. Все слова обозначали конкретные, зрительно-представимые объекты действительности. Перед участником эксперимента ставилась задача назвать первое слово на любом языке, которое придет в голову в ответ на слово-стимул.

Примеры асоциативных реакций на смешанные русские и немецкие слова-стимулы:

Женщина: мужчина 10, мать 4, мама 3, жена 3, человек 2, девушка 2, дама 1, ребенок 1, девочка 1, дети 1, молодая 1, пожилая 1.

Человек: личность 4, жизнь 3, люди 3, животное 2, существо 2, ребенок 2, Homo sapiens 1, двуногий 1, голова 1, ноги 1, скелет 1, разумный 1, умелый 1, мужик 1, индивид 1, мужчина 1, собака 1, женщина 1, муж 1, отец 1.

Mädchen (девочка, девушка): девочка 26, девушка 2, не знаю 2.

Столб: провода 7, фонарь 7, дерево 4, телеграфный 2, дорога 1, основа 1, бревно 1, электричество 1, ток 1, палка 1, земля 1, высокий 1, деревянный 1.

Buch (книга): книга 25, учебник 1, буквы 1, боль 1, буханка хлеба 1, падение 1.

Хлеб: еда 7, масло 4, булка 3, батон 2, нож 2, соль 2, крошки 1, булочка 1, пища 1, мука 1, горбушка 1, мясо 1, кушать 1, есть 1, хлебница 1, сыр 1.

Мальчик: девочка 10, парень 1, ребенок 3, короткая стрижка 1, мяч 1, ученик 1, студент 1, друг 2, мужчина 1, шорты 1, маленький мужчина 1, брат 1, засранчик 1, с пальчик 1, школьник 1, пацан 1.

Царь: правитель 7, корона 3, король 3, грозный 2, власть 2, человек 1, управленец 1, властитель 1, император 1, царство 1, владыка 1, принцесса 1, монарх 1, великий 1, водолей 1, царица 1, правление 1, бог 1.

Baum: дерево 12, шлагбаум 5, баунти 5, палуба 1, бал 1, город 1, автобус 1, баня 1, тьма 1, не знаю 2.

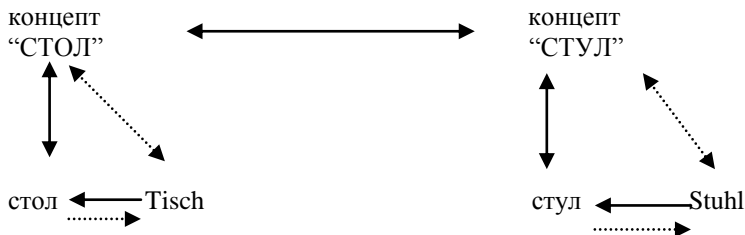
Обсуждение результатов

Все слова-стимулы родного языка ассоциируются, как правило, со словами родного же языка. Это различного типа ассоциативные связи, вскрывающие разного рода отношения единиц семантического пространства родного языка между собой, отражающих в свою очередь отношения концептов в концептосфере. Немецкое слово вызывает либо реакции по сходству фонологической оболочки (чаще, когда иноязычное слово не знакомо испытуемому, напр., «Baum – шлагбаум», «Tasche – Даша», «Baum – баунти», «Buch – «буханка» и т.д.), либо, в большинстве случаев, реакцию на русском языке, причем слово-стимул и слово-реакция представляют собой переводные эквиваленты, связанные в сознании с общим концептом.

Отсюда можно сделать вывод о том, что первоначально иноязычное слово занимает подчиненное место по отношению к слову родного языка и связано с концептом лишь опосредовано, через переводной эквивалент родного языка.

Таким образом, элементы двух языков хранятся в ментальном лексиконе не изолированно, а связаны между собой прочной связью, что говорит в пользу совместного хранения разноязычной языковой информации.

Упрощенно модель отношений между переводными эквивалентами двух языков можно передать в виде следующей схемы:

Доступ к концепту, к его чувственно-наглядному образу, осуществляется первоначально посредством внутреннего перевода иноязычного слова на родной язык, и лишь затем происходит актуализация концепта. Подчеркнем, что это происходит лишь на самых ранних этапах знакомства с иностранным словом.

По мере постоянной эксплуатации цепочки связей «иноязычное слово – семантический эквивалент родного языка – концепт» создается непосредственная связь между иностранным словом и концептом, сначала более слабая (на схеме обозначена пунктиром), но усиливающаяся по мере употребления. И в нашем эксперименте слово-стимул на немецком языке в некоторых случаях вызывал непосредственный зрительный образ, минуя стадию внутреннего перевода, что свидетельствует о непосредственной активации базального слоя концепта. Так, слово-стимул «Mädchen» вызвало у некоторых испытуемых сначала некий образ девочки с кудрявыми волосами и большими бантами, и лишь затем этот образ был связан со словом родного языка «девочка».

Таким образом, переводной эквивалент на родном языке в качестве реакции на иноязычное слово-стимул, может быть получен двумя путями: «иноязычное слово – переводной эквивалент родного языка – концепт» и «иноязычное слово – концепт – переводной эквивалент родного языка». Последний путь свидетельствует о более частотном употреблении соответствующего иноязычного слова, либо о непосредственном чувственно-наглядном способе овладения соответствующей иноязычной лексикой (в «естественных» условиях, при помощи «прямого» метода преподавания иностранного языка и т.п.).

Непосредственная активация концепта иноязычным словом открывает в дальнейшем возможность формирования иноязычным словом ассоциаций не только на родном языке, но и на Я2.

Формирование ассоциативных связей на Я2 будет свидетельствовать о том, что по мере овладения Я2 будет происходить постепенное обособление систем обоих языков в вербальной памяти,

что в конечном итоге может привести к формированию координированного билингвизма. Поэтому мы считаем целесообразным провести подобный эксперимент на лицах, находящихся на более продвинутых этапах овладения Я2, в частности на студентах языкового вуза и преподавателях иностранного языка, чтобы проследить динамику формирования ментального лексикона на всех стадиях овладения Я2.

Kognitive Linguistik und Fremdsprachenerwerb: das mentale Lexikon. – Tübingen: Narr, 1994. .

Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. – Tübingen: Francke, 1992. .

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. под ред. В.В. Дубичинского. – Киев: Вища школа, 1979.

Горелов И. Н. О гипотезах «раздельности» и «совместности» в описаниях языковой компетенции билинга // Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов. – Калинин, 1984.

Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дисс... докт. филол. наук. Киев, 1980.

Колерс П. Межъязыковые словесные ассоциации // Новое в лингвистике. Вып. VI. – М., 1972. – С. 254 – 274.

Лэмберт У., Гавелка Дж., Кросби С. Зависимость двуязычия от условия усвоения языка // Новое в лингвистике. Вып. VI. – М., 1972.

Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

Ж.И.Фридман

О создании словаря возрастного языкового сознания

В последнее время все больше появляется работ, посвященных языковому сознанию (Тарасов 1996, с.7).

Языковое сознание отражают ассоциативные словари. Существует много исследований гендерных особенностей ассоциативных реакций,

но мало работ по возрастным особенностям ассоциаций. В то же время мы считали важным провести именно такое исследование, т.к. оно помогает обнаружить системные отношения в лексике, выявить активный словарный состав и характер доминирующей информации, присущие определенному возрасту информантов. Данное исследование может быть использовано при создании возрастного ассоциативного словаря.

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления особенностей возрастного языкового сознания. В эксперименте принимало участие 300 человек (100 человек в возрасте 10-15 лет, 100 – в возрасте 20-30 лет и 100 – 30-40 лет). Эксперимент проводился на материале абстрактной лексики морально-нравственного содержания.

Результаты эксперимента

(приводятся те реакции, которые встретились два и более раз).

Благородство

10-20 лет	21-30 лет	31-40 лет
честь 9, рыцарь 7, доброта 6, воспитанность, помогать людям 4, добро 3, благо, великодушие, должно быть у каждого, достоинство, помощь, поступка, правда 2, отказы – 19.	рыцарь 14, честь 10, дворянство 4, аристократизм, Атос, воспитание, доброта, мушкетеры, помощь 3, Айвенго, добро, Дон Кихот, мужчина, поступок, риск, широкая душа 2, отказы – 7.	воспитанность 5, рыцарство, уважение 4, достоинство, порядочность 3, великодушие, добро, доброта, интеллигентность, поступок, прощение, рыцарь, чистая душа 2, отказы – 4.

Благотворительность

10-20 лет	21-30 лет	31-40 лет
помощь 17, милосердие 9, деньги 8, пожертвование 7, доброта 5, жалость,	мecenат 10, помощь 8, деньги 7, добро, щедрость 4, сбор денег, сострадание 3,	помощь 25, добро 6, деньги, доброта, по мере возможности 4, безвозмездное

совесть, сострадание 3, акция милосердия, великодушие, дети 2, отказы – 12.	детский дом, собственная выгода, спонсор, украли, фонд 2, отказы – 7.	деяние, щедрость 3, меценат, финансовая помощь людям 2, отказы – 2.
---	---	---

Великодушие

10-20 лет	21-30 лет	31-40 лет
доброта 12, добро 10, великая душа 7, щедрость, доброе сердце 6, милосердие, помощь 3, добрый, честь, щедрый 2, отказы – 20.	щедрость 14, доброта 9, благородство 7, всепрощение, снисходительность 3, дар, король, милостыня, открытость 2, отказы - 13.	прощение 14, щедрость 6, широта души 5, благородство, добро 4, доброта, мудрость 3, открытость, понимание, терпимость, человек с открытой душой 2, отказы – 6.

Война

21-30 лет	10-20 лет	31-40 лет
смерть 20, горе, ужас 5, жестокость, зло, мир, танки 3, боль, взрыв, дети-сироты, и мир, кровь, насилие, оружие, роман “Война и мир”, страх, 1812 год, 1941 год 2, отказы – 2.	смерть 17, зло 14, убийство 6, кровь, ссора между людьми и странами, страх, танки, убивать друг друга 4, 1941-1945 гг. 3, битва, враждебные отношения, мир, разрушения, слабость, ужас 2, отказ 1.	горе, смерть 7, зло, разруха, ужас 5, нет, страх, убийство 4, грязь, кровь, трагедия 3, взрывы, катастрофа и в то же время прогресс, противлстояние интересов сильных мира сего, 1941, черное небо 2, отказ 1.

Обсуждение результатов

Проведенный эксперимент показал, что ассоциативные реакции зависят от возраста испытуемых. Эти реакции имеют как черты сходства, так и различия.

Общие черты: ассоциации чаще всего выражены именем существительным, реже – прилагательным; наблюдаются и положительные, и отрицательные ассоциаты; преобладает парадигматическая связь между стимулами и реакциями.

Различия:

1. С увеличением возраста испытуемых растет удельный вес синтагматических ассоциаций.

2. С увеличением возраста опрашиваемых уменьшается доля конкретных ассоциаций и увеличивается число абстрактных.

3. Наиболее разнообразные реакции дают испытуемые в возрасте 31-40 лет.

4. С увеличением возраста информантов количество отказов уменьшается. Наибольшее количество отказов наблюдается на такие слова, как:

I группа – презрение (38 отказов), достоинство и ненависть (по 22 отказа),

II группа – великодушие и презрение (по 13 отказов), достоинство (12 отказов),

III группа – великодушие и ответственность (по 6 отказов), ложь (5 отказов).

Испытуемые в возрасте 10-15 лет дают по несколько отказов на каждое слово-стимул, информанты в возрасте 20-30 лет не дают ни одного отказа на такие слова, как *долг, свобода, смерть*, в возрасте 31-40 лет – не дают отказов на 8 слов (труд, долг, грех, жизнь, воля, помощь, свобода, семья).

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.,1996.

Понимание иноязычных слов молодежной аудиторией

Процесс заимствования - сложное явление, которое проходит три основных этапа: проникновение иноязычного слова в новый язык, неоднократное употребление его в речи и последующее вхождение этого слова в систему принимающего языка.

Структурно - семантические нормы языка как системы ограничивают проникновение в нее чужих элементов. Адаптация заимствований в системе русского языка происходит в соответствии с законами русского языка на всех его уровнях (фонетическом, графическом, грамматическом, семантическом и стилистическом). Считается, что включение иноязычного заимствования в словарь русского языка является показателем закреплённости нового слова в системе языка.

Активным проводником заимствований в повседневную русскую речь выступают средства массовой информации. Основными тематическими сферами заимствований являются *политика, экономика, массовая культура*, то есть самые популярные тематические области для СМИ, поэтому центральные газеты, радио- и телепередачи насыщены иностранными словами. Однако, как отмечают исследователи (Г.Б. Павленко, О.В. Высочина, И.В. Дьякова), существует большой разрыв между освоением иноязычных заимствований СМИ и обычными носителями языка.

Эксперименты показывают, что значения многих иностранных слов часто остаются неизвестными носителям языка или понимаются неточно, порою ошибочно.

Мы поставили задачу изучить, как молодежь (19-29 лет) понимает значение наиболее употребительных иноязычных слов. Был проведен рецептивный эксперимент, который позволил выявить, в каком объеме воспринимается значение иностранного слова, а также позволил установить, какие слова (из предложенных для эксперимента) следует объяснять данной категории носителей языка.

Материалом исследования послужили слова иноязычного происхождения, употребление которых активизировалось на рубеже XX-XXI вв. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из газет общероссийского значения, теле- и радиопередач информационного характера.

Испытуемыми являлись студенты факультета ПиМНО БГПИ. Эксперимент проводился в форме письменного опроса-анкетирования, который заключался в том, что информантам предлагалось записать слова под диктовку, оценить свое знание каждого слова: "не знаю", "знаю". Если испытуемый выбирал второй вариант, то он должен был написать значение слова. Предлагалось в качестве стимулов 10 слов. Время для ответа не ограничивалось. Было опрошено 50 человек по каждому слову, обработано 500 ответов испытуемых.

Обработка результатов эксперимента позволила выявить, насколько молодежная аудитория а) семантически и б) графически освоила предложенные слова; обобщить субъективные дефиниции; отразить полученные результаты в таблицах.

Результаты эксперимента позволяют уточнить, насколько испытуемые в своем языковом сознании близки к словарному знанию иноязычного слова. Учитывалось, совпадают ли семы, названные респондентами, с теми, что имеются в толковом словаре. Если при объяснении иностранного слова испытуемые называли семы, не отмеченные лексикографами, но к ложному пониманию слова не ведущие, то это расценивалось как приблизительное (неточное) знание. Как незнание расценивался отказ от ответа вообще, а также неадекватное определение значения слова.

Результаты исследования отражены в следующих таблицах:

Таблица 1. Самооценка знания иностранных слов.

№	слово	не знаю	знаю
1	интернет	1	49
2	консенсус	12	38
3	лизинг	40	10
4	мажоритарный	45	5
5	менеджер	6	44
6	мониторинг	33	17
7	офис	-	50
8	саммит	21	29
9	спикер	7	43
10	спонсор	1	49

Таблица 2. Сводные результаты обработки данных эксперимента.

№	слово	знают		не знают	
		точно	приблизительно	ложно пони-мают	не знают совсем
1	интернет	25	24	-	1
2	консенсус	19	8	11	12
3	лизинг	-	3	7	40
4	мажоритарный	-	2	3	45
5	менеджер	11	26	7	6
6	мониторинг	-	6	10	34
7	офис	25	25	-	-
8	саммит	2	16	14	18
9	спикер	7	27	9	7
10	спонсор	35	10	4	1

Результаты исследования показали, что все испытуемые знают слово *офис*; большинству из них известно значение слов *спонсор*, *интернет*, *менеджер*, *спикер*; около половины опрошенных знают слово *консенсус*; большинству информантов неизвестно значение слов *лизинг*, *мониторинг*, *саммит*; никто из участников эксперимента не знает слова *мажоритарный*.

Обработка данных эксперимента позволила обобщить субъективные дефиниции, данные испытуемыми. Для сравнения сначала приводится стереотипное значение слова, закрепленное в словаре, затем субъективные дефиниции, данные респондентами (в порядке убывания частотности).

Например:

Консенсус - (*лат. consensus* согласие, единодушие, согласованность) - наличие между двумя или более индивидами сходных познавательных и практических ориентаций, позволяющих им установить взаимопонимание и(или) взаимодействие в каком-либо отношении. (Политология. Энциклопедический словарь. 1993.)

Субъективные дефиниции:

- 1) собрание - 7;
- 2) согласие (по какому-либо вопросу) - 6;
- 3) соглашение - 6;
- 4) единое мнение; прийти к общему мнению - 4;
- 5) принятие взаимного решения - 3;
- 6) решение - 3;

- 7) в политике - 2;
- 8) обсуждение - 2;
- 9) что-то в Госдуме - 1;
- 10) направление в решении правительственных задач - 1;
- 11) недоразумение - 1;
- 12) оптимальная перспектива - 1;
- 13) заседание, приведшее к согласию - 1.

Мажоритарный - (<фр. *majorite* большинство) - о системе выборов, при которой в число избранных попадают лишь кандидаты партии, получившие большинство голосов в данном округе. (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 2001.)

Субъективные дефиниции:

- 1) употребляется в политике - 2;
- 2) качество человека - 1;
- 3) имеющий оптимистический характер - 1;
- 4) высокопоставленный - 1.

Спикер - (англ. *speaker* оратор) - председатель парламента или (в парламентах некоторых стран) его нижней палаты. (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 2001.)

Субъективные дефиниции:

- 1) председатель (глава) Госдумы - 7;
- 2) спикер (лидер) Госдумы (парламента) - 5;
- 3) политический деятель - 5;
- 4) должность в гос. аппарате (правительстве) - 4;
- 5) руководитель, глава (высший чин, вышестоящий человек, начальник) - 4;
- 6) человек (чиновник, работник) в Госдуме - 3;
- 7) представитель Госдумы Селезнев - 2;
- 8) человек, занимающий должность в парламенте - 2;
- 9) руководитель политической группировки (партии) - 2;
- 10) лидер - 1;
- 11) лидер какого-либо движения - 1;
- 12) председатель чего-либо - 1;
- 13) человек, что-то распространяющий - 1;
- 14) из области информатики - 1;
- 15) связано с компьютером - 1;
- 16) помощник, представитель - 1;
- 17) советник - 1;
- 18) человек, представляющий свою страну от правительства на различных конференциях - 1.

Проанализировав субъективные дефиниции, мы выделили (вслед за О.В. Высочиной) 3 уровня понимания значения слова: полное (точное), неполное (приблизительное) и ложное.

Полным (точным) считается такое понимание значения слова, при котором субъективные дефиниции информантов отражают адекватный набор сем слова. Испытуемые называют ядерные семы (архисему и дифференциальные семы), которые составляют основу значения слова.

Субъективные дефиниции в случае полного понимания значения слова могут иметь следующие варианты:

1) словарная дефиниция: *офис* - помещение для деловых встреч, работы; *спонсор* - тот (человек или фирма), кто оказывает финансовую или еще какую-либо помощь кому-либо (предприятию, организации, отдельным лицам);

2) объяснение значения слова с помощью синонима:

спонсор - меценат; *мониторинг* - просмотр, отбор; *офис* - контора;

3) описание признаков, функций того понятия, которое названо словом: *менеджер* - человек, занимающийся менеджментом; *спонсор* - оказывающий безвозмездную помощь; *саммит* - когда собираются главы государств и обсуждают общие проблемы.

Приблизительным (неполным) считается такое понимание значения слова, при котором субъективные дефиниции информантов содержат не все семы, образующие ядро данного слова.

Испытуемые могут:

выделять только архисему: *саммит* - совещание, встреча; *интернет* - современный способ общения; называть дифференциальные семы, не называя архисему: *лизинг* - в отсрочку на несколько лет; *менеджер* - человек, работающий в сфере бизнеса;

указывать только сферу употребления заимствования: *мажоритарный* - употребляется в политике; *менеджер* - понятие, связанное с экономикой; *лизинг* - употребляется в экономике; *интернет* - связано с компьютером, с получением информации.

Субъективные дефиниции в случае приблизительного понимания значения слова могут иметь следующие варианты:

1) объяснение значения слова с помощью примера: *спикер* - работник Госдумы Селезнев; *саммит* - саммит ОБСЕ (ООН); *интернет* - «всемирная паутина»;

2) узнавание слова как части высказывания: *саммит* - правительство прибыло на саммит; *спикер* - спикер Госдумы (парламента);

3) объяснение значения заимствования на основе знания языка-источника: *мониторинг* - от слова «монитор» - экран.

Ложным считается такое понимание значения слова, при котором информант не называет адекватных сем или называет такие, которых нет в реальном семантическом объеме слова.

В этом случае субъективные дефиниции могут иметь следующие варианты:

1) осмысление значения слова на основе сближения с созвучными словами: *мажоритарный* - имеющий оптимистический характер; *саммит* - что-то самостоятельное;

2) подмена значения слова несвойственным ему значением: *мониторинг* - согласие; *спикер* - советник; *мажоритарный* - высокопоставленный; *менеджер* - консультант, товаровед, *консенсус* - недоразумение.

Эксперимент показал, что многие испытуемые допускают ошибки в написании предложенных слов. Все информанты (100%) написали правильно слова: *менеджер*, *офис*, *интернет* (из двух написаний этого слова, предложенных в "Толковом словаре русского языка конца XX в.": *ИнтерНет* и *Интернет*, всеми испытуемыми выбрано второе); 2% информантов допустили ошибки в словах: *спикер*, *спонсор*; 8% опрашиваемых допустили ошибки в слове *лизинг*; 14% испытуемых допустили ошибки в слове *мониторинг*, 16% испытуемых ошиблись в написании слова *консенсус*, 38% опрашиваемых допустили ошибки в написании слова *саммит*, 78% испытуемых ошиблись в написании слова *мажоритарный*.

Если сопоставить графическую и семантическую освоенность данных слов респондентами, можно выявить некую зависимость их друг от друга: чем лучше испытуемые понимают значение слова, тем правильнее его пишут (гипотеза, однако, требует дополнительных исследований).

Таблица 3. Семантическая и графическая освоенность иностранных слов (в процентах).

№	слово	знают (%)	пишут правильно (%)
1	офис	100	100
2	интернет	98	100
3	спонсор	90	98
4	менеджер	74	100
5	спикер	68	98
6	консенсус	54	84
7	саммит	36	62

8	мониторинг	12	86
9	лизинг	6	92
10	мажоритарный	4	22

Как видно из таблицы, исключением являются слова *мониторинг*, *лизинг*: 86% опрошиваемых написали правильно слово *мониторинг* и 92% - слово *лизинг*, при этом семантическая освоенность данных слов остается низкой: *мониторинг* – 12%, *лизинг* – 6%. Возможно, правильное написание этих слов объясняется аналогией с другими словами на *-инг*.

В результате проведенного эксперимента можно сделать вывод, что закрепление заимствованной лексики в словаре русского языка не всегда свидетельствует о полном его освоении носителями языка. Наблюдается большой разрыв в освоении иноязычных заимствований СМИ (радио, телевидение, газеты) и рядовыми носителями языка. Из десяти слов, наиболее часто встречающихся в публицистике и зафиксированных в "Толковом словаре русского языка XX в.", а также в других словарях, только 5 слов (50%): *интернет*, *менеджер*, *офис*, *стикер*, *спонсор* - оказались семантически и графически освоенными большинством испытуемых на 68% - 100%.

Графическая освоенность иностранных слов выше семантической (см. таблицу 3).

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). АКД. 2001.

Дьяконова И.В. Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования. АКД. 2002. .

Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2001.

Павленко Г.В. Проблема освоения иноязычных заимствований: языковой и речевой аспекты (на материале англицизмов конца XX века). АКД. 1999. –

Политология. Энциклопедический словарь. Общ. ред. и составление: Аверьянов Ю.И., 1993.

С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова. Толковый словарь русского языка.4-е изд., доп., М., 2001.

Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр., доп., 1990.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Под ред. Г.Н.Скляревской. Санкт-Петербург, 1998.

*Новые явления в русском языке
и русское языковое сознание*

Е.П.Черногрудова

**Особенности использования
различных групп прецедентных текстов
в заголовках современной прессы**

На материале прецедентных текстов (далее ПТ), используемых в языке российской прессы, в разные периоды времени второй половины XX в. различные учёные (Л.А. Шестак, Е.А. Земская, С.И. Кузьминская, Г.Г. Слышкин, А.В. Исаева) выделяют разные группы источников воспроизводимых словесных комплексов. Данные различия, видимо, объясняются изменениями в сознании носителей языка, которые являются объективными и происходят постоянно под влиянием изменяющейся действительности. Причём указанные изменения касаются как качественного состава источников, так и количественной наполняемости их групп.

Так, например, Л.А. Шестак, Е.А. Земская, Г.Г. Слышкин, исследуя язык прессы конца 80 - начала 90 гг. XX века, в качестве наиболее востребованного источника ПТ выделяют "отвергаемые лозунги Октябрьской революции и социализма" (или "ходячие выражения эпохи социализма, или политические плакаты, лозунги и афоризмы социалистической и постсоциалистической эпохи).

С.И. Кузьминская и А.В. Исаева, исследуя язык прессы и бытовое неофициальное общение носителей русского языка к. 90-х гг. XX в., отмечают в качестве наиболее распространённого источника ПТ телевидение и народную культуру (в частности анекдоты).

Приведём результаты нашего исследования, источником для которого явились заголовки российской прессы конца XX - начала XXI вв.

Наименование источника	Доля в материалах исследования	Наименование группы источников	Доля в материалах исследования
Исторические лозунги и прецедентные тексты, связанные с мировой или национальной историей или культурой	4%		4%
Анекдоты	0,2%		0,2%
Цитаты из выступлений сатириков и юмористов	0,2%		0,2%
Популярные народные песни	0,5%	Музыкальные произведения	20,5%
Популярные эстрадные песни	10,5%		
Песни из кинофильмов	7,4%		
Песни из мультипликационных фильмов	2%		
Прочие музыкальные произведения	0,1%		
Популярные телепередачи и телеигры	1%		1%
Рекламные тексты	3%		3%
Расхожие фразы и разговорные речения	5,5%		5,5%
Античные реминисценции	2,5%		2,5%
Изречения	2%		2%
Крылатые выражения	2%		2%
Крылатые строфы	0,5%		0,5%
Сентенции	1,5%		1,5%
Пословицы	8%	Пословицы и поговорки	11%
Поговорки	3%		
Прибаутки	1%		1%
Библеизмы	3%		3%

Художественная проза	9%	Художественная литература	31%
Драматургия	2%		
Басни	1%		
Поэмы и баллады	2%		
Лирические произведения	10,5%		
Авторские сказки	1,2%		
Русские народные сказки	1%		
"Евгений Онегин" (А.С. Пушкин)	1%		
"Слово о полку Игореве"	0,5%		
Зарубежная литература	2,8%		
Художественные фильмы	6%		6%
Мультипликационные фильмы	1%		1%
Заемствованные устойчивые выражения	0,2%		0,2%
Прочие и неопознанные источники	1,9%		1,9%

Приведённая таблица демонстрирует различия наших результатов и результатов других исследователей. Наши выводы также не совпадают с выводами, сделанными Е.А. Земской, которая указывает на то, что в различных газетах наблюдается ориентация на разные группы ПТ.

С точки зрения происхождения ПТ их можно разделить на ПТ, являющиеся объектами родной культуры, и ПТ иностранного происхождения (с переводом на родной язык или без него). Специальный анализ показал, что к первой группе относится 97,5% случаев использования ПТ для создания газетных заголовков. Группу ПТ иностранного происхождения составляет всего 2,5%. Таким образом, можно предположить, что носители русского языка считают более авторитетными, доказательными, выразительными и привлекательными тексты родной культуры.

Также отметим, что среди современных газетных заголовков преобладают монопрецедентные фразы (98%). Полипрецедентность для современных российских газетных заголовков малохарактерна, но, тем не менее, отмечена для 2% заголовков, которые созданы посредством использования двух и более текстов одновременно.

Итак, можно сделать вывод об изменениях количественного и качественного состава источников ПТ в современной российской прессе, которые являются объективным следствием общественного развития и перемен в сознании носителей русского языка.

Н.М. Вахтель

Роль фокуса высказывания в позиции современного газетного заголовка

Первое, на что обращает внимание читатель, раскрывая газету, – это заголовок. Именно от него зависит, будет прочитан материал под ним или нет. При восприятии смысла высказывания в позиции заголовка в сознании читателя выстраивается гипотеза относительно содержания текста, помещенного после него. Какая гипотеза, кроме представления о страшных фактах массового падения людей в метро, может возникнуть при восприятии заголовка, помещенного в газете «Вечерняя Москва»:

(1) В Московском метро все чаще падают.

Знакомство с последующим текстом рассеивает чувство тревоги, порожденной этим высказыванием в позиции заголовка, где форма множественного числа глагола-сказуемого, имеет прагматическую направленность. Автор стремится создать ситуацию напряжения и беспокойства. На самом деле в тексте речь идет об одном, единичном случае, произошедшем в метро с сильно выпившим человеком. Журналист, выбравший форму множественного числа предиката в высказывании-заголовке, умозрительно создает виртуальную реальность, прибегая к приему гиперболизации и фантазирования, что приводит к несоответствию смыслов заголовка и самого текста, к эффекту “обманутого ожидания”.

Нельзя забывать, что с помощью языка журналист осуществляет особый вид коммуникации между собственным пониманием события, отраженного в его сознании, и сознанием воспринимающего читателя.

В примере (1) не случаен также и выбор неопределенно-личной конструкции, которая делает действие, обозначенное глаголом-сказуемым, потенциально возможным для других неопределенных, но множественных лиц, в том числе и для того, кто читает газету. «Завтра и я по какой-то серьезной причине могу упасть в метро» – вот что рождается в сознании читателя. Не случаен и порядок слов в заголовочном высказывании: он тоже коммуникативно значим и прагматически ориентирован. На последнем месте в высказывании-

заголовке помещена рема, несущая абсолютную информативную новизну да еще и устрашающего характера. Если бы диктор озвучивал этот заголовок, он обязательно сделал бы психологическую паузу напряжения перед ремой-глаголом-сказуемым.

Таким образом, в сознании пишущего журналиста факт, единичный случай, превращается в постоянно существующую угрозу, нависшую над каждым, кто пользуется московским метро. Интенция устрашения влияет на сознание читающей аудитории, что делает такой заголовок и текст под ним привлекающим внимание. При этом журналисту абсолютно неважно, что смысл заголовка не соотнесен с содержанием помещенного под ним текста.

Разумеется, гораздо чаще используется корректное озаглавливание текста целым высказыванием, где авторская интенция не столь агрессивна, но она тоже диктует выбор определенной модели высказывания для заголовка. Так, журналист, передающий информацию о бедственном положении музея, может назвать свой текст следующими разновидностями высказываний:

- (2) Музею нужна помощь.
- (3) Помогите музею!
- (4) Кто поможет музею?
- (5) Музей подает сигнал SOS.
- (6) Как помочь музею?
- (7) Чем можно помочь музею?
- (8) Почему закрыт музей?
- (9) Что стоит за закрытием музея?
- (10) Кто виноват в закрытии музея?

Весь представленный ряд высказываний типичен для газетного заголовка и потенциально возможен.

При одном пропозициональном содержании выбор одного высказывания из ряда обусловливается разнообразием авторских целеполаганий. В каждом из высказываний есть некий фокус, помогающий определить, о чем будет текст под тем или заголовком-высказыванием.

Так же, как и в обычном живом диалоге, где ответную реплику иллокутивно вынуждает инициальное высказывание, в нашем случае каждый из указанных заголовочных вариантов иллокутивно вынуждает то или иное содержание текста, следующего под ним.

Журналист выстраивает своеобразный диалог и с читателем, и с самим собой, рассуждая о бедственном положении музея или отвечая на вопрос в заголовке. Текст должен быть той ответной репликой, которая вынуждается фокусом заголовочного высказывания. И

адресат-читатель, воспринимая эти заголовки, безошибочно определяет тот характер информации, который будет содержаться в каждом из текстов, опираясь на тот же фокус.

Так, под заголовком (2), представляющим собой ассертивный речевой акт, будет скорее всего рассказано о затруднительном положении музея. Это простая констатация факта.

Под заголовком (3), представляющим собой просьбу, будет более эмоциональный и экспрессивный текст.

Под заголовком (4) - косвенной просьбой - в тексте речь уже должна идти о поиске спонсоров или о безвыходном положении, сложившемся в музее. Риторически мнимоутвердительный вопрос в заголовке с фокусом - вопросительным словом «кто» помогает построить такую гипотезу относительно содержания материала под ним.

Под заголовком (5), представляющим собой событийное предложение, ассертивный речевой акт, будет текст, передающий подробности, приведшие к плачевному состоянию музея, так как в нем надо раскрыть содержание фокуса заголовочного высказывания: «SOS». Заголовок, представляющий собой инструментальный вопрос (6), позволяет предположить, что в тексте под ним будут указаны возможные варианты решения проблемы, связанной с ситуацией в музее, и читатель будет вовлечен в сорассуждения на эту тему.

Под (7) и (8) заголовками, тоже представляющими собой инструментальные вопросы, но с другими фокусами, в первом случае в тексте должно быть указание на более конкретные пути выхода из создавшегося положения с музеем, это подсказывает фокус – вопросительное слово «чем»; а во втором случае - указание на причину бедственного положения музея, причем причину явную, всем понятную и прозрачную для читателя, что, кстати, бывает редко. Под заголовком (8), который представляет собой частный вопрос с фокусом - вопросительным словом «что» и с особой фразеологизированной структурой, читатель моментально в своем сознании выстраивает гипотезу о том, что текст приоткроет завесу над неизвестной и, возможно, скрываемой до сих пор информацией.

И, наконец, в (10) примере высказывание в заголовке приводит читателя к оправданному фокусом, вопросительным словом «кто», ожиданию получить конкретную информацию о конкретных лицах, ставших причиной указанного положения дел, что тоже бывает крайне редко.

В своих прогнозах о содержащейся информации в тексте читатель опирается на особый прагматический компонент в нем – фокус,

который соотносится с понятием ремы, но не тождествен ему, так как рема – это средство актуального членения предложения, а фокус – средство прагматической направленности на выражение авторских интенций.

Если рема актуализирует смысл высказывания, то фокус – знание, не активированное ранее в сознании получателя информации; если рема формирует сообщение, то фокус – прагматический компонент высказывания, с которым говорящий или пишущий производит операции для осуществления речевого акта с выраженными в нем интенциями.

Журналист, придумывая заголовок, осуществляет речевой акт, выделяя один из компонентов смысла, заключенного в тексте, и выстраивает заголовочное высказывание таким образом, чтобы, во-первых сфокусировать мысль в нем, руководствуясь определенным намерением; во-вторых, сформировать сообщение так, чтобы изменить информационное состояние читателя, внедряя в его сознание новую информацию.

Фокус определяется как актуализирующий потенциал высказывания, как то, что, по мнению автора-журналиста, должно сделать высказывание в заголовке с состоянием сознания читателя в процессе его восприятия.

Новая информация, которую необходимо, по мнению автора заголовка, ввести в сознание читателя, заключена в семантическом представлении фокуса. Кроме того, фокус высказывания психологически формирует у него и текущий центр внимания. Видимо, этим объясняется тот факт, что, проглядывая заголовки, читатель моментально концентрирует свое внимание на фокусе заголовочного высказывания, опираясь на его семантическое представление, и почти всегда безошибочно (в случае удачного заголовка) определяет содержание текста под ним.

Наиболее «прозрачными» в этом смысле заголовками-высказываниями, позволяющими легко и безошибочно порождать в сознании воспринимающих их читателей прогнозы о содержании изложенного факта, являются такие высказывания, которые в своей коммуникативной структуре имеют два фокуса: начальный, который вводит в рассмотрение новый объект, и конечный, который дает дальнейшую характеристику этому объекту.

Планом содержания такой коммуникативно – прагматичной структуры являются фрагменты семантического представления некоторой ситуации, соответствующие обоим фокусам.

(11) – Дания отказалась выдать Закаева – Р.Г. №216.02

(12) – Якутия повернулась к инвесторам недрами - Коммерсант № 66.03

(13) – Псковская ссылка Пушкина помогла современной медицине – АйФ №13.03

(14) – Англия пригрела олигархов – АйФ №15.03

В высказывании (11) первому фокусу соответствует семантический компонент (11а), а второй – (11б):

(11а) «отказалась выдать Дания»;

(11б) «отказалась выдать Закаева».

Эти фокусы имеют общий элемент, представляющий собой область пересечения семантических представлений в компоненте, соответствующем смыслу «отказалась выдать».

Далее соответственно:

(12а) «повернулась к инвесторам Якутия»;

(12б) «повернулась к инвесторам недрами»

с областью пересечения семантических представлений в компоненте, соответствующем смыслу «повернулась к инвесторам»;

(13а) «помогла псковская ссылка Пушкина»;

(13б) «помогла современной медицине»

с областью пересечения семантических представлений в компоненте, соответствующем смыслу «помогла»;

(14а) «пригрела Англия»;

(14б) «пригрела олигархов»

с областью пересечения семантических представлений в компоненте, соответствующем смыслу – «пригрела».

Особенность такого рода заголовков-высказываний, представляющих собой ассертивные речевые акты, в том, что они дают полное представление о содержании текста, ими озаглавленного, так как не нагружены никакой другой информацией, кроме сообщения новостей.

Такие ассертивные речевые акты относятся к констативам. Они характеризуются нейтральным типом передачи информации, ничем не выражая никакие другие коммуникативные намерения их авторов.

В большинстве случаев для заголовков авторы публицистических статей выбирают прагматические высказывания с особой направленностью.

(15) «Украденная невеста бежала из дома мужа» - Моя семья №30.03

(16) «Первая клонированная лошадь «родилась» в Италии» - К.П. №143.03

(17) «Причину аварии ищите в школе» - Берн №49.02

(18) «Партизан не будет в Ираке» - Изв. №66.03

(19) «Троллейбус выходит на орбиту» - К.П. №70.03

(20) «Новые волнения вспыхнули в Косово» - К. №22.02

В данных высказываниях, часто используемых в позиции заголовков, меняются местами локализатор и тема – подлежащее, вводящее в рассмотрение предмет, о котором идет речь в последующем тексте. Нейтральная коммуникативная структура была бы иная: из дома мужа бежала украденная невеста; в школе ищите причину аварий; в Ираке не будет партизан и т.п. При таком нейтральном порядке, который является нормой, вводимый в рассмотрение предмет является ремой. Авторы подобных заголовков тематизируют ее, делая фокусом.

Исследованный материал показывает, что двухфокусные высказывания типичны для газетных заголовков. Такая нестандартная линейная структура служит выразителем особого коммуникативного намерения, которое заключается в желании автора сообщить о некотором важном, с его точки зрения, событии, во внедрении в сознание читателя нового значительного объекта и, что самое главное, в порождении особой коммуникативной напряженности. Поэтому именная группа, обозначающая этот объект, вынесена в начало высказывания и становится еще одним фокусом заголовка, а также фокусом внимания воспринимающего этот заголовок читателя. В живом диалоге такие случаи редки, если не встречаются вообще.

Выбор инвертированных высказываний для заголовков в газетах диктуется новизной, неизвестностью информации. Очевиден семантический и коммуникативно-прагматический эффект высказываний с двойным фокусом в позиции газетного заголовка. Он заключается в подчеркивании существенности происходящего и нагнетании некой напряженности и динамизма. Выбор двухфокусных коммуникативных структур определяется ориентацией на читателя, на степень его осведомленности. Если в тексте пишущий или говорящий строит свое высказывание, постепенно разворачивая сообщение от известного к неизвестному, то в позиции заголовка журналист стремится придать высказыванию большую степень коммуникативного динамизма и напряженности.

Фокус высказывания в позиции заголовка как его прагматический компонент может отсутствовать. В этом случае интенция автора не эксплицируется, что затрудняет понимание содержания последующего за ним текста. Ср.: «Насколько Табаков дороже Крачковской?» (АиФ №16.03). Понятно, что рема этого высказывания - «насколько дороже», но очевидно также, что речь будет идти в опубликованном материале не о цифрах. Читатель будет выстраивать несколько гипотез о

содержании текста и разгадывать подтекст заголовка, пытаюсь понять, о чем текст, следующий под ним.

Г.Ю.Юмашева

Стилистическая лакунарность в синонимических рядах имен существительных

Важной особенностью существования языковой системы является неодинаковая представленность ее звеньев. В результате в системе получают так называемые слабые звенья, а также пустоты, т.е. лакуны.

«Если в одном из языков лексическая единица отсутствует, - отмечает И.А. Стернин, - то говорят о наличии лакуны в данной точке лексической системы этого языка; в языке сопоставления соответствующая единица оказывается безэквивалентной (т.е. единице одного языка не соответствует ни одной единицы другого языка)». К примеру, в русском языке выявляются безэквивалентные для немецкого языка единицы *автолюбитель, проводник, квартал, сутки, агентура, маячить, кипяти́ться, серебри́ться*; с другой стороны, в русском языке обнаруживаются лакуны "брат и сестра, вместе взятые (ср. *Geschwister*), "утолщенная часть бутылки" (ср. *Bauch (der Flasche)*) и др. (Стернин 1989, с 24, 36).

Рассматривая лакунарность как имманентное свойство лексической системы языка, Г.В. Быкова отмечает, что лакуны представляют собой виртуальные лексические единицы, принадлежащие сфере потенциального в языке. Исследователь дает следующее определение лакуны: "Лакуна – это семема, представляющая в системе языка виртуальную лексическую единицу, занимающую соответствующее место в лексической системе языка" (Быкова, 1999, с.9). Являясь системообразующими и системоразвивающими элементами языка, лакуны предопределяют открытость, неограниченность и динамизм лексической системы.

Анализируя сферу лексической системы языка, исследовательница отмечает, что в условиях одноязычной ситуации общения словарные пробелы лексико-фразеологической системы "не замечаются" носителями языка, хотя в лексиконе представлены значимым отсутствием соответствующих языковых единиц.

Лакуны стремятся к лексической объективации при формировании коммуникативной востребованности, в результате чего происходит их элиминирование в речи. Элиминирование лакун осуществляется на

уровне синтаксической объективации (компенсация лакун) либо универбализации (заполнение, устранение лакун) (Быкова, 1999, с.33).

Стилистические лакуны относятся к системным (потенциальным) лакунам. Эта группа лакун обусловлена системным характером языка и системным подходом к изучению языковых явлений. Г.В. Быкова своей работе предполагает, что эта группа - самая многочисленная (повидимому, практически неисчислимая) и почти не исследованная с точки зрения феномена лакунарности.

Исследование лакунарности требует учета основных свойств лингвистических единиц, их связей, отношений, среди которых выделяется упорядочение языковых элементов в те или иные (полные и неполные) парадигмы, что помогает обнаружить наличие системных лакун.

Сам факт существования стилистических лакун отмечался лингвистами в научной литературе. Т.Г. Винокур, рассматривая стилистическую синонимику, отмечает, что межстилевая парадигматика, казалось бы, должна являть собой систему строгих соответствий, согласно которой те или иные экспрессивные синонимические ряды распределяются по тем или иным функциональным сферам. Однако хорошо известно, что система языка не обнаруживает полноценной и самодостаточной симметрии в таких рядах, что они прерывисты; что в них есть весьма ощутимые лакуны. Провести значение слова по трем экспрессивно - стилистическим рубрикам без смысловых потерь невозможно. Поэтому, например, глагол *бодрствовать* не имеет нейтральных и сниженных синонимов; глагол *отсутствовать* - высоких и сниженных, а существительное *живодер* - нейтральных и высоких. Поэтому в трио *зарубежный* - *иностранный* - *заграничный* все участники остаются в пределах литературного языка, а в трио *трудиться* - *работать* - *вкалывать* один из них уходит в жаргон. Поэтому книжному *я голоден* мы можем противопоставить не однословный разговорный синоним, а только конструкцию *я хочу есть*. Экспрессивным же членом этого ряда, если не принимать в расчет устарелых единиц, явится сниженная гипербола *я умираю с голоду*. Напомним также, что у целого нейтрального слоя лексики - имен, называющих конкретные предметы, вообще редко бывают синонимы в высокой и сниженной стилистических сферах (Винокур 1980, с.165).

Рассматривая изменения в лексической системе на современном этапе (межстилизация лексики, коллоквиализация жаргонной лексики, формирование общенационального сленга) И.А. Стернин отмечает, что этот процесс имеет не только экстралингвистические, но и собственно

внутриязыковые причины, обусловленные в первую очередь лакунарностью. «Появление сленговой единицы может быть мотивировано отсутствием в языке по тем или иным причинам общеупотребительной лексемы для обозначения коммуникативно значимого понятия или предмета. При этом в языке может существовать узкоспециальное либо, напротив, грубое или вульгарное обозначение данного денотата. Номинативные же потребности системы требуют, чтобы в языке была и единица более широкого функционального спектра, пригодная для использования в более широкой коммуникативной сфере» (Стернин 1997, с. 46).

Таким образом, лакуны – неотъемлемая часть языковой системы. Рассмотрим стилистическую лакунарность в двухкомпонентных парадигмах синонимических рядов имен существительных. Под стилистической лакуной понимается отсутствие в синонимических рядах единиц тех или иных стилистических разрядов.

Материал представлен в виде таблицы, отражающей следующие данные:

перечень тематических групп, в которых присутствуют двухкомпонентные стилистические парадигмы;

количество двухкомпонентных парадигм в тематической группе имен существительных;

процент лакунарности в имеющихся стилистических регистрах по каждой тематической группе имен существительных.

Цифра «0» обозначает нулевую лакунарность, то есть стопроцентную заполненность данной стилистической ячейки. Цифра «100» - стопроцентную лакунарность.

В строке "всего" дается общий процент лакунарности в каждом стилистическом регистре по отношению ко всему массиву анализируемых двухкомпонентных стилистических парадигм.

Названия тематических групп	Кол-во	Мех.	Парг.	Жаргон	Прост.	Гр-прост	Книж.	Выс.	ар-поэт	Оф-дел.	Спец	Устар.
части человеческого тела	22	0	73	100	59	100	100	100	100	100	100	68
одежда, обувь	5	0	72	100	60	100	100	100	72	100	100	72
названия животных, птиц, части их тела	15	7	73	100	60	100	100	100	87	100	100	73
растения и их части	7	0	71	100	71	100	100	100	86	100	100	71

пища	9	0	56	100	78	100	100	100	100	100	100	67
медицинские наименования	13	0	92	100	77	100	100	100	100	100	92	38
предметы военного обихода	3	0	100	100	100	100	100	100	100	100	100	0
украшения	3	0	100	100	100	100	100	100	100	100	100	0
вещества	5	0	80	100	100	100	100	100	100	100	100	20
наименова- ния мифических и фантастичес- ких существ	3	0	100	100	67	100	33	100	100	100	100	100
средства передвиже- ния и предметы техники	7	0	43	100	100	100	100	100	100	100	100	57
названия предметов быта	29	3,5	52	100	79	100	100	100	100	100	100	62
наименова- ния денежных единиц	2	0	0	100	100	100	100	100	100	100	100	100
учреждения, здания, строения, помещения и их части	24	4	71	100	92	100	100	100	100	100	100	33
наименова- ния предметов социокультур ной сферы	9	0	78	100	100	100	89	100	100	100	100	33
Наименова- ния лиц по социальному положению, должности	18	5,5	89	100	94	100	83	89	100	100	100	44
названия лиц по физическому признаку, состоянию	13	23	69	100	61,5	92	85	100	100	100	100	69
названия лиц по временному признаку	5	0	100	100	100	100	80	60	100	100	100	60
названия лиц по родству	6	0	83	100	17	100	100	100	100	100	100	100
названия лиц по отношению к другим людям	11	0	64	100	91	100	82	91	100	100	100	73

наименования лиц по политическим убеждениям	7	0	100	100	86	100	57	100	100	100	100	57
наименования лиц по территориальной принадлежности	11	0	100	100	91	100	82	91	100	100	100	36
существительные религиозной тематики	14	0	93	100	100	100	79	100	100	100	79	50
свойства лиц по характеру и поведению	23	56	26	100	52	95	91	100	100	100	100	78
морально-этические свойства	9	33	22	100	67	100	89	100	100	100	100	89
наличие или отсутствие каких-либо признаков, качеств	3	33	67	100	33	100	67	100	100	100	100	100
наименования лиц по профессиональной деятельности	18	5,5	83	100	94	100	100	94	100	100	94	28
речевая деятельность	50	0	75	75	100	100	100	100	100	100	100	75
деятельность, обусловленная внутренними качествами, способностям и состоянием	8	0	100	100	100	100	75	100	100	100	100	25
морально - осуждаемая деятельность	19	16	58	100	79	100	89	95	100	100	100	63
криминальная деятельность	3	0	100	100	100	100	0	100	100	100	100	100
творческая деятельность	7	0	57	100	100	100	86	86	100	100	100	71
трудовая деятельность	14	0	100	100	93	100	100	100	100	100	100	7
Всего	349	7	72	99	82	99	87	97	98	100	99	58

Группа исследованных двухкомпонентных парадигм насчитывает 349 единиц. Стилистическая лакуарность в данной парадигме представлена следующим образом.

Межстилевой регистр демонстрирует самый низкий процент лакуарности в системе двухкомпонентных парадигм. В данном регистре отсутствуют ячейки со стопроцентной лакуарностью, то есть в каждой тематической группе есть двухкомпонентные стилистические парадигмы, включающие межстилевой элемент, что свидетельствует о большой представленности межстилевой лексики в функционально – стилистической дифференциации слов. В 23 тематических группах межстилевой регистр заполнен полностью (нулевая лакуарность).

Устарелая лексика отсутствует в 58 % двухкомпонентных стилистических парадигм, при этом в данном стилистическом регистре выделено 5 тематических групп со стопроцентной лакуарностью и 2 тематические группы с нулевой лакуарностью.

Разговорный регистр обнаруживает 72 % лакуарности в двухкомпонентных стилистических парадигмах, демонстрируя стопроцентную лакуарность в 9-ти тематических группах и нулевую лакуарность только в одной тематической группе.

Просторечный элемент отсутствует в 82% двухкомпонентных стилистических парадигм. В 12-ти тематических группах данный регистр демонстрирует стопроцентную лакуарность, ячейки с нулевой лакуарностью отсутствуют.

Книжная лексика обнаруживает 87 % лакуарности в двухкомпонентных стилистических парадигмах, при этом нулевая лакуарность выявлена в 1 тематической группе, а стопроцентная – в 17-ти тематических группах.

Высокая лексика отсутствует в 97 % двухкомпонентных стилистических парадигм. Стопроцентная лакуарность обнаруживается в 26-ти тематических группах, ячеек с нулевой лакуарностью нет.

Народно-поэтическая лексика отсутствует в 98 % двухкомпонентных стилистических парадигм. В 30-ти тематических группах наблюдается стопроцентная лакуарность, ячеек с нулевой лакуарностью нет.

Жаргон отсутствует в 99 % двухкомпонентных стилистических парадигм.

Специальная лексика отсутствует в 99 % двухкомпонентных стилистических парадигм. Данная лексика присутствует в 3-х тематических группах ("Существительные, обозначающие медицинские наименования", "Существительные религиозной тематики", "Профессиональная деятельность").

Грубо-просторечная лексика отсутствует в 99 % двухкомпонентных стилистических парадигм. Грубо – просторечный элемент выявлен в двух тематических группах ("Существительные, обозначающие названия лиц по физическому признаку, состоянию", "Существительные, обозначающие свойства лиц по характеру и поведению / Негативно – оценочные единицы").

Официально-деловой элемент отсутствует во всех двухкомпонентных стилистических парадигмах.

В целом двухкомпонентные стилистические парадигмы демонстрируют высокий уровень лакуарности. Исключение составляет межстилевой регистр, демонстрирующий минимальную степень лакуарности для данной стилистической парадигмы. Высокую степень лакуарности обнаруживают следующие регистры: народно – поэтический, жаргон, специальное, грубо – просторечное. Максимальную лакуарность (100%) демонстрируют официально-деловые единицы.

И.Г. Кожевникова

Метафорическая экспансия спортивной лексики в современном русском языке

Специальная лексика, обычно считавшаяся периферией общелитературного языка, в настоящее время начинает занимать ключевые позиции в языковых процессах и становится проводником многих активных тенденций развития лексики и словообразования языка в целом.

На современном этапе развития русский язык включает в себя большой пласт лексики, относящейся к различным отраслям специального знания. Лексические единицы разной степени терминологичности все активнее проникают в общенациональный язык, становясь его неотъемлемой частью.

Заметное место в сфере русской специальной лексики занимает лексика спорта, т.к. в конце XX века физическая культура и спорт сформировались в социально-культурный институт, каковым он не мог быть ни в эпоху античного расцвета общества, ни в эпоху феодального застоя. «Социальные институты, - отмечают А.В.Серебряков и Н.И.Пономарев, - это необходимые для функционирования и развития общества организованные формы деятельности, которые в силу их функциональной полезности для

общества, поддерживаются государством, получают с его стороны материальное обеспечение, предполагают соответствующую подготовку кадров и, наконец, в ответ на общественную и государственную поддержку призваны отвечать определенным требованиям. Социальные институты только потому и возникают, что становятся неотъемлемой частью «социального организма» (Серебряков, Пономарев 198, с. 4).

Будучи явлениями культуры, физическая культура и спорт отражают существенные черты образа жизни общества и оказывают все возрастающее влияние на его развитие. Известный американский социолог Дж. Лой считает, что спорт является идеальным полигоном для проверки многих социальных теорий.

Спортивная лексика обслуживает важнейшую сферу человеческой деятельности, имеющую большую социальную значимость, в связи с чем она динамично развивается и является одним из источников пополнения состава современного русского языка. Средства массовой информации становятся проводником для специальной лексики в общенациональное употребление, особенно способствует этому пресса. Слова и словосочетания из различных сфер профессиональной деятельности человека активно используются на ее страницах. Эти лексические единицы терминологического характера, развив переносное значение, активно входят в общепотребительный язык.

В общелитературном контексте специальные наименования, как правило, приобретают экспрессивно-оценочный характер, изменяется их стилистическая принадлежность.

Широкая известность, популярность спортивной лексики способствует ее свободному выходу за пределы профессиональной сферы. В настоящий момент наблюдается метафорическая экспансия спортивной лексики в общенациональный язык.

Под метафорической экспансией понимается процесс активного проникновения исследуемой лексики в общенациональный язык в переосмысленных (метафорических) значениях.

Метафорическая экспансия спортивной лексики наиболее ярко отмечается в трех тематических сферах – «Политика», «Экономика» и «Социально-бытовая сфера».

Например: «Не за горами выборы в Госдуму. Хотя в предвыборной гонке, на финише которой – этот орган власти, пока *старт* официально не дан» (АиФ, № 29, 2002).

«...А Вашингтон взял *тайм-аут*.... Администрация Соединенных Штатов приняла решение отложить на несколько дней представление проекта новой резолюции по Ираку» (Трибуна, № 41, март, 2003).

«Иными словами, речь надо вести об *очередном раунде борьбы* за власть и собственность между «*семейными*» и «*питерскими*»... (Новая газета, № 10, март, 2003).

«На это федеральный закон, который *устанавливает верхнюю планку*. Выше нее местные власти поднять налоговую ставку не могут, зато опустить имеют полное право» (АиФ, № 37, 2002).

«Этот шаг является отражением тенденции к консолидации низкобюджетных авиалиний: в результате слияния на этом рынке Европы останутся только два *крупных игрока* – easy Jet и Ryanai» (Коммерсант, № 18, фев. 2003).

«В феврале, по мнению экспертов, евро все также *в лидерах*, но слегка замедлит свой *торопливый бег*» (КП, № 19, фев. 2003).

«Власть, выдай тем, кому надо, право на бесплатный проезд, и чтобы их не *отфутболивали*» («Коммуна», 13 мая, 2002).

«Скоро экзамены в школе. Учителя волнуются за своих учеников и за свою репутацию и стараются быть максимально строгими на *финишном участке учебного забега*» (КП, 20июня, 2000).

«Везде отписки и *отфутболивание*. Последней надеждой казался суд» (КП, № сент, 2003).

Рассмотренный материал позволяет сделать предположение, что в конце XX века наблюдается тенденция замены военной метафоры, экспансия которой в публицистику продолжалась до 70-х годов, спортивной. По образному выражению профессора М.М. Богена (1996) произошла смена «мотива», и в сознании россиян жизнь стала представляться не «битвой» за выживание на «передовом фронте», а игрой, спортивным состязанием, в которой побеждает самый быстрый и ловкий.

Использование спортивной метафоры в политическом дискурсе ориентировано на командные игровые виды спорта или единоборства и очень часто имеет негативный подтекст. Как правило, политическая борьба представляется состязанием двух или нескольких *команд* - партий, стремящихся *выйти в лидеры* и получить свои *очки-голоса*. В таких *играх* есть и *запасные игроки*, которые выйдут в нужную минуту на поле – список кандидатов на государственный пост, и *аутсайдеры* – политики, чей политический рейтинг поднять уже нельзя. В политической *команде* всегда есть лидер – *капитан* и *играющий тренер* – олигарх, чьи интересы выражает вся *команда*. Очень часто интересы такого *тренера* не совпадают с государственными интересами, отсюда и постоянные обвинения в прессе в *подковерных играх* или *ударах ниже пояса*.

Спортивная метафора активно используется и в экономическом контексте. Развитие российской экономики ассоциируется в прессе с соревнованием, с хорошим или плохим *стартом*, умением бегать на *сверхдлинные и марафонские дистанции*, *брать барьеры*, *делать кульбиты и играть по правилам*. Экономическая деятельность рассматривается как своеобразное *легкоатлетическое состязание*, *бег на длинную дистанцию*, который закончится победой самого сильного и выносливого.

Спортивная метафора, используемая в социально-бытовой сфере и в искусстве, реализует мысль о том, что бытие человека есть *игра* на своем или чужом *поле*. В жизни всегда есть *правила игры*, которые нужно знать и соблюдать, есть *побежденные* и *победители*, и не всегда на тебе будет *майка лидера*, хотя ты ее честно заслужил. Пусть сегодня ты проиграл, но завтра можно снова *выйти на старт* и *прийти к финишу* первым.

Обобщая изученный материал, можно сказать, что направление метафорической спортивной экспансии — это политическая, экономическая, социальная и творческая сферы. Многие аспекты этих видов деятельности рассматриваются как спортивное состязание и реализуют идею *борьбы и соревнования*.

Словари современного русского языка фиксируют приникновение спортивной лексики в литературный язык. По данным Н.З.Котеловой и Ю.С. Сорокина «Новые слова и значения», (1973), а также справочника «Новое в русской лексике» (1980) из 2800 зафиксированных в словарях новых слов в состав русского литературного языка вошли 118 спортивных специальных наименований. На основании этих данных можно отметить, что экспансия спортивной лексики в разные языковые сферы началась в 60-70-е годы и продолжается в настоящий момент.

В.В. Поталуй

Лексико-семантические процессы в ЛФП "Наименования руководителей" в русском языке

Социально-политические процессы последних лет обусловили изменения в разных сферах русского литературного языка. Новые формы общественных отношений нашли отражение в неологизмах, в освоении большого количества заимствованных слов, в

стилистическом транспонировании, в процессах деархаизации.

Среди основных семантических изменений в лексике, отмечаемых О.П. Ермаковой (Ермакова 2000, с.33), остановимся на деактуализации значений, отражающих советские реалии, и деидеологизации лексики.

Изменения политического устройства общества вызвали деактуализацию значений слов, отражавших чисто советские реалии. Например, в связи с устранением однопартийности в нашей стране слово *партия* утратило компонент "коммунистическая". Это слово употреблялось без семантического приращения только по отношению к зарубежной действительности. Соответственно изменилась семантическая структура слов *партбосс*, *партократ*. В слове *ответственный* "погашено" фразеологически связанное значение, реализовавшееся в сочетании *ответственный работник* - 'относящийся к высокому уровню руководства' (партийного или правительственного).

В связи с происходящей в стране идеологической переориентацией наблюдается преобразование смысловой структуры слов, так или иначе отражавших прежнюю, "доперестроечную" идеологическую ориентацию. Процесс деидеологизации лексики проявляется в освобождении значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений, в частности, в снятии пейоративной окраски, которая была обусловлена восприятием денотата сквозь призму коммунистической идеологии, или, напротив, в появлении неодобрительной или иронической окраски. Так, в слове *выдвиженец* деактуализируется значение 'работник низшего звена, выдвинутый на ответственную должность, получивший высокий пост по признаку социального происхождения (преимущественно выходец из рабочих или крестьян) (Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, 1998).

Это значение в антикоммунистических кругах еще до перестройки включало компонент негативной оценки. Например: "Его отец был доктором наук и профессором математики в Риге. Мать заведовала сектором в республиканском Институте тканей... Каким-то чудом он почти с рождения был антисоветчиком и неконформистом. Своих родителей называл - '*выдвиженцы*'... Оба - в партии с тридцать шестого года. Оба - *выдвиженцы*, слуги режима" (С. Довлатов 'Компромисс').

В последнее десятилетие XX века в слове *выдвиженец* начинает актуализироваться значение 'тот, кого куда-то кто-то выдвинул' ('предложил в качестве кандидата к избранию'). Так, во время первых выборов народных депутатов в период перестройки довольно активно

было употребление: "Он чей-то *выдвиженец*". Например: "Они никогда не были *выдвиженцами* Сталина, а были *выдвиженцами* Троцкого..." (М.Гв., 1992, №9).

То, что наряду с официальной идеологией в определенных кругах всегда существовала и другая, отразилось и на языке. Об этом свидетельствует пейоративная окраска в употреблении таких слов, как *аппаратчик* со значением 'работник партийного аппарата', *функционер*, *номенклатурищик*, *ответработник*. Ср.: "Он так весомо говорит, с такой значительностью, физиономия типичного *функционера*, сразу видно - обкомовец." "Шаблинский давно уже работал в партийной газете. Положение *функционера* не слишком его тяготило. В нем даже сохранилось какое-то обаяние". (С. Довлатов 'Компромисс').

Е.В. Какорина отмечает, что в современном газетном узусе доминирует установка на заимствования из периферийных сфер системы языка, из его пассивного фонда (Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия, М.,2000, с. 67). Происходит ассимиляция "иностилевых" и иноязычных лексических средств.

Среди особенностей употребления лексики периферийных зон ЛФП "Наименования руководителей" выделяется использование историзмов и архаизмов.

"В настоящее время можно наблюдать актуализацию одних лексических ресурсов и деактуализацию других. Возвращению в узус лексики, бывшей неупотребительной, способствует установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории" (Какорина, с.67). Лексические историзмы, выполняющие функцию номинации новых реалий современной жизни, например, *губернатор*, *полпред*, *пристав*, в основном используются для заполнения возникающих референциальных лакун.

В современном употреблении устаревшей лексики сочетаются два различных процесса:

1) активизация ее использования (при этом устаревшее слово выступает в качестве стилистического средства), например: "А как называть черное население в Африке? Тоже Afro-Americans? Даже если они ногой в Америку не ступали? А Пушкин, наш Пушкин! Неужели и он, невыездной *рабовладелец*, тоже афро-американец?" (Т. Толстая 'Ижюм');

2) актуализация значения слова (при этом устаревшее слово перестает быть историзмом и используется в целях нейтральной

номинации, например: "*Губернатор* 'продавливал' отставку главного *пристава*" (Новая газета, 25.09 - 1.10.2001).

Понятие "устаревшие слова" объединяет неоднородные с точки зрения происхождения, причин устаревания, степени архаизации лексической единицы.

Е.В. Какорина считает, что новые социальные условия и новый лингвистический контекст их функционирования сделали не вполне актуальными существовавшие ранее классификации историзмов. Так, среди лексических историзмов различали три основные группы:

1) историзмы - названия специфических явлений дореволюционной России (*царь, градоначальник, полицмейстер, исправник, становой пристав, столоначальник, предводитель дворянства*);

2) лексика, которая продолжала употребляться для обозначения соответствующих явлений зарубежной действительности (*губернатор, помещик*);

3) лексика, переосмысленная применительно к новым реалиям советской действительности (*капиталист, барин, кулак*).

К первой группе историзмов следует, очевидно, отнести и названия специфических явлений общественной жизни послереволюционной России (*выдвиженец, нарком*). В настоящее время наметилась новая лексическая группа потенциальных историзмов, обозначающих явления недавнего советского прошлого (*парткомовец, обкомовец, парторг, комсорг, инструктор (ЦК), секретарь (райкома), пионервожатый*).

Наиболее активны в современном употреблении как раз историзмы "дореволюционные", например:

"В претендентах на российский императорский трон сейчас, как известно, недостатка нет. Словно черти из табакерки, выпрыгивают из политического небытия в зарубежных далях личности вроде "*Великого князя Украины*", хоть завтра готовые сменить профессию парижского таксиста на должность *царя* в Москве" (Советская Россия, 06.05.91).

Займствование из пассивного фонда языка и новое иноязычное заимствование может приводить к возникновению синонимов: *мэр, градоначальник, градоправитель, городничий, городской голова; спикер, председатель*.

Иноязычные заимствования адаптируются в языке быстрее и образуют нейтральные, безоценочные номинации. Этому способствует интернациональный характер данной лексики.

В то же время существуют факторы, способствующие возвращению в современный язык исконно русских названий. Устаревшая лексика широко используется в прессе не в денотативной,

а в экспрессивной функции, ср.: " Борис Ельцин был более богат на прозвища. *Царь Борис*, Дядя Бен... Подчиненные между собой звали его БН и Дед..." (КП, 28.06.2003) ; "...ни Кузин, ни Москвитин о таком решении *царя-батюшки* [Шабанова] ничего не знали." (Новая газета, 6-12.06.2000). Государственные чиновники высшего уровня сегодня именуются *сановниками*.

Употребление данных лексических единиц создает основу для стилистического сталкивания: *партийные князья и воеводы, руководящий чин. Ср. столоначальник, функционер, аппаратчик* - активные контекстные синонимы.

Таким образом, лексика пассивного фонда является одной из составляющих нового лексикона носителей языка, формирующегося на рубеже XX-XIX веков.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия. М., 2000

А.В.Рудакова

Лексема «быт» и родственные ей слова в современном русском языке

Исследование лексических особенностей ключевой лексики, представляющей концепт в языке, дает дополнительную информацию для определения когнитивных признаков изучаемой мыслительной единицы.

Данная работа посвящена описанию лексических компонентов слова «быт» и родственных ему лексем.

Современные словари отмечают у лексики «быт» следующие значения.

Быт 1. Общий уклад жизни; совокупность обычаев, нравов, присущих определенному народу, социальной среде и т.п. *Городской, сельский быт*.

2. Повседневная жизнь в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни. *Благоустроенный, неблагоустроенный быт. Устраивать, налаживать быт*.

|| Об условиях, в которых проходит жизнь человека (обычно о домашней обстановке). *Валя относилась равнодушно к быту, не*

замечала, что дают в столовой, не мечтала об обновлениях (*Эренбург «Буря»*) (Словарь современного русского языка 1991:854).

Быт 1. Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды и т.д. *Городской, сельский быт. Патриархальный быт деревни. Быт и нравы студенчества.*

2. Повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни. *Благоустроенный, неблагоустроенный быт. Домашний, семейный быт. Устраивать, налаживать, улучшать чей-либо быт. Поведение человека в быту. Войти, проникнуть в быт (стать привычным).*

3. Домашняя обстановка, хозяйство и заботы по его ведению. *Быт заел. После замужества впервые столкнулась с бытом* (Большой толковый словарь русского языка 1998:107).

Быт – сфера внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение, отдых, развлечения. В широком смысле быт – уклад повседневной жизни (Большая Советская Энциклопедия 1971:183).

С морфологической точки зрения слово «быт» относится к числу абстрактных имен существительных: отсутствуют формы множественного числа, не образуются сочетания с количественными числительными, этимологически образование лексемы относится к глагольной форме и др. С точки зрения частотности употребления исследуемая лексема имеет средний уровень частотности – 106 (Частотный словарь русского языка 1977).

Интересную информацию о грамматических особенностях лексемы «быт» дает система падежных окончаний. Одной из специфических черт лексемы является свойственное для некоторых абстрактных единиц наличие вариантных окончаний в предложном падеже – «изъяснительной» формы *-е* (о быте) и «локативной» *-у* (в быту) (Русский язык 2001:541).

Современные словари отмечают следующие родственные лексемы слова «быт»: *бытовой, бытовист, бытовистский, бытовизм, бытовицина, бытовуха, жилищно-бытовой, историко-бытовой, коммунально-бытовой, культурно-бытовой, материально-бытовой, сатирико-бытовой, социально-бытовой, соцбытсектор, электробытовой, бытовик, бытовка, бытописатель, бытописание, старобытный, старобытность, бытописательный, бытописание, бытовать, бытование* и др. (Тихонов

Словообразовательный словарь русского языка 1985:132-133; Большой толковый словарь русского языка 1998).

В устной речи по аналогии с лексемами-наречиями «повседневно», «каждодневно» и др. начинает встречаться слово «*бытово*» (Известия РАН 1997; Новое в русской лексике 1986, с.39), *антибыт*. Появляется множество сложных новообразований с частью «быт-»: «*Технобыт*», «*Рембытобувь*», «*Быт-Кредит*», «*Рембыттехника*», *соцбытсектор*, *электробытовой*, *культурно-бытовой*, *социально-бытовой*, *бытоустройство*, *бытобоязнь* и др. (Новое в русской лексике 1986, с.39; Новое в русской лексике 198, с.44).

Рассмотрим историю и современное состояние некоторых родственных лексеме «быт» слов.

Слово «**бытность**» в современном русском языке не употребляется как самостоятельная, обладающая полной системой форм имени существительного единица речи. Оно является обычно лишь составной частью обстоятельного выражения «в бытность» – «во время пребывания, нахождения». Это фразеологизированное выражение носит отпечаток письменной деловой речи, официально-канцелярского стиля.

Всякая бытность у нас русского человека петербуржца дорога нам, и меня сильно обрадовало посещение Лихачева (в письме В.Д. Спасовича).

Слово «бытность» по своему морфологическому строю представляет собой отвлеченное образование с суффиксом -ость от имени прилагательного *бытный*.

Интересна история лексемы «**бытовой**». В «Словаре Академии Российской» 1847 г. прилагательное от слова «быт» отсутствует. Оно впервые отмечено в словаре В.И. Даля рядом с другим образованием «бытный» («относящийся до быта, до рода жизни»). В «Полном филологическом словаре русского языка» А.И. Орлова 1884 г. прилагательные «бытный» и «бытовой» уже семантически и стилистически разделены. «Бытный» отмечено как областное (псковское) с конкретным значением «жирный, здоровый, плотный», «бытовой» как относительное прилагательное к лексеме «быт» (с сочетаниями «бытовое описание какой-либо страны, бытовое отношение соседей»). «Словарь Академии Российской» 1891 г. вообще опускает прилагательное «бытный» как чуждое литературной лексике, а прилагательное «бытовой» иллюстрирует сочетаниями «*бытовая повесть*, *бытовая драма*», «предмет которой заимствован из действительной жизни». Прилагательное «бытовой» появляется достаточно поздно и соотносится с новым «терминологизированным»

значением слова «быт» («образ жизни, общий уклад жизни»). Первые случаи употребления этого прилагательного находим в критике 40-х гг. XIX в.: *«Положение изменилось, изменились и патриархальные нравы, а с ними исчезла и любовь как бытовая сторона жизни»* (В.Г. Белинский); *«Оба эти произведения ... интересны не как повести, а как мастерские очерки бытовой стороны жизни»* (В.Г. Белинский).

Глагол «**бытовать**» со значением «существовать, находиться в быту, образе жизни народа» также впервые приводится в «Словаре Академии Российской» 1891 г. В 40-50-х гг. XIX века в литературное употребление входит новый глагол, образованный от слова «быт» – бытовать. Это слово еще не включается в словарь В.И. Даля. Исследователи отмечают лексему «бытовать» в дополнениях. «Бытовать – находиться, корениться в быту, образе жизни народной». В настоящий момент лексема «бытовать» не рассматривается как производная от слова «быт».

Имя существительное «**бытовик**» появляется в 80-90-х гг. XIX века. Им обозначаются представители бытового направления в литературе, искусстве. В советскую эпоху возникает слово «**бытовизм**», употребляемое иногда для обозначения натуралистической манеры изображения быта или излишней обремененности литературного произведения бытовыми подробностями. Во второй половине XX века слово «бытовик» приобретает еще одно значение – «работник сферы бытового обслуживания». В настоящее время лексема «бытовик» («бытовичка») пополняется новым значением и активно используется как жаргонная единица – «лицо, находящееся под следствием или осужденное не по политическому делу, за бытовое преступление» (угол., арест.) (Новое в русской лексике 1981, с.44; Мокиенко, Никитина 2000, с.85).

Лексема «**бытовка**» также появляется во второй половине XX века и обозначает «временку или подсобное помещение для переодевания и отдыха рабочих» (разг.). Кроме того, отмечаются и жаргонные употребления данной лексемы: «случай нарушения общественного порядка в быту» (мил., мол.), «бытовое обслуживание населения» (эконом.) (Новое в русской лексике 1982; Мокиенко, Никитина 2000, с.85).

К этому же периоду относится и появление слова «**бытовуха**», которое имеет ряд значений: «повседневная жизнь» (жарг., разг.), «случай правонарушения в быту» (мил.), «бытовой сифилис» (мол.), «бытовая, непрофессиональная аудио- и видеоаппаратура» (мол., шутл.-ирон.) (Большой толковый словарь русского языка 1998:107; Мокиенко, Никитина 2000, с.85).

Синонимические словари отмечают наличие небольшого синонимического ряда лексемы «быт»: *повседневность*, *будничность* и др.

По данным антонимических словарей лексема «быт» не имеет соответствующего антонима, однако в устной речи начинает встречаться новообразование «*антибыт*».

«Обрастание» новыми родственными лексемами, появление антонимического соответствия свидетельствуют об активизации концепта, представленного в языке лексемой «быт», а также о расширении сферы приложения исследуемого концепта.

И.Г. Кожевникова

Спортивные интернационализмы в современном русском языке

Современные интеграционные процессы, отмеченные в мировом мультикультурном сообществе, стремление специалистов разных стран к объединению интеллектуального потенциала в решении актуальных научных и технических проблем, сопровождаются тенденцией к взаимопроникновению специальной лексики. Явление интернационализации лексики характерно и для спортивных терминосистем развитых европейских стран.

Интернационализация лексики как лексико-семантический процесс – это процесс возрастания доли интернациональных слов в лексических системах языков народов, находящихся на одинаковой стадии социально-экономического развития.

Традиционно интернационализмами считались лексические единицы, представляющие собой «фонетические и морфологические варианты слов или морфем, распространившиеся из одного первоисточника в неродственные языки и имеющие в этих языках сходную семантику» (Маковский, 1960, с. 44). Такой подход отражен в работах А.А. Белецкого (1955), О.Б. Шахрая (1955), В. Фрида (1956).

Однако необходимо отметить, что, хотя сам термин «интернациональная лексика» вызывал много споров, работ, посвященных этой проблеме, не так много. Наибольшие разногласия существовали по вопросу, в скольких неродственных языках должно встречаться данное слово, чтобы его можно было назвать интернационализмом. По мнению А.А. Белецкого, число таких языков должно равняться трем. О.Б. Шахрай считает, что слова,

которые можно отнести к интернационализмам, должны встречаться в ряде языков.

О. Есперсон (1921) отмечал, что главным критерием для определения интернациональности слова, является количество людей, которые его используют, а не количество языков.

Наиболее четко теория интернационализмов разработана в трудах В.В. Акуленко (1969, 1977). Под интернационализмами автор понимает морфемы, лексемы и фраземы сходного вида, которые регулярно отождествляются не менее чем в трех синхронно существующих языках. В специальной лексике - это совпадающие по значению и сходные по форме термины-слова, терминологические основы, морфемы) и терминологические составные номинации. При этом, отмечает В.В. Акуленко, сходство форм интернационализмов распространяется не только на звучание и написание, но и на мотивировку знаков, ощущаемую носителями языка. Такая мотивировка у терминов может быть морфологической, семантической, а у составных номинаций – лексико-грамматической (Акуленко, 1977).

Принципиальное значение при исследовании специфики интернационализмов имеет вопрос об их соотношении с заимствованиями. В отечественной лингвистике интернационализмы относили к заимствованиям особого рода (Бельчиков, 1959; Левковская, 1968; Будагов, 1971 и др.), считая их словами, обозначающими ключевые международные понятия в области культуры и науки. В настоящее время большинство исследователей выводят интернационализмы из состава заимствований, отмечая, что в некоторых языках, например, английском или итальянском, часть интернационализмов может оказаться их собственными, а не заимствованными словами.

Наиболее убедительной в этом вопросе нам кажется точка зрения В.В.Акуленко, который отмечает, что «принципиальное различие между заимствованиями и интернациональными словами имеется и сущность его намного сложнее, чем отмечалось выше. Оба эти явления не могут приравняться друг к другу прежде всего потому, что интернационализмы являются объективно существующей межъязыковой категорией синхронии со своими специфическими характеристиками, а «заимствования» суть вспомогательное построение исследователя, условная для синхронии группа фактов, вычленяемых на основе совершенно иных, диахронических критериев. Это методологическое различие имеет принципиальный характер» (Акуленко, 1972, с.162).

В настоящий момент под интернационализмами принято понимать единицы международного лексического фонда, функционирующие не менее чем в трех неблизкородственных языках, совпадающие в этих языках по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц для каждого языка) и по смыслу (Энциклопедия русского языка, 1998, с.155). Здесь необходимо добавить, что и само явление должно носить интернациональный характер, которое обозначено данной лексемой.

Например: русск. *спорт*, фр. *sport*, англ. *sports*, нем. *sport*; русск. *старт*, англ. *start*, нем. *start*; русск. *финал*, фр. *finale*, англ. *final*; русск. *финалист*, фр. *finaliste*, англ. *finalist*; русск. *арена*, фр. *arena*, англ. *arena*; русск. *атака*, фр. *attaque*, англ. *attack*; русск. *атлет*, фр. *athlete*, англ. *athete*, нем. *athlet*; русск. *дисквалификация*, фр. *disqualification*, англ. *disqualification*, нем. *Disqualification* и др.

Интернационализмы проникают из языка в язык в результате экономических и культурных связей между народами и, как правило, обозначают понятия из сферы науки, техники и культуры. В связи с этим большинство интернационализмов – термины, а в ряде областей знания основную часть специальной лексики составляют интернациональные слова.

Спортивная лексика не является исключением. Самобытное социально-экономическое положение России повлияло на развитие национальных специальных субязыков, которое представляло собой длительный, продолжающийся в течение двух с половиной веков процесс, особенности которого определялись совокупностью внешних и внутренних исторических факторов, имеющих место на том или ином этапе развития русской государственности.

Большинство существующих в спортивной лексике интернационализмов пришло в специальный подязык русской лексической системы, как известно, в качестве заимствований в XVIII – XX вв. и сформировали базовый пласт лексики для будущих терминосистем.

В новейшую эпоху в связи с нарастанием темпов языковых контактов и ростом количества одновременно вовлекаемых во взаимодействие языков в ходе глобального обмена информацией большинство спортивных специальных наименований перешли в разряд интернационализмов, сложившихся вокруг "великих языков человеческой цивилизации".

Процессу интернационализации спортивной лексики способствует исключительное использование одного языка при проведении соревнований по определенным видам спорта: конные международные

соревнования проводятся на английском языке, соревнования по фехтованию - на французском, восточные единоборства - на японском.

В морской и парусной терминологиях более 70% лексических единиц из голландского, терминосфера восточных единоборств существует только на японском языке, а из английского языка мировым языковым сообществом была принята терминология спортивных игр. Например: русск. *аутсайдер*, фр. *outsider*, англ. *outsider*, исп. *outsider*; русск. *дриблинг*, англ. *dribbling*, фр. *dribble*; русск. *баскетбол*, фр. *basket-ball*, англ. *basketbal*, нем. *basketbal*; русск. *фол*, фр. *faute*, англ. *foul*, нем. *Foul*, исп. *faul*; русск. *прессинг*, фр. *pressing*, англ. *pressing*, исп. *pressing*; русск. *персональный контакт*, англ. *personal contact*, фр. *contact personell*, нем. *personliches Kontakt* и др.

Процесс интернационализации спортивной лексики во многом предопределен интернациональным характером спорта и постоянным расширением спортивных контактов и международных соревнований. Это очевидно на примере общеспортивных наименований. Например: русск. *матч*, фр. *match*, англ. *match*; русск. *лидер*, фр. *leader*, англ. *leader*; русск. *апелляционное жюри*, фр. *jury d appel*, англ. *jury of appeal*, русск. *аннулировать*, русск. *приз*, фр. *prix*, англ. *prize*, нем. *Preis*, исп. *premio*; фр. *annuler*, англ. *annul*, нем. *annullieren*, исп. *anular*; русск. *маркеровка*, фр. *marquage*, англ. *marking*, нем. *Markierung*; русск. *тактика*, фр. *tactique*, англ. *tactics*, нем. *Taktik*; русск. *пресс-центр*, фр. *centre de presse*, англ. *press centre*, нем. *Pressezentrum*, исп. *centro de prensa*; русск. *протест*, англ. *protest*, нем. *Protest*, исп. *protesta*; русск. *эмблема*, фр. *embleme*, англ. *emblem*, нем. *Emblem*; русск. *допинг*, фр. *dopage*, англ. *doping*, нем. *doping* и др.

Важную роль в процессе интернационализации спортивной лексики играют термины-эпонимы – наименования технических приемов, упражнений или элементов по имени спортсменов, впервые выполнивших их. Особенно заметно это в тематических группах «Гимнастика» и «Фигурное катание». Например: *Yamashita*- опорный прыжок Ямаситы, *Zuchold*- перелет Цухольда, *Deltchev* – сальто Делчева, *Azarian* – крест Азаряна, *Randolf* – сальто Рэндольфа, *Comaneci* – соскок Комэнечи, *Ginger* – сальто Гингера, *Healy* – вертушка Хили, *Honma* – выкрут Хонмы, *Mukhina* –петля Мухиной; *Axel*- прыжок Акселя, *Rittberger*- петля Риттбергера, *Lutz*- прыжок Лутца, *Salchow* -прыжок Сальхова и др.

В 90-х годах XX в. интернационализация спортивной лексики принимает “взрывной” характер с появлением экстремальных видов спорта. Лозунг “Экстремалы всех стран и народов, объединяйтесь!”

стал руководством к действию молодого поколения планеты в XXI веке. Экспансия экстремальных видов спорта затрагивает все континенты и страны, создаются международные экстримклубы. Д.А. Родионов отмечает: “О них все чаще рассказывают средства массовой информации, им посвящается все больше телепередач, их снимают в многочисленных роликах: любой товар, рекламируемый ими, будь то жевательная резинка, газировка или шоколад, продается во стократ лучше. Производители, почувствовав выгоду, все чаще используют атрибутику и символику экстремального спорта в оформлении своей продукции” (Родионов, 2002, с.6).

В связи с этим появляется новый лексический пласт на основе английского языка – международная спортивная терминология экстремальных видов спорта. Например: *base* – база, платформа, основание для крепления снаряжения; *grab* – трюк, при котором спортсмен хватает доску за любое место; *off road* – внедорожник, техническое средство, способное двигаться по бездорожью; *park* – трасса с искусственным препятствием; *goofy* – бордер с правосторонней стойкой; *regular* – спортсмен с левосторонней стойкой; *drifting* – катание по вертикальной стене халфпайпа; *dual* – параллельный слалом; *invert* – стойка на руках с поворотом; *rail* – лестничные перила, *race* – стиль катания на высоких скоростях по специально подготовленным трассам; *grind* – спуск по лестничным перилам на доске или роликах; *olle* – основной трюк для перепрыгивания через препятствия; *frontside* – поворот на пятках и др.

Определяя лексические интернационализмы как межъязыковой словестный фонд, мы предлагаем выделить среди спортивных интернационализмов особые слова, *глобализмы*, которые выражают мировые понятия, носят интернациональный характер и которые воспринимаются членами любого языкового сообщества без перевода. К глобализмам в спортивной лексике можно отнести, в первую очередь, такие лексические единицы, как *спорт, футбол, баскетбол, волейбол, теннис, хоккей и бокс*.

Основа выделения глобализмов – межъязыковое планетарное распространение. Глобализмы вербализуют концепты, имеющие основополагающее значение в истории развития человеческой цивилизации.

Доминирование отдельных стран в некоторых видах спорта ведет, как правило, к экспансии в мировое языковое сообщество их терминологических полей. Появление таких номинаций отражает общую тенденцию языков к интернационализации словарного фонда.

Национальные особенности коммуникативного сознания

Лингвистический анализ коммуникативного сознания

М.В.Шаманова

Особенности формирования категории ОБЩЕНИЕ в коммуникативном сознании школьников 5-11 классов

К одной из наиболее интересных для изучения коммуникативных категорий относится собственно категория *общение*.

Коммуникативные категории, по определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, – «самые общие коммуникативные (концепты) понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления». Они содержат информацию о том, "как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав данного явления, какие нормы и правила связывает с данным понятием, как он "вписывает" данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий» (Попова, Стернин, 2002, с. 30-31).

Одна из задач в исследовании категории *общение* - выявление содержания данной категории в сознании носителей языка разных возрастных групп. С целью выявления особенностей формирования и развития представлений учащихся 5-11 классов об общении мы провели эксперимент, в котором испытуемым предлагалось письменное задание: продолжите фразу *общение - это...*

- 1.
- 2.
- 3.

Время на выполнение задания не ограничивалось.

В эксперименте принимало участие 357 школьников, из них учащихся 5 классов - 128 человек, 7-8 классов - 98 человек, 11 классов - 131 человек.

Задание не вызвало у школьников затруднений, только 3 ученика не дали ответа на поставленный вопрос. В то же время следует отметить, что только 29% учащихся от общего количества принимавших участие в эксперименте дали 3 реакции, как было предложено в задании. Всего в ходе эксперимента получено 683 различные реакции. Пятиклассники дали 214 реакций, учащиеся 7-8 классов - 193 реакции, учащиеся 11 классов - 276 реакций. Достаточно большое количество ассоциаций, данных учащимися различного возраста, свидетельствует о том, что категория *общение* находится в ядре коммуникативного сознания школьников.

Приведем результаты эксперимента. Сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались, а их частотность суммировалась. Укажем реакции, встретившиеся не менее трех раз.

Общение – это беседа, диалог, разговор двух или более людей о чем-л. 225, обмен информацией между людьми 55, обмен мнениями, мыслями 35, дружба 21, взаимопонимание между людьми, нахождение общего языка 17, взаимодействие, взаимоотношения между людьми 16, разговор с друзьями 15, когда люди общаются друг с другом 11, знакомство с людьми , узнавать что-л. новое 10, рассказывать секреты 9, умение разговаривать с людьми, поддерживать разговор 7, взаимные интересы, давать советы, спрашивать совет 6, дружеский разговор , способ выражения чувств 5, разговор на интересную тему, разговор, в процессе которого происходит обмен информацией, мыслями, чувствами и т.п. , игра, общение с друзьями и близкими, развитие речи, беседа со знакомыми людьми , хорошие взаимоотношения с людьми , регулярные встречи , расширение круга друзей , умение человека общаться с людьми , процесс познания окружающих и себя как личности , взаимопомощь , сближение людей , учеба, затрудняюсь ответить 3.

Общими для всех возрастных групп школьников явились следующие ассоциаты: *беседа, диалог, разговор двух или более людей о чем-л.; дружба; знакомство с людьми; обмен информацией; обмен мнениями, мыслями; давать советы, спрашивать совет; взаимопонимание между людьми, нахождение общего языка; развитие речи.*

Частотность реакций в каждой возрастной подгруппе не одинакова. Это определяет степень яркости проявления того или иного когнитивного признака в определенной возрастной категории.

Сопоставление данных по наиболее частотным реакциям в отдельных группах испытуемых приведены в таблице.

Реакция	Количество упоминаний реакции в группе школьников		
	5 кл.	7-8 кл.	11 кл.
Беседа, диалог, разговор двух или более людей о чем-л.	104	60	61
Дружба	14	6	1
Знакомство с людьми	6	1	3
Обмен информацией	11	8	36
Обмен мнениями, мыслями	7	7	21
Взаимопонимание между людьми, нахождение общего языка	2	2	13

Таким образом, по степени яркости для пятиклассников на первое место выходят такие признаки, как *разговор, беседа, дружба*, для старшеклассников – *обмен информацией, мыслями, мнениями, взаимопонимание между людьми*.

В каждой возрастной группе, кроме того, можно выделить признаки, характерные только для данной категории школьников.

Учащиеся 5 классов выделили следующие стороны процесса общения:

- общение в школе и вне школы: *разговор нового ученика с другими учениками 1, разговор учителей 1, разговор с родственниками 1, разговор с родителями 2;*

- игровая деятельность: *игра 4, играть с друзьями 1;*

- избежание конфликтного общения: *никогда не ссориться 1, когда люди общаются между собой нормальным тоном и не ругаются друг на друга 1.*

Для учащихся 7-8 классов важными являются следующие признаки:

- обмен впечатлениями: *делиться впечатлениями 2, делиться впечатлениями с друзьями 1;*

- круг общения: *общение с друзьями 3, общение с близкими людьми 1, общение с родителями 1;*

- широта круга общения: *много друзей 2, иметь много знакомых людей 1;*

Школьники этой возрастной категории дают значительное число оценочных реакций, прежде всего позитивных: *увлекательное занятие; приятное занятие, когда можно получить приятные ощущения; большая радость для человека.*

Кроме того, можно выделить общие признаки для учащихся 5-8 классов, учащимися 11 классов эти признаки выделены не были:

- содержание разговора: *разговаривать о чем-то общем 1, разговор о делах 2, разговор об оценках 1, общаться насчет важных дел 1, разговоры друзей о радостях и проблемах 1, разговаривать о любимых занятиях 1;*

- характеристика качеств человека в отношении к общению: *разговорчивость 1, открытость 1; дружелюбие 1;*

- сообщение конфиденциальной информации: *делиться секретами 5, секретничать 1, раскрывать тайны 2.*

Школьникам данной возрастной группы хорошо известно слово "общение", они употребляют его достаточно часто в своей речи, однако дать определение затрудняются, поэтому в ходе эксперимента были зафиксированы такие реакции: *общение - это когда люди общаются, когда люди общаются между собой и т.п.*

Для учащихся 11 классов значимыми являются следующие факторы:

- оценка содержательности разговора: *вести поверхностный разговор 1, интересный разговор между людьми 1;*

- взаимодействие, взаимоотношения между людьми;

- способ познания себя и окружающих людей.

Общими для учащихся 7-11 классов являются следующие признаки:

- широта обсуждаемой информации: *разговаривать на разные темы 2;*

- общность интересов: *взаимные, общие интересы 6, объединение в группы по интересам 1;*

- коммуникативные умения: *умение человека общаться 3, умение разговаривать с людьми 5, умение разговаривать с людьми независимо от пола, возраста, национальности 3, умение поддерживать любую тему разговора 2;*

- способ проведения времени: *времяпрепровождение 2, приятное времяпрепровождение 2, проведение времени впустую 1;*

- проведение времени в компании сверстников, друзей: *когда люди гуляют в одной компании и говорят обо всем 1, парк 1, проводить*

время в шумных компаниях, на дискотеках, в клубах 1, весело проводить время в компании 1.

Анализ результатов проведенного эксперимента позволяет сделать вывод о важности для школьников процесса общения. Общение представлено в сознании учащихся всех возрастных групп такими понятиями, как *беседа, разговор, дружба, знакомство, обмен мнениями, мыслями*. Для первых двух возрастных групп в общении важны такие факторы, как *игра, обмен впечатлениями, формирование круга общения*. Однако к старшему школьному возрасту содержание данной категории расширяется. Общение рассматривается как одна из форм проведения времени, это возможность раскрыть свой внутренний мир, познать окружающих, построить взаимоотношения с людьми, сформировать необходимые коммуникативные умения.

Попова З.Д. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. - Воронеж, 2002.

Т.В. Тимофеева

Вербальная оценка владения языком в английской коммуникативной культуре

Широко известен тот факт, что владеть языком (как родным, так и иностранным) можно на разных уровнях. При общении с носителями языка речь говорящего часто подвергается оценке. В данной статье мы рассмотрим те основания, по которым оценивается уровень владения языком в англоязычной среде.

Оценка того или иного явления зависит от компонентов ситуации: объекта оценки, говорящего субъекта и признака оценки относительно стереотипов, идеалов и норм. Оценочные предикаты истолковываются по-разному в зависимости от того, какие категории предметов они характеризуют (ср. хорошее вино и хорошая живопись). Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Оценка также социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или ином обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы

и мода, престижность или некотируемость формируют и деформируют оценки (Арутюнова, 1988).

Принято выделять два вида оценок: субъективную, где оценка передается предикатами с доминирующей **общей оценочной семантикой**, а мотив оценки не актуализируется; и объективную, где оценка передается коннотативными семами, а характеристика объекта выражается **предикатами с признаковой (дескриптивной) семантикой**. Предикаты с дескриптивной семантикой являются **частнооценочными**, так как они указывают на основания оценки (Бочарова, 2003). Однако только очень ограниченную часть свойств можно считать чисто объективными, а соответствующие предикаты дескриптивными, т.к. в природе человека давать оценку любым свойствам окружающих его предметов. Также ограниченную часть оценок можно назвать чисто субъективными, так как оценка чаще всего дается на основании свойств и признаков объектов. Следовательно, разделение оценки на субъективную и объективную видится отчасти условным.

1. Общеоценочные прилагательные *good-bad* (хороший-плохой) с вариантом *poor* (бедный, скверный) дают общую **субъективную** оценку языку. Они не предоставляют информации об аспекте оценки. Когда говорят: *His English is poor* (Его английский беден), необходимо уточнение *Why? What's wrong?* Почему? Что не так?

Общая оценка представляет собой баланс положительных и отрицательных свойств. Таким образом, общая положительная оценка *His French is better than mine* (Его французский лучше, чем мой) или *His English got better day by day* (Его английский становился с каждым днем все лучше) может быть снижена некоторыми недостатками, а общая отрицательная оценка не исключает отдельных плюсов *His English is getting worse* (Его английский ухудшается), *My language becomes considerably worse* (Мой язык стал намного хуже), т. к. оценка представляет собой градуированную шкалу.

Синонимами общеоценочных прилагательных 'хороший-плохой' с разными стилистическими и экспрессивными оттенками являются прилагательные предельной положительной оценки: *stunning* (превосходный), *fantastic* (фантастический), *superb* (роскошный), *admirable* (восхитительный), *excellent* (отличный), *perfect* (совершенный), которые подразумевают предельное количество положительных баллов, полученных в совокупности всех признаков объекта без выделения мотивов. Указанный тип оценки представляется поэтому наиболее субъективным.

Интересным является тот факт, что в нашем корпусе отсутствуют примеры с предельной отрицательной оценкой уровня владения языком. Это может быть отнесено к общей тенденции эвфемизации в английском языке.

2. Частнооценочные прилагательные передают **объективные** аксиологические значения по отношению к уровню владения языком. В данном случае обозначаются основания оценки.

а) К частным психологическим оценкам мы отнесли 'оценивание' речи по принципу **понятности**. С позиции собеседника речь может быть как понятной, ясной по форме и смыслу, так и полностью непонятной. Это свойство можно расположить на шкале, где верхним пределом будут прилагательные *unequivocal/clear* (*определенный, ясный*), а нижним – *incomprehensible* (*непонятный*). Между ними по мере уменьшения понятности будут располагаться *direct* (*по существу, ясный*), *diffuse* (*многословный, а потому нечеткий, неясный*), *hard to catch* (*трудный для восприятия*).

Речь также получает негативную коннотативную психологическую оценку с точки зрения недостаточности ее **темпа** при предикатах *slow* (*медленный*), *halting* (*запинающийся*). *Fluent* (*плавный, беглый*) указывает не только на беглость речи, которая оценивается положительно, но и на естественность, близость к речи на родном языке. В этом случае речь на том или ином языке обладает похвальным свойством идиоматичности. Когда говорят *His English is idiomatic*, то имеют в виду язык, приближающийся к идеалу (речи на родном языке), но подчеркивается не столько темп речи, сколько именно **естественность**, а также соответствие языковым нормам (отсутствие калек с родного языка). Интересен случай, где это же значение актуализируется через повтор имени языка, но уже в функции предиката, в качестве синонима к *idiomatic*. *Her English is more english than mine* (букв. *Ее английский более английский, чем мой*).

К психологической категории частнооценочных значений мы отнесли и прилагательные *elegant* (*изящный, красивый*), *awkward* (*нелепый, неуклюжий, неуместный*), *odd* (*неподходящий, странный, непривычный*), *stilted* (*высокопарный, напыщенный, как на ходулях*), *stiff* (*чопорный, зажатый, т.е. манера речи неестественна и сравнивается с негнувшейся, окостеневшей материей*, основанием оценки в которых является **эстетический признак манеры** речи, ее стиля в соответствии с ситуацией общения.

Прилагательное *polished* (*отполированный*) подразумевает положительную оценку. Ее мотивом служит метафорический перенос, **основанный на сравнении** речи с поверхностью, которую шлифуют

с целью избавления от неровностей, шероховатостей (в нашем случае – ошибок, стилистического несоответствия, низкого темпа, т.д.). *Rusty* (*ржавый*) передает значение, противоположное *polished*. Речь в этой ситуации сравнивается с материалом, который покрылся ржавчиной, т.к. его давно не использовали, в результате чего он становится малопригодным для дальнейшего употребления.

б) К частным нормативным оценкам относятся прилагательные *correct/ accurate*, дающие частную оценку по принципу **правильности** речи (грамматической, лексической). В первом из слов присутствует также созначение соответствия коммуникативной ситуации. Их экспрессивными синонимами являются прилагательные *flawless* (*безупречный*), *impeccable* (*без погрешностей*), *immaculate* (*безукоризненный*), мотивом оценки в которых является отсутствие каких-либо изъянов, погрешностей, ошибок.

Когда речь характеризуется прилагательными *corrupt/ twisted/ broken/ beleaguered* (*искаженный, искривленный, ломаный*), то подразумевается негативная коннотативная оценка, мотивом которой служит наличие ошибок, также невозможность пользователя достичь своего коммуникативного намерения по причине неспособности передать мысль адекватными средствами языка.

Центральным критерием нормативной оценки языка также является **соответствие /несоответствие общепринятому стандарту**. Причем соответствие стандарту оценивается положительно – *conventional* (*общепринятый, привычный, традиционный*), *contemporary* (*современный, живой*) *standard* (*стандартный, образцовый*) *accentless* (*без акцента, не отличающийся от стандартного произношения*), а отклонения от стандарта получают негативную коннотативную оценку: *old-fashioned* (*старомодный, устаревший, редко используемый в настоящее время*) *vs contemporary*; *accented* (*с акцентом*) *vs accentless*; *local* (*несущий в себе черты той или иной местности*) *vs conventional, standard*.

Итак, мы обнаружили, что в области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным полюсом, т.е. норма/ненорма (отклонение от нормы) воспринимается поляризованно. Соответствие аксиологической норме скорее представляет собой должное, чем действительное, т.к. человек воспринимает хорошее не как должное, а как явление, заслуживающее внимания.

Важнейшей выделенной нами подгруппой нормативных оценок является группа, связанная с направленностью на **достижение определенной цели**, выполнение некоторой функции. Мотивом оценки

владения языком является **соответствие/несоответствие определенной коммуникативной ситуации**, т.е. возможность/невозможность достижения главной цели – совершения акта коммуникации посредством этого языка.

Это значение объективируют адъективные предикаты: *decent, acceptable, passable, competent, reasonable, up to scratch, satisfactory*; в русском языке подобные смыслы передают следующие прилагательные: достаточный, приемлемый, удовлетворительный, подходящий. Они предполагают, что уровень знания, владения языком соответствует определенной ситуации, но не более того, т.е. не выходит за рамки данной ситуации, это совпадает со средним положением на шкале оценок, однако со знаком плюс.

Ситуативная норма может быть также представлена прилагательными *adequate, enough to..., sufficient for...*(достаточный). В этом случае владение языком представляется как некоторое **количество, сумма** определенных навыков и умений. Норма всегда устанавливает ситуативно избыточность, недостаточность, предельность или достаточность количества чего-либо (Полянский 1984). В этом отношении нижним пределом знания языка является отсутствие каких-либо знаний *non-existent*(несуществующий, отсутствующий). А предикаты *inadequate, insufficient* (недостаточный, неподходящий), *scanty* (скудный), *slight* (незначительный), *limited* (ограниченный), *scetchy*(поверхностный), *patchy*(обрывочный) предполагают недостаточность языковых средств и поэтому располагаются ближе к отрицательному полюсу.

Таким образом, англоязычный мир воспринимает язык как конгломерат сложной природы, который состоит из множества элементов, имеет количественные параметры и поэтому постоянно количественно измеряется и оценивается.

В обыденном сознании носителей английского языка также отображается тот факт, что овладение языком имеет высший достижимый предел, то есть возможно довести свои языковые умения до совершенства. Свидетельством этому является множество контекстов, в которых дается наивысшая оценка уровня владения языком посредством прилагательных предельной положительной оценки *excellent, perfect, tremendous, etc.* Заметим, что негативная аксиологическая оценка уровня владения языком дается в очень редких случаях, и если она присутствует, то, чаще всего тогда, когда говорящий сам оценивает свою собственную речь.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – Москва, 1988.

Бочарова М.В. Двусоставные реляционно-предметные предложения квалифицирующего типа. Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук.- Воронеж, 2003.-

Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке.// ФН. – Москва, 1995. №3. – с.67-80.

Полянский А.Н. План содержания категории количества в русском языке.//ФН. – Москва, 1984№1.- с.34-41.

Анализ коммуникативного сознания через коммуникативное поведение народа

К.М.Шилихина

Вежливость и коммуникация

В данной статье нам хотелось бы взглянуть на вежливость с нескольких точек зрения: во-первых, мы рассмотрим вежливость как коммуникативную категорию, во-вторых, затронем вопрос о национальной специфике выражения вежливости в языке. В-третьих, сопоставим вежливость и толерантность как коммуникативные стратегии, направленные на достижение социального баланса, бесконфликтности в общении.

Вежливость, традиционно считавшаяся этической категорией, лингвистами изучается как категория коммуникативно-прагматическая. В этом смысле вежливость понимается как способ выражения социальных отношений между участниками коммуникации с помощью языковых средств.

Существует много точек зрения на вежливость. Например, в линвопрагматике вежливость понимается как рациональный, определяемый правилами прагматический компонент коммуникации, направленный на сохранение взаимоотношений и избежание конфликтов (Janney, Arndt, 1993). Согласно такой точке зрения, вежливость в речи сводится к смягчению тона, настойчивости, оценочности высказываний.

П. Браун и С. Левинсон выделили два вида вежливости: положительную и отрицательную. Такая классификация связана с существующим в лингвопрагматике представлением о «положительном» и «негативном» лице собеседника. Под «негативным» (или «отрицательным») лицом собеседника понимается потребность в независимости, в свободе от посягательств окружающих на личное пространство, как духовное, так и физическое. «Положительное» лицо собеседника – это его желание быть принятым другими членами социальной группы, разделять с окружающими свои желания и интересы. Браун и Левинсон полагают, что практически во всех языках и культурах сохранение собственного «положительного» и «отрицательного» лица и уважительное отношение к «лицу» собеседника являются основной функцией вежливости. Помимо этого, авторами особо подчеркивается рациональная, прагматическая основа вежливости.

В соответствии с потребностями быть независимым или являться членом определенной группы говорящий может использовать различные стратегии: стратегии положительной вежливости или стратегии отрицательной вежливости. Стратегии положительной вежливости отличаются неформальностью, поскольку через них говорящий подчеркивает свою принадлежность к данной группе. По своей сути они неэтикетны, поскольку в них говорящий может использовать неформальную лексику, а также лексику, функционирующую только в рамках данной группы (например, молодежный сленг). Стратегии отрицательной вежливости – это использование говорящим по сути этикетных языковых средств для того, чтобы собеседник не чувствовал коммуникативного давления, сохранил свое независимое, «негативное» лицо.

О.С. Иссерс пишет, что сущность категории вежливости – наше стремление «...учитывать, какой эффект произведет наша речь на собеседника» (Иссерс, 2002, с. 67).

Нередко под вежливостью понимают только отрицательную вежливость. В трактовке Н.И. Формановской вежливость – это отведение собеседнику той роли, которая соответствует его социальным признакам или - в отдельных ситуациях – подчеркнутое завышение этой роли (Формановская, 1989). В речи вежливость реализуется через речевой этикет. По мнению Н.И. Формановской, «понятия вежливости и речевого этикета не покрывают друг друга, их отношение можно понимать так: *Не все, что этикетно, вежливо, но все, что неэтикетно, невежливо*. Так, например, существует множество обращений, приветствий и т.д., производимых в

социостилистическом ключе, например, фамильярной грубоватости (*Эй, парень!; Здорово!;* и мн. др.), которые не отличаются особой вежливостью, однако выполняют этикетную роль контактоустановления со стороны определенных партнеров в определенных условиях» (Формановская, 2003, с.354).

Существует и другая точка зрения на соотношение вежливости и речевого этикета. Например, В.С. Храковский и А.П. Володин на примере выбора говорящим *ты-* или *вы-* формы показали несовпадение в них этикетного и вежливого обращения: «Говорящий может выбрать ту или другую форму (*ты-* или *вы-*) и обратиться к слушающему со стандартным этикетным обращением, либо сделать то же самое и к тому же вежливо. Таким образом, выражение вежливости – всего лишь факультативное дополнение к обязательному этикетному обращению» (Храковский, Володин, 1986, с.255). Согласно этой точке зрения, к языковым средствам, передающим вежливость, отнесены средства выражения «положительной» вежливости, а формы «отрицательной» вежливости предложено называть формами этикета.

Несмотря на то, что концепция «положительной» и «отрицательной» вежливости получила широкую известность, некоторые исследователи ставят под вопрос ее применимость к любой коммуникативной культуре. Отмечается ориентированность этой концепции на аналитико-логические традиции западной науки и на достижения в американской социальной психологии. Например, Р. Дженней и Х. Арндт указывают на то, что концепция Браун и Левинсон связана с представлением о вежливости как о гибком, динамичном понятии, границы которого каждый раз устанавливаются в зависимости от ситуации общения. Однако исследователи восточных культур, в частности, японской говорят о том, что западные представления о «лице» для носителей восточных культур неприемлемы в связи с их исключительной индивидуалистичностью. Для японцев вежливость тесно связана с понятием *места* индивида внутри группы. Таким образом, вежливость для японцев является понятием негибким и обязательным в том смысле, что человек всегда должен быть вежливым в соответствии со своим социальным статусом. Его речь всегда отражает занимаемое им место на социальной лестнице (Janney, Arndt, 1993).

Таким образом, идея «положительного» и «отрицательного» лица не может быть применена к любой коммуникативной культуре.

Вежливость в различных коммуникативных культурах

Вежливость можно рассматривать не только как коммуникативную категорию, но и как стратегию общения, направленную на сохранение отношений между коммуникантами, на снижение конфликтности общения. При этом необходимо учитывать, что стратегии вежливого общения не являются универсальными. В каждой коммуникативной культуре существуют свои стратегии, которые зависят от того, на чем базируется понятие вежливости в данной культуре.

При описании вежливости как коммуникативной стратегии в какой-либо коммуникативной культуре следует учитывать, является ли культура индивидуалистической или в основе коммуникации лежит принадлежность индивида к определенной социальной группе. Например, традиции английского или американского общения являются по своей сути индивидуалистическими, поэтому при описании английской и американской вежливости применимы понятия «позитивного» и «негативного» лица собеседника.

Исследователи отмечают, что английское общение отличается неимпозитивностью, которая выражается в ограниченности возможностей вербальной модификации поведения собеседников (Стернин, Ларина, Стернина, 2003). В речи неимпозитивность выражается в крайне ограниченном использовании императивных конструкций, поскольку императив является прямым способом вербального воздействия на собеседника. Неимпозитивность тесно связана с представлением носителей английской коммуникативной культуры о приватности, об автономии личности: «Одна из важнейших задач, стоящих перед английскими коммуникантами, состоит в том, чтобы не допустить вторжения в свято оберегаемую собеседником зону "privacy" и продемонстрировать свое уважение к личной автономии собеседника» (Стернин, Ларина, Стернина, 2003, с.86).

Категория приватности определяет уровень вежливости и в американской коммуникативной культуре. В повседневном общении это проявляется в выборе тем общения. В ситуации модификации поведения собеседника американские коммуниканты избегают использовать прямые речевые акты. Предпочтительными являются косвенные формы воздействия на поведение собеседника. Например, одним из способов смягчения коммуникативного давления на адресата является вопросительность. На это обращают внимание многие учебники английского языка (см., например, *P. Viney & K. Viney. Handshake. A Course in Communication. Oxford University Press, 1996, p. 7*). К тому же существуют культурные ограничения на открытое

выражение негативных эмоций в адрес собеседника. Например, нельзя делать замечания незнакомым людям, в том числе детям.

Особый интерес исследователей вызывает категория вежливости в японском языке. Интерес этот можно объяснить тем, что западные представления о вежливости неприменимы к японской коммуникативной культуре. Ф.Е. Звягин указывает на то, что система средств выражения вежливости в японском языке отличается особой сложностью. В японском языке выделяют лексический и грамматический аспекты вежливости. Грамматические средства используются для передачи отношения говорящего к собеседнику, а также для выражения вежливого отношения к лицам, о которых идет речь. Для указания на отношения между участниками общения говорящий может использовать вежливые либо нейтральные формы. Для передачи уважительного отношения к лицу, о котором идет речь, японский коммуникант делает выбор из трех групп грамматических форм: почтительных, скромных и нейтральных. Почтительные формы возвеличивают объект уважительного отношения, скромные – передают самоуничижение говорящего. Нейтральные формы не несут никакой информации об уважительном отношении говорящего к объекту высказывания. Выбор той или иной грамматической формы вежливости определяется такими социальными параметрами коммуникантов, как «высший-равный-низший», «свой-чужой», а также участием в общении третьих лиц. Исследователи указывают на сложность выбора той или иной формы, поскольку часто признаки, которыми определяется необходимый уровень вежливости, могут вступать в противоречие между собой (Звягин, 1998).

В русской коммуникативной традиции вежливость воспринимается как «соблюдение правил поведения» (Стернин, Ларина, Стернина, 2003, с.144). Если английская или американская вежливость направлена на собеседника, то русская вежливость сконцентрирована на говорящем и в процессе общения выполняет значительную этическую нагрузку (там же). Такая характеристика отношения русского человека к вежливости как к своду правил совпадает с тем, что К.Касьянова называет «судейским комплексом»: «Судейский комплекс – это апелляция к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным...» (Касьянова, 1994). Русский коммуникант вежлив, потому что «так надо», «так принято делать».

В то же время понятие «судейского комплекса» может в какой-то степени объяснить интолерантность к поведению окружающих. Нарушение норм поведения в общественных местах вызывает

открытую критику со стороны окружающих, в том числе незнакомых. Критикуется поведение не только детей, т.е. коммуникантов с заведомо более низким социальным статусом, но и взрослых людей, чей статус не ниже, а иногда и выше статуса говорящих. Таким образом, сохранение «негативного» лица собеседника в ситуации нарушения правил поведения оказывается совершенно нерелевантным. Приоритет получают правила поведения в обществе.

Вежливость и толерантность

Категория вежливости тесно связана с категорией толерантности, поскольку обе они в своей основе имеют идею бесконфликтного эффективного общения. В повседневном общении эти категории реализуются в виде стратегий вежливости и толерантности. Проявление толерантности в повседневном общении – это умение сдерживать негативные эмоции с целью не допустить конфликта. Таким образом, толерантность становится новой коммуникативной нормой.

В то же время вежливость и толерантность – это различные коммуникативные категории, и связаны они с различными характеристиками участников общения. Например, вежливость в общении связана с соотношением социальных статусов коммуникантов, а толерантность со статусными позициями не связана. Мы бываем вежливы (или невежливы) с конкретными людьми, при этом необходимость быть вежливым может быть продиктована как нашим личным отношением к собеседнику, так и личными интересами говорящего (например, в ситуации просьбы). С различными представителями одной и той же социальной группы мы можем быть вежливы, а можем быть невежливы в зависимости от обстановки общения.

Толерантность либо интолерантность в повседневном общении демонстрируется в зависимости от принадлежности собеседника к той или иной социальной группе или от соответствия его поведения принятым в обществе стандартам. Таким образом, вежливость выражает отношение говорящего непосредственно к собеседнику как к личности. Толерантность отражает отношение говорящего к адресату как к представителю той или иной социальной группы или к поведению адресата. При этом интолерантные высказывания, как правило, отличаются открытым выражением негативных эмоций.

Еще одно отличие толерантности и вежливости состоит в том, что в языке имеются средства, за которыми закреплено конвенциональное значение вежливости (например, вежливое *Вы*, просьба, выраженная

вопросительной структурой), в то время как о наличии особых языковых средств, которые могли бы быть однозначно расценены как толерантные большинством носителей русского языка, мы сказать не можем.

Н. И. Формановская разделяет категории вежливости и толерантности, указывая, что в дискурсе вежливость реализуется средствами речевого этикета, а толерантность – в умении промолчать о том, что не нравится. Однако толерантность в повседневном общении не может быть сведена только к молчанию. На наш взгляд, толерантность – это не только умение промолчать, но в определенной ситуации и умение выбрать нейтральную, неэмоциональную лексику для описания того, что вызывает неприятие, чтобы, по крайней мере, снизить эмоциональный накал высказывания, снизить категоричность.

Таким образом, вежливость и толерантность можно рассматривать не только как коммуникативные категории, отражающие представления людей о бесконфликтном общении и сосуществовании различий, но и как коммуникативные технологии, реализующиеся в повседневном общении через использование лексических и грамматических языковых средств, за которыми закреплено прагматическое значение вежливости либо, если речь идет о выражении толерантности, лексики, не несущей в своем значении негативной эмоциональной окраски.

Звягин Ф.Е. Анализ актуального употребления категорий вежливости японского языка // Вестник Омского университета, 1998, Вып. 3. С. 59-62.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд.2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2003.

Формановская Н.И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр./ Отв.ред. Н.А.Купина и М.Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 345-362.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Yule G. Pragmatics. Oxford University Press. 1996.

R.W. Janney, H.Arndt. Universality and relativity in cross-cultural politeness research: A historical perspective // Multilingua 12-1 (1993), pp.13-50.

Т.В.Ларина

Экспериментальное исследование категории «вежливость» в английском и русском коммуникативном сознании

Различия в коммуникативном поведении людей кроются в особенностях их коммуникативного сознания, именно поэтому для понимания национально-культурных особенностей коммуникативного поведения представителей разных лингвокультурных общностей большое значение имеет знание концептов, связанных с коммуникативной деятельностью, и изучение коммуникативных категорий, под которыми понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» (Стернин 2002, с.5).

Одной из важнейших коммуникативных категорий, упорядочивающих представление личности о нормах и правилах коммуникации, регулирующих коммуникативное поведение, является категория вежливости. Важнейшая функция данной категории заключается в обеспечении гармоничного, бесконфликтного общения. Будучи универсальной, она является национально-специфической, ибо в ней отражаются социально-культурные отношения, характерные для конкретной общности, ее культурные ценности, нормы и традиции.

При сопоставлении национально-культурных особенностей английского и русского коммуникативного поведения оказалось, что даже такие, универсальные, на первый взгляд, понятия, как *вежливость*, *уважение*, *внимание* имеют разное содержание в сопоставляемых лингвокультурах.

С целью выяснения того, как понимают вежливость носители английского и русского языков, нами был проведен ассоциативный эксперимент в форме анонимного анкетирования, в котором участвовало одинаковое количество информантов (по 70 человек, всего 140), являющихся представителями разных возрастных групп (от 14 до 87 лет), но одного социального среза общества – учащиеся школ, университетов, представители интеллигенции.

Информантам было предложено объяснить, как они понимают слово *вежливость*, охарактеризовать вежливого человека и привести

примеры как вежливого, так и невежливого поведения. Анализ ответов выявил ряд интересных расхождений во взглядах на вежливость у представителей двух лингвокультур.

Англичане, отвечая на вопрос, как они понимают слово *вежливость*, продемонстрировали удивительное единомыслие в ответах. Они были в основном краткими и конкретными и в большинстве анкет касались трех основных моментов:

- внимание, уважение к другим людям (назвали 62% информантов),
- частое употребление слов *'please'* и *'thank you'* (59%)
- хорошие манеры (50%).

Наиболее показательными толкованиями данного концепта являются следующие: *Politeness is showing consideration for everyone, whether you particularly like the person or not; saying 'please' and 'thank you' often in your conversation* (Вежливость – это демонстрация внимания к каждому, независимо от того, нравится вам этот человек или нет; частое употребление в разговоре слов пожалуйста и спасибо) (библиотекарь, 48 лет); *Politeness is having manners and courtesy. A polite person is someone who says 'please' and 'thank you' and has respect for other people* (Вежливость – это манеры и обходительность. Вежливый человек – это тот, кто говорит пожалуйста и спасибо и уважает других людей) (ученица средней школы, 17 лет); *Politeness is being pleasant and courteous to people, showing them respect, having good manners, saying 'please' and 'thank you'* (Вежливость – это быть приятным и обходительным к другим людям, показывать им уважение, иметь хорошие манеры, говорить пожалуйста и спасибо (музыкант, 40 лет); *Politeness is saying 'please' and, 'thank you' being friendly, paying attention* (Вежливость – это говорить пожалуйста и спасибо, быть дружелюбным и обращать внимание на других) (студентка, 21 год).

Ответы русских респондентов оказались более разнообразными и абстрактными и касались очень широкого круга понятий, что показало отсутствие четкого представления о том, что такое вежливость. Ни одно из толкований не явилось доминирующим. Наиболее часто вежливость определялась как

- уважение других людей (всего 22%),
- внимание к людям / к окружающим (13%),
- знание основ этикета, соблюдение правил поведения (11%).

Давались также следующие толкования: вежливость - элемент культуры человека, культура общения (7%); умение общаться с людьми и делать это общение приятным (3,5%); «Вежливость – это образ жизни» (бухгалтер, 29 лет), «умение не поставить другого

человека в неловкое положение, а также уважение к старшим» (студентка, 18 лет); «терпимость к другим людям» (студент, 18 лет); «свойство человека быть приятным во всех отношениях» (военный, 52 года); «деликатность, терпение, благородство, внимательность, кротость, добродушие» (инженер, 48 лет).

Также назывались: забота о ближних, тактичность, образованность, обходительность, отзывчивость, доброжелательность, сдержанность, умение слушать, снисходительность, порядочность и другие качества.

Характеризуя вежливого человека, английские респонденты также чаще всего отмечали, что *вежливый человек* – это тот, кто:

- проявляет внимание / уважение к другим (shows consideration, respect for other people; courteous, respectful, considerate and sensitive towards other people; thoughtful of others; thinking of others; who is aware of other people);

- часто употребляет слова *'please'* и *'thank you'*;

- обладает хорошими манерами (каждый из трех критериев назывался более 50% информантов).

Часто в одном ответе называлось несколько характеристик: *A polite person is someone, who says 'please' and 'thank you' and has respect for other people* (Вежливый человек – это тот, кто говорит пожалуйста и спасибо, уважает других людей); *A person who uses manners, says 'please' and 'thank you'* (Человек, который использует манеры и говорит пожалуйста и спасибо). В единичных случаях указывалось, что вежливый человек сдержанный (*reserved*), тактичный (*tactful*), спокойный (*calm and cool*), дружелюбный (*friendly*), добрый (*kind*), приятный (*pleasant*).

Русские респонденты предложили большее разнообразие ответов, ни один из которых не оказался преобладающим (самый частый составил чуть больше 20%). Чаще всего отмечалось, что *вежливый человек* – *уважающий других* (21,5%), *воспитанный* (20%), *внимательный* (12%), *добрый* (6 %), реже (1% - 3,5 %) назывались такие черты, как *интеллигентный, культурный, образованный, умный, корректный, тактичный, предупреждающий конфликты, уступчивый, терпимый, толерантный, снисходительный, порядочный, добродушный, дружелюбный, доброжелательный, искренний, пунктуальный*.

Встретились такие ответы: «Вежливый – это человек, после общения с которым, не остается отрицательных эмоций (экономист, 29 лет); «тот, с кем хочется общаться» (инженер, 52 года); «человек, который не навязывает другим свое мнение (студентка, 18 лет); «не перечит другим, дает возможность высказаться (студентка, 17 лет);

«который всегда готов уступать во всем (бизнесмен, 48 лет); «тот, кто несет в себе добро» (юрист, 23 года); «кто всегда готов прийти на помощь и поддержать» (инженер, 48 лет) и др.

Таким образом, наиболее частым толкованием *вежливости* в обеих культурах оказалось «*проявление уважения к другим людям*», хотя в процентном отношении здесь заметно существенное различие: такое определение встретилось в 62% английских анкет и 22% русских. Однако слово *уважение* в английском и русском языках также означает не одно и то же, о чем свидетельствуют данные словарей.

Английское *respect* имеет следующие синонимы: *consideration, deference, esteem, regard* (СПЕД, с.471, 464). В качестве синонимов русского слова *уважение* словари приводят *почитание, почтение, почтительность, уважительность* (ССРЯ, с. 548). Таким образом, если сравнить синонимические цепочки в двух языках, то видно, что в русской выпадает слово *внимание (consideration)*, то есть *уважение* и *внимание* не являются в русском языке синонимами.

Английское *respect* может быть как внутренним состоянием, так и внешним проявлением этого состояния: ‘a feeling of admiration that you have for someone because of their personal qualities, their achievements, or their status, and that you *show* by treating them in a polite and kind way’ (MED, с.1207) (курсив мой. – Т.Л.). Его русские эквиваленты уважение и внимание приводятся как разные значения слова *respect* (НБАРС, том 3, с.78). *Consideration* всегда проявляется внешне: ‘a kind way of behaving that shows you care about other people’s feelings and needs’ (MED, с.295) (поведение, которое показывает, что вы обеспокоены чувствами и потребностями других людей); *to show consideration for others*.

В русском языке слово «уважение» толкуется как «*почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств*» (СРЯ 1981, с.730), «*почтение*», являющееся его синонимом, – как «*глубокое уважение*» (СРЯ 1981, с.509). В английском языке для выражения уважения, основанного на признании достоинств собеседника, существует также слово *deference*, соответствующее русскому *почтение* (*it suggests that the person to whom you are deferring is somehow more worthy by virtue of age or experience and that their judgement overrules your own*), но в связи с демократизацией и изменением мировоззрения данное слово в современном английском обществе приобрело некоторую отрицательную коннотацию.

Сопоставление толкований данных слов выявляет следующее различие в понимании *уважения* носителями двух культур: для

англичан *уважение* (*respect, consideration*) – это, прежде всего, уважение как внимание к другим людям, которое появляется внешне: в манерах поведения и в речи (*respect is the attitudinal stance which produces consideration on a behavioural level*); для русских – это, скорее, внутреннее отношение, и касается оно не всех, а тех, кто этого достоин, то есть уважение как почтение.

Таким образом, за внешне похожей трактовкой вежливости как уважения других скрывается разное содержание: *уважение как внимание к другим* (у англичан) и *уважение как почтение* (у русских).

Вежливость как внимание к людям была названа всего 13% русских респондентов. Данное наблюдение позволило выдвинуть следующую гипотезу: английская вежливость направлена на объект коммуникации (*“Politeness is recognition of other people around you and their feelings”*) (Вежливость – это признание других людей вокруг тебя и их чувств) (школьница, 17 лет), русская – в большей степени замыкается в самом субъекте (*«Вежливость – это воспитанность»* - студентка, 18 лет).

Как показали результаты анкетирования, демонстрация внимания к другим, являющаяся основой английской вежливости, проявляется, прежде всего, в манерах поведения (*politeness is being well-mannered, knowing when and how to do the correct thing*) и частом использовании формул речевого этикета, таких как *‘please’, ‘thank you’*. Интересно, что из многочисленных формул английского речевого этикета назывались только эти две, и всегда в паре.

Ответы русских информантов показали, что данные речевые формулы, как и употребление речевого этикета в целом, играют гораздо меньшую роль в коммуникации. При этом здесь также отсутствовала четкость: *вежливый человек – это тот, кто употребляет вежливые слова; слова благодарности; всегда говорит «спасибо», «пожалуйста»; говорит «извините», «простите», если сделал что-то не так; здороваются, извиняется*. Следовательно, демонстрация внимания к окружающим, проявляющаяся через хорошие манеры и речевой этикет, менее типична для русского коммуникативного поведения, чем для английского.

Обратила на себя внимание еще одна интересная особенность. Значительное место в русских ответах занимают такие понятия, как *доброта, помощь другим*. Многие информанты (22%) отметили, что вежливость связана с оказанием помощи: *«Вежливость значит быть добрым, внимательным, чутким, помогать другим», «Вежливость – это доброе отношение к людям, помощь нуждающимся», «Вежлив тот человек, который внимателен к другим, всегда может оказать*

помощь окружающим его людям», «Вежлив тот, кто несет добро». В английских ответах оказание помощи другим как элемент вежливого поведения было названо 5% респондентов наряду с вежливостью и хорошими манерами.

Таким образом, вежливость в русской коммуникации в большей степени ассоциируется с «действенным» вниманием, в английском – с демонстративным, этикетным вниманием, что на лексическом уровне отражается в семантике глаголов, сочетающихся со словом *внимание* (*consideration*): *оказывать внимание* (ср.: *оказывать помощь – помогать, оказывать поддержку – поддерживать*) и *to show consideration* («показывать внимание»).

Интересным также представляется тот факт, что если англичане, характеризуя вежливого человека, делали это в основном через утвердительную форму («вежливый человек – это тот, кто делает это»: *уважает других, проявляет внимание, слушает, когда говорят другие, часто употребляет слова 'please', 'thank you' и т.д.*), то почти половина (47%) русских информантов сделали это через отрицание («вежливый человек – это тот, кто не делает этого»: *не грубит, не хамит, не огрызается, не использует грубые (ненормативные) слова, не перечит другим, не повышает голос, не ставит собеседника в неловкое положение, не перебивает, не забывает говорить «спасибо» и «пожалуйста»*). Данные факты свидетельствуют о том, что в русском коммуникативном сознании *вежливость* выступает как антипод *грубости*, вежливость – это отсутствие грубости, *вежливый* значит *негрубый*.

Наши наблюдения совпадают с выводами других исследователей, которые отмечают, что в современном языковом сознании русских вежливость имеет меньшую яркость, чем грубость и выступает не самостоятельно, а как антипод грубости (Романова 2001, с. 95); дихотомия «*вежливость – грубость*» носит контрастный характер (т.е. между ними не мыслится что-то среднее, человек, который *не грубит*, уже считается *вежливым*), а *грубость* является базовым членом в данной оппозиции (Зацепина 2002, с. 54).

Эта особенность имеет принципиальное значение: она подтверждает прежние выводы и раскрывает суть различия между английским и русским концептами вежливости. В русском языке – это соблюдение правил поведения (не нарушать – значит соблюдать), в английском – демонстрация уважения, внимания к окружающим, что соответствует семантике слов «*вежливый*» и «*polite*» в двух языках: *Вежливый* – «*соблюдающий правила приличия; учтивый*» [СРЯ : 65];

Polite – “*showing consideration for others in one’s manners, speech etc*” [CPED:424] (“показывающий внимание к другим манерами и речью”).

Ответы информантов свидетельствуют о том, что демонстрация внимания к окружающим имеет более важное значение для английской коммуникации, чем для русской. В то время как многие английские информанты отмечали, что вежливость – это *демонстрация* внимания к окружающим, *showing consideration for others, showing respect*, а не просто внимание, в русских анкетах не нашлось ни одного подобного ответа (хотя внимание и уважение к окружающим как примеры вежливого поведения отмечались и русскими информантами). Напротив, встретились следующие любопытные утверждения: «*Вежливость должна проявляться не только на словах, но и в делах*», «*Вежливый человек не демонстрирует свою вежливость, а доказывает ее делами*», «*Вежлив тот, кто ведет себя без особых сверхвежливых церемоний, а просто добродушно*», «*Вежливость связана с искренностью, действительно вежливый человек должен быть искренним*». Последнее высказывание прямо противоположно следующему: ‘*Politeness means keeping opinions of myself if they are hurtful for the other person*’ (Вежливость означает держать свое мнение при себе, если оно может обидеть другого человека).

Отсюда следует, что английская и русская вежливость имеют разную направленность и разную целевую установку: английская вежливость направлена на объект общения, русская замыкается в субъекте; английская вежливость – это «формальная, этикетная деятельность» (вежливый – тот, кто демонстрирует внимание к другим), русская вежливость – это «этикетное бездействие» (вежливый – тот, кто соблюдает правила приличия), но в то же время – и реальная, не формальная деятельность («вежливость должна проявляться не на словах, а в делах»).

В ответах русских респондентов нашло отражение особое отношение к старшим в русской культуре. Помимо ситуации «уступать место старшим», которая приводилась в качестве примера вежливого поведения в обеих культурах, в русских анкетах среди примеров вежливого поведения встретились такие примеры, как «*уважать старших*», «*не перебивать старших*», «*не перечить старшим*», невежливого – «*грубить старшим*», «*нетактичность к старшим*». Следовательно, старшие в русском коммуникативном сознании – это люди, заслуживающие особого уважения и, если говорить об уважении, то уважать надо в первую очередь их, что представляется вполне естественным для культуры,

характеризующейся определенной статусной дистанцией (дистанцией власти), хотя в последние годы можно с сожалением наблюдать постепенную утрату этой культурной традиции.

Интересно, что, по наблюдениям И.А.Романовой во фразеологии актуальным для сознания русских является проявление вежливости, вежливое поведение, прежде всего по отношению к вышестоящим (*бить поклоны – выражать чувство глубокого уважения, почтения*) (Романова 2001, с.96). Данное наблюдение совпадает с нашими выводами о влиянии статусной дистанции на коммуникативное поведение русских.

В английских анкетах подобных примеров нет и они, в принципе, вряд ли возможны, поскольку в английской культуре провозглашается равенство всех членов общества, старшие не наделены особой властью, социальные нормы предписывают уважительное отношение к каждому, независимо от возраста или статуса (учитель не критикует ученика при всем классе; обращение по имени допускается в отношении старших по возрасту и статусу и т.д.).

Еще одна особенность социальных отношений, нашедшая отражение в ответах информантов: противопоставление «свой» - «чужой» в русской культуре и отсутствие этого противопоставления в английской. *Уважение, внимание* как суть вежливого поведения называлась как английскими, так и русскими респондентами, однако в вопросе о том, по отношению к кому, имеются определенные различия. В английских анкетах – это *уважение, внимание к другим людям*, в русских помимо подобных ответов, есть такие, в которых объект ограничивается более узким кругом: *уважение, внимание к старшим, к окружающим, к собеседнику, к близким*.

Наиболее любопытными в этом отношении являются следующие примеры: *«невежливо грубить другим, даже прохожим на улице»*, т.е. грубость по отношению к незнакомым людям («чужим») является до некоторой степени простительной, во всяком случае, это не столь значительное нарушение общественных норм поведения как грубость по отношению к «своим»; *«невежливо обращаться к незнакомым людям как к старым знакомым»*, *«невежливо обращаться к незнакомому на «ты»*, *«невежливо вести себя с незнакомыми фамильярно»*, т.е. существует разница в отношениях к «своим» и «чужим»: с незнакомыми следует соблюдать дистанцию.

В английских анкетах привлек внимание прямо противоположный пример: *«Вежливо здороваться с людьми, которых ты встречаешь на улице, даже если не знаешь их хорошо»* (*'Saying hello to people that you see when walking down the road even if you do not know them well'*). Здесь

отражается стремление относиться одинаково к каждому, независимо от того, «свой» он или «чужой», что является типичным для культур индивидуалистического типа: *Politeness is showing consideration for everyone, whether you particularly like the person or not* (Вежливость – это внимание к каждому, независимо от того, нравится вам этот человек или нет).

На разное поведение русских в зависимости от того, с кем они общаются (со «своими» или с «чужими»), обращают внимание и зарубежные исследователи. Так, М. Хонканен и А. Миклуха отмечают, что у русских есть две различные жизни: публичная и частная; на людях русские могут казаться грубыми, невежливыми, пассивными и неразговорчивыми, а в частной жизни они расслабленные, теплые, сочувствующие, внимательные, спонтанные и общительные (Honkanen & Mikluha 1998, с. 15, цит. по Лехтонен и Поталу 2002, с. 94). По нашим наблюдениям, можно выделить три типа поведения русских: с «чужими» (с незнакомыми), «своими» - знакомыми (формальные отношения) и «своими» - близкими (интимные отношения). При этом наиболее вежливое поведение наблюдается по отношению к членам второй группы, по отношению к чужим и близким русские часто допускают невежливость и грубость.

Различия в понимании *вежливости*, выявленные в результате сопоставления ответов английских и русских респондентов, позволили сформулировать следующие выводы:

- содержание концепта *вежливость* в коммуникативном сознании англичан и русских не совпадает;
- в английском коммуникативном сознании он является четко оформленным, хорошо структурированным и содержит небольшое количество ярких когнитивных компонентов;
- в русском коммуникативном сознании концепт *вежливость* имеет диффузный характер, нечеткую структуру и содержит большое количество разнообразных когнитивных признаков;
- в английском сознании *быть вежливым* значит *демонстрировать* уважение, внимание к окружающим; в русском – *соблюдать* правила поведения;
- английская и русская вежливость имеют разную направленность: английская вежливость является адресатно-ориентированной, она направлена на собеседника, на окружающих и выполняет большую коммуникативную функцию; русская в большей степени замыкается в субъекте и несет большую этическую нагрузку;
- в английском сознании вежливость в большей степени ассоциируется с демонстративным, этикетным вниманием (*вежливый*

– *тот, кто демонстрирует свое уважение другим* – ‘*shows consideration for others*’); в русском – не с этикетным, а с действенным вниманием (*вежливый – тот, кто помогает другим*);

- английская вежливость в равной степени направлена на всех; русская в большей степени на «своих» и на тех, кто старше.

В разном содержании концепта *вежливость* в коммуникативном сознании англичан и русских нашли отражение черты индивидуалистического и коллективистского мировоззрений, особенности социально-культурных отношения, такие параметры культуры, как социальная и статусная дистанция.

На вербальном уровне разное понимание вежливости проявляется в использовании разных коммуникативных стратегий, характерных для английской и русской коммуникативных культур, их направленности и прагматическом значении, в выборе языковых средств (см. Ларина 2001, 2002).

Зацепина Е.А. Концепты *вежливость, грубость* в русском коммуникативном сознании // Язык и национальное сознание. Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2002. – С.49 – 55.

Ларина Т.В. Стратегии позитивной вежливости в английской коммуникации (в сопоставлении с русской) // Россия и Запад: диалог культур. Доклады 8-ой Международной конференции. - М.: МГУ, 2001. – С.195 – 205.

Ларина Т.В. Стратегии негативной вежливости, или стратегии отдаления, в английской коммуникации (в сопоставлении с русской) // Россия и Запад: диалог культур. Доклады 9-ой Международной конференции. - М.: МГУ, 2002. - С.197 – 208.

Лехтонен М., Поталуй В. Коммуникативное поведение русских в представлениях финнов и американцев (на материале справочников по коммуникативному поведению) // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. – Воронеж: «Истоки», 2002. – С. 92 – 97.

Романова Т.В. Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и ее формирование. - Вып.8.- Воронеж, 2002. - С.95-97.

Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное сознание. Вып.3. – Воронеж: «Истоки», - С. 5 – 13.

Honkanen M. and Mikluha A. Successful Management in Russia. - Finland, 1998.

НБАРС – Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д.Апресян, Э.М.Медникова, А.В.Петрова и др. – М.: Русский язык, 1999.

ССРЯ – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. / Под ред. Л.А.Чешко. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1986.

СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. Ред. Н.Ю.Шведовой. – 13 изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981.

MED – Macmillan English Dictionary: Macmillan Publishers Limited, 2002.

COL – Collins English Dictionary, 2000.

М.А.Стернина

Вежливость как категория американского коммуникативного поведения

Вежливость является одним из доминирующих факторов американского коммуникативного поведения и при этом обладает ярко выраженной национальной спецификой.

Американцы традиционно вежливы к незнакомым, всегда внимательно слушают собеседника, обслуживающий персонал в США традиционно демонстрирует вежливость к клиентам. Учителя школ и преподаватели вузов вежливы к учащимся и студентам. В отличие от русских преподавателей, они практически не демонстрируют педагогической доминантности, а если необходимо сделать замечание – делают его в мягкой или юмористической форме.

Американские родители вежливы по отношению к своим детям. Родители, разумеется, делают своим детям замечания по разным поводам, но в очень вежливой форме. Родители или взрослые практически не повышают голос и не оскорбляют детей. Самые распространенные фразы, используемые в замечаниях это: "Behave yourself" (*Веди себя как следует*) или "You are not being very nice today" (*Ты сегодня не очень хорошо себя ведешь*). Если ребенок ведет себя неправильно в той или иной ситуации, то родители объясняют ему, как надо вести себя, но все это делается спокойно и вежливо.

Дети, даже самые маленькие, рассматриваются в качестве полноправных и равных партнеров по коммуникации. Дети, в свою очередь, не демонстрируют особой, повышенной вежливости к старшим, также рассматривая их в качестве равноправных партнеров в

общении. Так, американский ребенок может спокойно сказать незнакомому взрослому: “Мистер, посторонитесь, вы мешаете мне любоваться пейзажем”. Точно также для школьников не считается необходимым демонстрировать особую, подчеркнутую вежливость к учителям, как это принято в России.

Американцы традиционно вежливы к незнакомцам, однако придут к ним на помощь, только если те их об этом попросят. В противном случае их поведение может быть расценено как нарушение прайвеси, вмешательство в личную жизнь постороннего человека. Соблюдение же прайвеси является неотъемлемым компонентом вежливого поведения американца.

Американцы считают необходимым вежливо отзываться о местах и людях, которые они посещают в качестве гостей или туристов. Если им что-то не нравится, они предпочитают не говорить ничего, чем критиковать. Если же требуется кого-то поправить, то, прежде чем не согласиться, считается вежливым употребить одну из следующих фраз: "Да, но...", "Я думаю...", "На самом деле...".

Вежливость американцев проявляется и в том, что они достаточно часто извиняются. Принято извиняться, если подошел к незнакомцу слишком близко, если идешь против общего потока движения. Если два человека нечаянно столкнулись, принято, как и в Великобритании, чтобы оба извинились.

В Америке все водители предельно вежливы с пешеходами и между собой. Появление пешехода за 2-3 метра до перекрестка заставляет водителя притормозить и терпеливо ждать, когда пешеход перейдет улицу.

Если водитель допустил ошибку или небрежность, доставившую неудобства другому водителю (встал не в тот ряд, не показал во-время маневра), то вежливость предполагает необходимость приветственно махнуть или улыбнуться в знак извинения, произнести «Sorry!» так, чтобы водитель другой машины догадался по движению губ и мимике об извинениях.

Важным компонентом американской вежливости является традиция отправлять так называемые bread and butter letters – письма с благодарностью за гостеприимство после пребывания в гостях. Такие письма обязательны, особенно в тех случаях, когда в гостях ночевали. Обязательно благодарить за подарки, причем часто это также делается в письменной форме. В американских магазинах даже продаются специальные открытки для письменного выражения благодарности – так называемые Thank You cards.

Неукоснительное следование принципу вежливости является важнейшей особенностью американского письменного общения. Так, сообщение позитивной, благоприятной для адресата информации в англоязычном деловом письме принято предварять этикетными фразами, типа *I am pleased \ happy \ delighted to tell \ to inform \to advise you* (*Я рад\ счастлив проинформировать Вас\ С удовольствием сообщая...*), тогда как негативная или неблагоприятная для адресата информация вводится фразами, типа *I am sorry \ I regret to tell you \ to inform you* (*К сожалению, вынужден сообщить Вам*). Данная закономерность отмечается не только в формальных деловых письмах, но и в неформальной переписке, когда адресат и адресант находятся на равном иерархическом уровне и поддерживают дружеские отношения. В этом случае указанные этикетные фразы приобретают неформальный оттенок, например, *I was \ am glad... It was good ...* (*Я рад, что... Замечательно, что ...*) *I am afraid... , It's a pity ...* (*Боюсь, что... Жаль, но...*), но, тем не менее, обязательно присутствуют в тексте.

Показателен с точки зрения принципа вежливости и следующий факт. Авторы писем, как правило, сообщают о своей цели уже в первом параграфе: *"I am writing to you with some important information about your investment in our fund"* (*Я пишу Вам, чтобы сообщить важную информацию относительно Ваших инвестиций в наш фонд.*) Таким образом, отправитель проявляет уважение к адресату, экономя его время. В деловом письме используются также стандартизованные вежливые формы завершения письма типа *'I look forward to hearing from you'* в целях поддержания уважительных контактов между коммуникантами в дальнейшем.

Проявлением вежливости американцев является широко развитая тактика задавания косвенных вопросов. Так, вместо вопроса «Что ты делаешь со своими волосами, чтобы блестели?» они могут стимулировать собеседника косвенно - комплиментом: «Мне нравятся твои волосы – такие блестящие...». Если собеседник захочет - сам расскажет о способах ухода, но у партнера по коммуникации остается право не отвечать.

Вежливость проявляется также в высокой степени толерантности, которую проявляют американцы. Как бы ни различались мнения собеседников или выступающего и аудитории, все ведут себя достаточно вежливо, выслушивая все точки зрения. Публичные выступления и политические митинги проходят в США за редким исключением организованно и мирно. Американцы стараются дать своему собеседнику возможность сохранить лицо в споре, умеют

корректно сформулировать имеющиеся разногласия, терпеливы и вежливы в общении с национальными меньшинствами, психическими больными, инвалидами.

Чисто американским проявлением вежливости и своеобразным проявлением толерантности является такое явление, как политическая корректность. Это сравнительно недавнее явление в американской общественной жизни, получившее уже, однако, широкое распространение. Под политической корректностью понимается табу на высказывания, могущие как-либо ущемить или оскорбить человека. Например, табуированы термины, связанные с расовой принадлежностью человека. В общении полностью отсутствует такое слово, как "негр", вместо него употребляют Afro-American. Соответственно употребляются Asian для китайско-азиатского населения, Arab-American для выходцев из арабских стран.

Политическая корректность распространяется и на обозначение некоторых профессий. Сплошь и рядом в американском варианте английского языка "вымываются" из употребления слова с компонентом man: вместо postman (почему не postwoman, ведь почтальоном может быть и женщина) употребляется mail carrier, вместо sportsman – athlete. Даже такое сугубо американское слово, как businessman в последние годы вытесняется словом entrepreneur. Бывают случаи и просто анекдотические – так, вместо слова толстый употребляется выражение horizontally challenged (горизонтально выдающийся), а вместо слова высокий - vertically challenged (вертикально выдающийся).

Следует отметить, что политическая корректность является существенной чертой американского коммуникативного поведения - в разговорах, в быту американец старается быть вежливым и избегать тематики, связанной с расовой принадлежностью, вопросами отношения к разного рода меньшинствам.

Важной чертой вежливого общения в Америке является также фактическая табуированность обсуждения политических и религиозных проблем в личном общении (к примеру, на вечеринке, за столом и т. д.), поскольку это темы, могущие привести к спору.

Табуирован вопрос о личном доходе, о размере заработной платы, о нынешнем финансовом состоянии человека - такие вопросы считаются бестактными, вторгающимися в личную жизнь собеседника. Считается неприличным обсуждать в разговоре доходы третьих лиц. Аналогично табуирован вопрос о доходах фирмы, адресованный кому-либо из работников - такой вопрос имеет право задать только налоговый инспектор.

В общении с незнакомым или малознакомым собеседником считается невежливым спрашивать о деталях личной жизни собеседника (семейном положении, к примеру, размере семьи, количестве детей), о болезнях, которыми человек болел или болеет.

Считается невежливым интересоваться академическими успехами человека (школьника или студента), с которым у вас нет близких взаимоотношений.

Если стоит очередь, считается невежливым без очереди обращаться к продавцу за справкой или с вопросом; также невежливо выходить из очереди, а потом возвращаться на свое место в ней.

Невежливо прерывать вопросом или просьбой беседу людей. Неприлично отказаться от еды в чьем-либо доме, необходимо хотя бы немного попробовать. Невежливым считается обсуждение стоимости предложенной еды и стоимости принесенных подарков.

В профессиональных сообществах табуирована критика профессиональных навыков конкурентов (зубной врач не может сказать пациенту, что предшествующий врач что-то сделал пациенту плохо или непрофессионально).

Невежливо и не принято просить о личном одолжении коллег, если они не ваши лучшие друзья, допустимо лишь просить о профессиональной помощи - например, прочитать и критически оценить вашу статью.

Не считается хорошим тоном отменять встречи в последний момент, при этом, чем более значимое событие, тем менее вежливой будет его отмена. Считается неуважительным также приглашать кого-либо в гости в последнюю минуту, если остальные были приглашены заранее.

В Америке принято отвечать на любое письменное приглашение как можно скорее. В некоторых письмах можно увидеть буквы R.S.V.P., означающие “пожалуйста, ответьте”. Такие приглашения требуют обязательного ответа, но даже если подобная просьба не включена, считается вежливым сообщить хозяину или хозяйке, о вашем согласии или отказе. Принять приглашение, а затем не явиться, предварительно не предупредив хозяев, считается невежливым.

Опаздывать в американской коммуникативной культуре считается неприличным. Но для разных событий существуют разные “правила пунктуальности”. В основном, американцы считают, что всегда необходимо приходить вовремя. Однако на встречу с друзьями (не связанную с работой) можно слегка опоздать, в зависимости от обстоятельств.

Невежливым считается приходить в гости раньше назначенного срока, так как хозяин может быть еще не готов к приему гостей и можно поставить его в неловкое положение. Однако на встречу, касающуюся работы, на встречу с друзьями в публичных местах (например, в ресторан, в кино, в театр) в Америке прийти раньше не является невежливым.

Правила вежливости предусматривают благодарность за полученный подарок, при этом подарок надо обязательно развернуть, рассмотреть и похвалить. Реакция на благодарность со стороны адресата так же обязательна – в ответ на Thank you всегда требуется сказать что-либо вроде You are welcome/My pleasure, etc.

Это относится и к ситуации, когда делается комплимент: получивший комплимент должен поблагодарить за него, а тот, кто сделал комплимент - среагировать на благодарность - You are welcome.

Важное место в вежливом общении отведено в Америке улыбке. Принято улыбаться тем людям, с которыми имеешь в данный момент дело - покупателям, продавцам, таможенникам и т.д., улыбка в Америке обязательна при обслуживании клиентов.

Еще одним параметром вежливого невербального поведения в США является дистанция общения. Американцы поддерживают в большинстве случаев достаточно большую дистанцию общения (1, 0 - 1,5 м). Слишком короткая дистанция у американцев считается невежливой и даже связывается во многих случаях с посягательством на личное пространство, агрессией или сексуальным домогательством.

Вместе с тем многое из того, что в других коммуникативных культурах является невежливым, в Америке таковым не является. Так, не является невежливым использование только первых имен в общении с малознакомыми людьми и в процессе формального общения.

Не считается невежливой и нескромной характерная для американцев так называемая агрессивная самопрезентация - манера представлять себя собеседнику или работодателю в превосходных тонах, употребляя выражения типа «Я прекрасный специалист», «Я великолепно разбираюсь в...» и под., не принятые в европейском общении. В Америке же, наоборот, это качество воспитывается у детей с детства, детей учат - чтобы пробыть в жизни, надо, чтобы тебя заметили, это обязательное условие конкурентной борьбы на рынке труда.

В Америке не считается невежливым односложно отвечать на вопросы, например, “хорошо”, “конечно”, “нет” или просто говорить

“привет” при встрече. Точно также в Америке не считается невежливым задавать вопрос одним словом, например, “Что?” или “Кто?”. Краткость американцев не оскорбление тех, кто привык к более формальным фразам, а деловитость и экономия времени.

В Америке, в отличие, например, от России, не считается необходимым вступать в общение с незнакомым попутчиком в самолете или поезде, молчание попутчика не будет расценено как проявление невежливости.

У американцев не обязательно предлагать гостям еду, если их визит не совпадает со временем приема пищи, при этом неважно, были ли люди приглашены заранее или пришли неожиданно – в любом случае такое поведение хозяев не будет расценено как невежливое.

Американцы могут сидеть в транспорте и офисе, положив ногу лодыжкой на колено другой ноги (поза «четверка»), эта поза не считается невежливой.

Американские студенты и школьники могут есть и пить во время занятий, могут вставать и выходить из аудитории - такое поведение вполне допустимо и не рассматривается как невежливость по отношению к преподавателю. Точно также американские преподаватели не считают студентов невежливыми, если те не встают при их появлении в аудитории.

Американского мужчину не сочтут невежливым, если он не уступит женщине место в транспорте, не поможет своей спутнице в ресторане сесть за стол и выйти из-за стола, не пропустит женщину вперед, не откроет перед ней дверь, не поможет ей снять или надеть пальто, не заплатит за нее в ресторане или кино. Истоки такого неэтикетного, с точки зрения европейцев, поведения американских мужчин кроются в современной общественной ситуации в США, на которую наложило существенный отпечаток движение женщин за равноправие.

В целом отметим, что категория вежливости является одной из приоритетных в американском коммуникативном поведении и, так или иначе, определяет все поведение американцев.

М.С.Саломатина

Коммуникативная личность филолога (фактор контактности)

Предметом исследования является коммуникативная личность филолога. Понятие коммуникативной личности шире понятия

языковой личности, так как включает такие параметры как коммуникативные стратегии и тактики, используемые личностью правила и приемы речевого воздействия, тематику общения и другие, чисто коммуникативные (а не языковые) параметры. Таким образом, языковая личность выступает как компонент коммуникативной личности.

Нам представляется правомерным и оправданным подход к описанию коммуникативной личности на основе моделей описания коммуникативного поведения. Термин *коммуникативное поведение* впервые был использован в 1989 г. в работе: И.А.Стернин. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachberchtung. Halle, 1989, s.279-282* и относился к национальному коммуникативному поведению. В настоящее время интересы исследователей коммуникативного поведения значительно расширились, ученые обратились к изучению группового и личностного коммуникативного поведения.

На основе моделей описания коммуникативного поведения, разработанных И.А. Стерниным, нами была разработана модель описания профессиональной коммуникативной личности, в рамках которой мы выделили ряд основополагающих факторов.

Одним из важнейших факторов для описания коммуникативной личности является фактор контактности, поскольку его специфика является, с одной стороны, национально, социально и культурно обусловленной, а с другой стороны, имеет личностно-психологическую мотивировку.

Одним из методов, использованных нами для сбора материала, стало анкетирование. Мы предлагали учителям русского языка и литературы ответить на ряд вопросов и проанализировать таким образом собственное коммуникативное поведение.

Результаты анкетирования позволяют констатировать высокую степень общительности у учителей-филологов. Так, 53 % опрошенных оценили свой уровень общительности как высокий. 47 % считают свой уровень общительности средним, не более высоким, чем у большинства людей.

На вопрос *Легко ли Вы вступаете в общение с незнакомыми людьми* 60 % испытуемых ответили, что им не всегда с легкостью удается установить коммуникативный контакт с незнакомыми людьми. Данный факт свидетельствует о наличии определенных коммуникативных трудностей у учителей-филологов.

Анализируя данные анкетирования, мы, безусловно, должны принимать во внимание момент субъективности в оценке собственного

коммуникативного поведения, навыков общения. В связи с этим мы привлекли к исследованию и данные, полученные путем анкетирования учителей нефилологических специальностей, получив тем самым своего рода *взгляд со стороны*. Анализ результатов подобного анкетирования в целом подтверждает вышеназванные сведения: 75 % опрошенных отмечают высокую степень общительности своих коллег - филологов, и столько же процентов считают, что учителя русского языка и литературы легко вступают в коммуникативный контакт с незнакомыми людьми.

Результаты непосредственного наблюдения также в целом подтверждают полученные сведения, однако здесь имеет место некий парадокс со стороны невербального поведения - при достаточно высоком уровне контактности филологов их общение часто сопровождается закрытыми позами, в частности скрещиванием рук, при этом собеседники часто склоняют голову на сторону, последнее, по данным невербалистики, свидетельствует о заинтересованности как в предмете речи, так и в партнере по коммуникации. Скрещенные на груди руки – поза, квалифицирующаяся как защитная (при слушании) и авторитарная (при говорении). Можно предположить, что авторитарность, проявляющаяся на уровне невербального поведения, является профессионально обусловленной. Возможно, во многих случаях закрытые позы объясняются не негативным отношением к собеседнику (хотя это, конечно, может иметь место), а скорее неким неосознанным желанием защитить внутреннее пространство своей личности от возможного «вторжения» – неприятной точки зрения или активно навязываемого постороннего мнения.

Следующим аспектом рассматриваемого фактора является *дружелюбие при приветствии, установлении контакта*.

53% опрошенных учителей-филологов ответили, что всегда используют улыбку при встрече со знакомыми. Остальные 47% улыбаются знакомым не всегда: это зависит от настроения и конкретной ситуации общения. Полученные данные в общем находятся в соответствии с результатами анкетирования преподавателей – нефилологов, а также с данными непосредственного наблюдения.

Для вступления в общение с незнакомыми людьми улыбку всегда используют 36% анкетированных, 62% делают это иногда, и 2% обычно не улыбается незнакомым при попытке установить коммуникативный контакт. Надо заметить, что для представителей русской коммуникативной культуры, как известно, вообще не характерна

улыбчивость, что во многом находит свое подтверждение при анализе результатов опроса испытуемых.

Результаты анкетирования дают следующие сведения о продолжительности диалога, характерного для рассматриваемой профессиональной группы.

Учителя-филологи общаются с коллегами по служебным делам после работы:

- 1-2 мин – 6%,
- 3-5 мин – 14%,
- 5-10 мин – 21 %,
- 10-20 мин – 26%,
- 20 мин. и более – 33%.

Учителя-филологи общаются с коллегами по служебным делам во время работы

- 1. 1-2 мин – 3%,
- 3-5 мин – 23%,
- 5-10 мин – 37 %,
- 10-20 мин – 30%,
- 20 мин. и более – 10%.

Учителя-филологи общаются с коллегами по личным делам после работы

- 1-2 мин – 17%,
- 3-5 мин – 17%,
- 5-10 мин – 10 %,
- 10-20 мин – 33%,
- 20 мин. и более – 27%.

Учителя-филологи общаются с коллегами по личным делам во время работы

- 1-2 мин – 33%,
- 3-5 мин – 40%,
- 5-10 мин – 17 %,
- 10-20 мин – 13%,
- 20 мин. и более – 0%.

Таким образом, можно сделать вывод, что в свободное время учителя– филологи отдают предпочтение общению на «служебные» темы. Данный факт говорит о том, что работа играет очень важную роль в жизни учителя, о высокой степени психологической зависимости учителя от своей профессиональной деятельности. Общение как на «личные», так и на «служебные» темы во время работы ограничивается временными рамками, так как учителя имеют возможность разговаривать только во время небольших

десятиминутных перерывов между занятиями. Такие временные ограничения формируют и содержательные особенности коммуникации: не дают возможности для глубокой разработки какой-либо темы, в ходе интеракции затрагивается часто ряд не связанных между собой тем, то есть общение идет скорее «вширь».

Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.

Пиз А. Язык телодвижений. – М., 2002.

В.Я. Парсамова

Языковая игра как черта речевого портрета (на материале писем Ю.М. Лотмана)

Одним из наиболее ярких проявлений лингвокреативности, присущей языковой личности, является языковая игра. Механизмы создания языковой игры подробно рассмотрены в работах современных лингвистов (См.: Борботько 1996; Санников 1999; Гридина 1996; Норман 1987; Земская, Китайгородская, Розанова 1983) и пр. Материалом для языковой игры могут служить практически все уровни языка: фонетика, синтаксис, морфология, но в особенности словообразование. Так, К.Ф. Седов выделяет три основные разновидности языковой игры, обильно демонстрируя их примерами: “1) игра как реализация потенций языковой системы (фонетический, лексический, словообразовательный и грамматический уровни); 2) игра на уровне текстового строения; 3) игра жанрово-ролевыми нормами речевого взаимодействия” (Седов 2002, с.302).

Использование или неиспользование языковой игры в речи является важной характеристикой языковой личности, придающей индивидуальность, ведь “не все говорящие склонны к языковой игре; есть люди, широко ее применяющие, и люди не признающие языковой игры. Такие люди могут даже не понимать собеседника, когда он шутит, и поправлять его. Очевидно, что так же, как отсутствие чувства юмора, непризнание языковой игры составляет особенность характера человека” (Земская, Китайгородская, Розанова 1983, с.175). Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей публикации, заключалась в рассмотрении феномена языковой игры как приметы идиостиля писем известного отечественного филолога, историка, семиотика и т.д. профессора Ю.М. Лотмана.

Склонность к языковой игре была в натуре Ю.М. Лотмана, она включалась в самый стиль его общения с близкими людьми, родными: “Семейный лотмановский анекдот тех лет. Жена, Зара Григорьевна: “Ты читал роман такого-то?” “Конечно, читал”. – “Когда же ты успел, он ведь только что вышел”. – “А я сегодня о нем на лекции читал” (Егоров 1999, с.358).

Более того, игры, основанные на языковой игре, были типичным развлечением в свободное время для людей этого круга. Вот как вспоминает об этом Б. Ф. Егоров: “Почти каждый вечер заканчивался постановкой и отгадыванием шарад, где особенно блистательно проявлялся артистический талант Лотмана. Чаше всего постановщиками и исполнителями были мы двое с Лотманом. Два примера его “театральных” выдумок. Ставилась шарада “Мочалов” (тогда в Тарту приезжал друг нашего коллеги Л.Н. Столовича ленинградский поэт и искусствовед Лев Мочалов). Первая часть слова – “моча”. Лотман был приемщиком баночек с соответствующим содержанием, сдаваемым на анализ в больничной лаборатории. Я из сумки смущенно доставал такую баночку, а Лотман брал, внимательно рассматривал ее на свет, потом нюхал, потом – совсем уже фантастично – макал палец, чтобы лизнуть “жидкость”, и затем великолепно якобы отплевывался. Целая сцена получалась.

Но коронным нашим номером, потом повторяемым в других домах, была шарада “Самсон”. Первый слог представлялся так: я изображал вельможу, важно развалившегося в кресле, а Лотман – униженного, бедного просителя. Второй слог мы спали; Лотман блистательно храпел с присвистыванием. А в целом я играл Льва, Лотман-Самсон разрывал мне “пасть”, из которой извергался целый фонтан воды (я набирал ее полный рот еще до начала показа шарады) (Егоров 1999, с.75). О подобной шараде, разыгранной профессором на одном из студенческих вечеров, вспоминает И. Белобровцева: “Скорость перевоплощения была необычайной. Вот он, очевидно, продавец в лавке, отмеряет какую-то материю, демонстрирует ее достоинства – изрядный вес, вот проводит рукой как бы по ворсу и в обратную сторону – как блестит! – вот упаковывает, сам же берет сверток, делает небольшой круг, приходит куда-то домой – и вешает на окно материю-занавеску. Первая часть шарады окончена. И что? Мы ничего не угадали. Во второй части он беззвучно произносил монолог, отчаянно жестикулируя и вращая глазами, и падал, изображая смерть трагического героя – какого? И, наконец, целое: прошелся мелкими шажками, накинуд на себя все ту же материю, подобрал какую-то скомканную бумажонку, аккуратно расправил, свернул вчетверо и

сунул в карман. Увидел без присмотра стоящую чью-то чашку и, воровато озираясь, – тоже прикарманил. И все кутался, кутался в материю, накинутую на манер женского платья. Тут уж ни у кого не возникло вопросов: перед нами был Плюшкин, материя, оказывается, плюш, а трагик – не герой, а знаменитый трагический актер Кин” (Белобровцева 1998, с.124).

Значение окказионализмов, образованных способом словосложения, с которыми мы сталкиваемся в письмах ученого, часто выводимо из значений исходных слов или их корней. Поэтому суть языковой игры, основанной на словосложении в получении нового смысла в рамках одного слова, который иначе может быть выражен целым словосочетанием. Например, “фотомордия” – фотография, изображающая лицо, причем просторечное “морда” дает дополнительный юмористический эффект от столкновения двух стилей. Тот же эффект достигается при образовании псевдонаучного слова “кино-дерьмо-перевод” из-за резко негативного значения, вносимого второй частью сложного слова. Слово “полу-постель” выводимо из фразеологизма “уложить в постель” и лучше всего разъясняется самим автором: “Болтаюсь ни болен, ни здоров” (Лотман 1997, с.572).

Языковая игра далеко не всегда является лишь способом создания комического эффекта. В очень серьезном письме окказионализм “единовзглядие”, выделенный кавычками может быть истолкован как “единодушие, основанное на общности взглядов” и комментируется автором: “...но высказанное слово – это гораздо больше, чем подразумеваемое (даже очень твердо и надежно) единодушие” (Лотман 1997, с. 322).

Значительная часть случаев языковой игры основана на использовании имен собственных. Это либо создание забавных прозвищ, использующих внешнюю, фонетическую форму имени, либо использование имени собственного для дальнейшего словообразования. Когда-то созданные сложением прозвища Юрмих (из Юрий Михайлович) и Борфед (из Борис Федорович) позднее воспринимались уже достаточно нейтрально и игровым на этом фоне становилось дальнейшее суффиксальное словообразование, например Юрмихов и Борфедик. Множество прозвищ создавалось усечением того, что выглядело или исторически являлось суффиксом: Гук – из Г. А. Гуковский, Чук – из К. И. Чуковский, Ямпол – из И. Г. Ямпольский, Пугач – из В. В. Пугачев, Макогон – из Г. П. Макогоненко, в других усеченный суффикс заменялся иным – Жирмунец – из В. М. Жирмунский. Для прозвища В. В. Гиппиуса была использована

омонимичная аббревиатура, и фамилия на письме выглядела так: Г. П. У.'с.

Иногда для создания дополнительного смысла каламбур создавался на основе ложной этимологии (Громов-разгром): "...Зару послали на рецензию Громову (есть мнение, что это сознательно, с целью разгром(ов)а, простите за скверный каламбур) (Лотман 1997, с. 256); (Кожинов-кожный): "...я уже раз с Кожиновым спорил – этак решат, что я вовсе пошел по кожной специальности" (Лотман 1997, с. 227); (отчество, образованное от эстонского имени Адович-ад): "Матис Адович – понимаете сам, писать адович – раевич неудобно и не следует" (Лотман 1997, с. 477); (контаминация фамилии ученого Себеок и предмета его исследований – зоосемиотики) – "зоосебеотика"; фамилии Зись и Кисунько, которые обращаются то в "Кись и Зисунько", а то и в "зись-кись".

Особый случай языковой игры – "перевод" иноязычной фамилии на русский язык, как, например, "превращение" немецкого профессора Эймермахера в Ведерникова. Иногда имена собственные служат основой для образования новых слов. Для данной цели могут служить географические названия: "кяярикусцы" (участники Летних школ в Кяярику); "аэропортовские Успенские" (живущие на Аэропортовской улице). От собственных имен могут быть образованы при помощи суффиксов абстрактные существительные: "пиксанизм" (Н. К. Пиксанов), "андриковщина" (И. Л. Андроников), "эйдельмановщина" (Н. Я. Эйдельман), собирательные существительные: от фамилии Образцов – Образцовцы, притяжательные прилагательные: сборник "Блоковский' Дмитриевгенъичевский', Зараминцевский, глаголы: "пугачевствовать" и уж совсем экзотическая серия, связанная с фамилией Карамзин: "карамзимнем", "перекарамзимовать" и "покарамзиниться".

В языковой игре на уровне словообразования чаще всего используются готовые деривационные модели для образования окказионализмов. Так, продуктивная модель – образование существительных при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: "докторчик" (о сестре), "огромные рукописи и малые рукописочки" (Лотман 1997, с. 224), "читать курс (или курсик <...>) лекций" (Лотман 1997, с. 582). Выше было продемонстрировано, как абстрактные существительные образуются от имен собственных, но могут они быть образованы и, например, от сокращений: зав (заведующий) – зав'ство и даже от устойчивых сочетаний: непришейкобылехвостость. В следующем поздравлении возникают целых две параллельных шуточных словообразовательных парадигмы:

“Дорогих докторей, докторесс и докторят поздравляем с Новым годом <...> Лотмана, Лотманессы и Лотманята” (Лотман 1997, с.212).

Чрезвычайно продуктивная модель – образование глаголов-окказионализмов от существительных при помощи суффиксов, причем исходное существительное может быть, например, сложносокращенным: завкаф (заведующий кафедрой) – “завкафствует”, аббревиатурой: “<...>хорошо бы Ваапу ваапнуть прямо в глаза” (Лотман 1997, с. 578) (ВААП – всесоюзное агенство по авторским правам), именем собственным: Куба – “кубинизируется”, варваризмом: шарм – “шармирует” и любым другим существительным: контакт – “контакнтнуть”, юбилей – “юбилействуем”. Некоторые глаголы, образованные суффиксально-префиксальным способом, приобретают намеренно сниженный стилистический оттенок: “прожрался”, “пропокупаешься”, “проventилируй”, “зануворишествовал”, “рассиропился”, “упаточился”, “содокладаю”. Иногда для того, чтобы подчеркнуть искусственный характер вновь образованного слова, его форманты могут быть выделены на письме, например, раздельным их написанием: контаминация слов “задержанный” и “передержанный” превращается в “за-пере-держанный”.

Языковая игра на синтаксическом уровне может проявляться в разрушении согласования, имитирующем низкий уровень лингвистической компетенции говорящего: “в самую центру”, “я был замотамшись”, “пишет чего-то научного”, “промеж себя”. Просторечие может быть имитировано и на уровне фонетики: “ишшо”, “быват”, “в ём”, “трешшит”, “чавой-то”, “ентересенькой”, “верояции”. Просторечное произношение может быть имитировано не только на отрезке слова, но и целой фразы: “Ето чито же такое делается?”. Иногда это пародируемое произношение намеренно диалектное: “Дюжина чортив у пэчэнку!”.

Фонетическая или графическая ошибка может либо служить дополнительным стилистическим фоном, как детское написание “будующее”, о котором Ю. М. вспоминает в письме к сестре, а может являться материалом для игры на семантическом уровне: опечатка “по[л]целуй” вызывает комментарий автора: “Не пол, а полностью!” (Лотман 1997, с.503); а к вопросу “Что за фальшивку сматерили Вы в соавторстве с В. Т. Адамсом (нашим другом и высоким покровителем), находясь между Лафитом и Клико?” Ю. М. делает “неуверенное” примечание “Возможно здесь смастерили” (Лотман 1997, с. 121). На подобной ошибке основан анекдот, ссылки на который встречаются в переписке с друзьями: “Студент, сдавая экзамен по чужой шпаргалке,

во фразе “человек от природы добр”, произнес последнее слово как “бобр” (Лотман 1997, с. 313). Или подобный же анекдот, в котором в результате переразложения выражение “так себе” превращается в “такси бэ” (Лотман 1997, с. 166).

Просторечие может имитироваться не только на фонетическом, но и на морфологическом: “евоинный” и лексическом уровне. В подобных случаях языковая игра основана на преднамеренно ошибочном использовании одних лексем в устойчивых сочетаниях вместо других: “мораль наводить”, “терпеть ненавижу”.

Распространенный случай языковой игры – это обыгрывание якобы однокоренных слов, “когда говорящий, желая побалагурить, шутливо “восстанавливает” внутреннюю форму слова. Этот прием близок “народной этимологии”. При этом говорящий опирается на разного вида звуковые сближения и разложения слов. В РР <разговорной речи – В. П.> каламбурному эимологизированию особенно часто подвергаются имена и фамилии, аббревиатуры, названия номенклатурные, лишённые в русском языке внутренней формы” (Земская, Китайгородская, Розанова 1983, с. 207-208). Комический эффект при этом достигается либо присутствием в контексте обоих лексем, либо употреблением одной вместо другой. Крайним случаем является замещение словом своего омонима: “Как Куба и Кирилл в Кубе?” (Лотман 1997, с. 312); “Задумал писать (и даже начал) книгу о West-Östliche, если не диване, то кушетке” (Лотман 1997, с. 293) (каламбурно обыгрывается название сборника Гете “Западно-Восточный диван”). Однокоренные слова часто бывают связываемы на основании шуточной этимологии: слово “ретро” в письме толкуется следующим образом: “<...>что это такое? Я всегда считал, что это rectum, т<о> е<сть> прямая кишка” (Лотман 1997, с. 604).

Сходным образом “объясняется” и прочая иноязычная лексика: “Это, конечно, дудки (или Große Duden, как выражаются по-немецки” (Лотман 1997, с. 578) (название немецкой книгоиздательской фирмы через “родственное” русское слово). Такие ложные сближения Лотман любил находить и выписывать: “А вот я обнаружил у Ростопчина в автобиографии: “Меня учили всем языкам, и я сделался язычник” (Лотман 1997, с. 574). Порою же создавал их и сам, как в следующем шуточном стихотворении: *“Был сердечником Лотман, в сердце его перебои: // Нынче сердечный в сердцах всех перебил он детей...”* (Лотман 1997, с. 572). Множество подобных примеров буквально рассыпано по письмам: “отличиться из дома” (вместо “отлучиться”), “угнели и угнули” (от “угнетать” и “гнуть”), “наложница” (о бандероли с наложенным платежом) и проч.

Выше уже приводились примеры построения каламбуров на основе иноязычной лексики. Ряд их можно продолжить. Латинское выражение “*honoris causa*” – “по причине заслуг” превращается под пером Лотмана в шуточное “гонорарис кауза” – по поводу гонорара”. Целый лингвистический сюжет, обыгрывающий русско-латинские ассоциации, разыгрывается автором, смущенным чрезмерными похвалами, на основании выражения “*satis, domine*” – “достаточно, господине”: “Большое спасибо за письмо, еще большее за статью. Вы спрашиваете, “не мало ли воздали”, – *satis, domine*, еще как пере-*satis*! (пере-, но не обо-!) Я считаю, что Вы пере-солили/*satis*’или. А я всегда сторонник, чтобы было несколько недо” (Лотман 1997, с. 303). Прочие случаи языковой игры тоже связаны со смешением иноязычной и русской лексики: столь любимое Ю. М. итальянское выражение “*con amore*” (“с любовью”) превращается в “*con желчь*”, “*ce qu’on appelle la question*” (“так называемый вопрос”) передается как “один сконапелъ кестъён”, в немецкую фразу “мы живем” вклиниваются русские слова: “*wir* еще *leben*”, а “*Wahrheit*” (“правда”) обыгрывается как “вархайт вархайтовна”.

Речь Лотмана изобилует фразеологизмами, причем их количество резко возрастает в письмах к близким и родным. Более того, фразеологизмы часто обыгрываются юмористически. Например, при помощи деметафоризации, буквализации их значения. Так, по поводу подаренных платков прямое значение приписывается фразеологизму “утереть нос” (Лотман 1997, с. 709), выражение “умыть руки” переводится в бытовой план: “<...> не могу умыть рук лишь по одной причине: в нашем доме по случаю затянувшегося ремонта уже две недели отключены вода и туалет <...> Морально же я их уже умыл” (Лотман 1997, с.496). Крылатое выражение “Наше дело не совсем правое” разрушается уточняющим антонимом: “частично левое” (Лотман 1997, с. 172) Когда о жене говорится, что у нее “горит диссертация”, то, конечно, подразумевается, что она не успевает по срокам, но тут же происходит буквализация выражения: “езде все горит, год такой” (Лотман 1997, с.534). Любимая шутка Лотмана – деметафоризация фразеологизма “жизнь бьет ключом” при помощи изображения ключа, опускающегося на голову. Но это же выражение может расшифровываться и без помощи видеоряда, лишь словесно, при помощи замены одного из слов уменьшительной формой: “Жизнь бьет ключиком!” (Лотман 1997, с.123) или распространения фразеологизма: “жизнь бьет ключом по голове” (Лотман 1997, с.495), “Жизнь бьет ключом средних размеров (у нас – у Вас, кажется, увесистым) (Лотман 1997, с.172). Фразеологизмы потому и является

фразеологизмами, что “в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур <...> воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава” (Телия 1990, с.559). Иными словами, “фраземы характеризуются ограниченной сочетаемостью с другими элементами текста, обычно не могут иметь зависимых и не могут заменяться анафорическими местоимениями” (Санников 1999, с. 298). Поэтому добавление в фиксированную структуру дополнительных лексических единиц приводит фактически к их разрушению: “<...> укатывают петербургские горки и овражки” (Лотман 1997, с.183); “Так будут убиты сразу многочисленные зайцы” (Лотман 1997, с.533); “ни в сказке сказать, а уж пером описывать даже и думать забудьте” (Лотман 1997, с. 603); “вожжа под текстологический хвост попала” (Лотман 1997, с.617).

Иногда языковая игра основана на контаминации, смешении разных фразеологизмов, крылатых выражений. Например, сказочный зачин “в некотором царстве, в тридевятом государстве”, срастаясь со ставшей крылатым выражением цитатой “луч света в темном царстве” дает “лучи света в некотором царстве” (Лотман 1997, с.233). В следующей фразе: “Мы еще увидим небо с овчинку/в алмазах (ненужное вычеркнуть)” (Лотман 1997, с. 553) парадоксально пересекается фразеологизм “небо с овчинку”, цитата из пьесы А. П. Чехова “Дядя Ваня” “небо в алмазах” и бюрократический штамп “ненужное вычеркнуть”. И, наконец, разрушение фразеологизма может происходить, когда один или несколько его компонентов заменяются другими, но при этом сохраняется структура и узнаваемость исходного варианта. Так, итальянское имя Симонетта, которое само по себе уже служит материалом для очередного каламбура: “si, монетта – non”, преобразует фразеологизм “отдайте кесарю кесарево” в “возвращаю Симонетте Симонеттово” (Лотман 1997, с. 635). А фамилия зам. директора ИРЛИ каламбурно включается в крылатые пушкинские строки “и академик, и герой, и мореплаватель, и Плуткин” (Лотман 1997, с.166).

Одна из наиболее интересных разновидностей языковой игры, с которыми мы сталкиваемся, анализируя переписку Лотмана, – это так называемый “прием речевой маски”. “Говорить необычно, как кто-нибудь – приезжий из деревни, сюсюкающая дамочка, бюрократ, ребенок, иностранец – эти и многие другие речевые маски всегда под рукой у говорящих. Используя этот прием, говорящий обычно не заботится о полном воспроизведении чужой речи, он лишь бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого

голоса. В современной РР <разговорной речи – В. П.>, по нашим наблюдениям, наиболее распространены такие игровые маски: малокультурного простачка (игра на диалектах и просторечии), бюрократа (игра на канцеляризмах)” (Земская, Китайгородская, Розанова 1983, с.180).

Можно говорить об использовании этих масок применительно к переписке Лотмана, хотя, на наш взгляд, уместнее сказать о неких стилистических вкраплениях (например бюрократизмов или журнально-газетной лексики), создающих комический контраст с бытовым контекстом: “...перемещение слова или выражения из одного стиля речи в другой порождает резкий диссонанс, который или свидетельствует о неумении правильно строить свою речь, или используется как средство комизма” (Земская, Китайгородская, Розанова 1983, с.186). Очень часто чужеродность этих вкраплений подчеркивается графически кавычками: “Я сейчас в Москве – “повышаю свою квалификацию” (Лотман 1997, с.73) или ссылкой на источник: “Поездка моя, пользуясь дипломатическим языком, встречена в кругах Таммеорга крайне сдержанно” (Лотман 1997, с.173) (комизм этой фразы возрастает от того, что Таммеорг – один человек, к которому неприменимо выражение “в кругах”). Лексические штампы советской публицистики используются применительно к будничным событиям, таким как подготовка научного сборника: “Надо сдать его высокой сортностью” (Лотман 1997, с.190), работа на печатной машинке: “Простите, что пишу на машинке, – осваиваю агрегат” (Лотман 1997, с.211), на даче: “Как Ваша посевная?” (Лотман 1997, с.320), привет, передаваемый от жены: “Зара <...> села дописывать статью и кланяется Вам без отрыва от производства” (Лотман 1997, с.484), выход на пенсию: “как сложится с “заслуженным отдыхом” (Лотман 1997, с.392), одалживание денег: “Сия революция стоит много хлопот и капиталов (в отношении последних мы встали на путь займов и инвестиций, задолжав всем кругом)” (Лотман 1997, с.554), поздравление адресата с выходом новой книги: “С радостью убедился, что Вы догнали и перегнали Америку по производству Барсова” (Лотман 1997, с.620). Другая сфера, из которой черпается материал для языковой игры – диалектно-просторечная.

Комический эффект здесь также достигается тем, что предметом описания чаще всего являются события научной жизни: “Насчет корректуры Адамс, как всегда, чтой-то плетет” (Лотман 1997, с.128); “Ерго: хай Макогон на кафедре предложит...” (Лотман 1997, с.138) (здесь в коротенькой фразе сталкиваются два стиля: один – просторечное “хай” и фамильярное “Макогон” (Макогоненко), другой

– сугубо научный латинизм ‘ergo’ и “кафедра”). Вопрос “Как ее имя-отчество-фамилия?” (Лотман 1997, с.176) звучит тем комичнее, что касается редактора научного издания.

Такой же контраст между серьезным предметом – издание книги в издательстве “Искусство” – и просторечной формой: “издаем сборник в ём” (Лотман 1997, с.496). Просторечная форма и в вопросе о получении экземпляра сборника: “Спрашиваю не для того, чтобы отобрать экз<емпляр>, а так, для антиресу” (Лотман 1997, с.590). А вот как выражает Ю. М. комический ужас от содержания журнала “Новый мир”, за публикациями которого он несколько лет до этого не следил: “Сейчас просмотрел – мать моя, мамочка. Ето чито же такое делается” (Лотман 1997, с. 389). Использование нарочито просторечного стиля профессор смягчает свое возмущение по поводу неписылки адресатом статьи в научный сборник: “Дюжина чортив у пээнку! Ни Вы, ни Владимир Николаевич, ни Вячеслав Всеволодович (даже ОН!), ни, наконец, Витя (!!!) не прислали статьи в петербургский сборник. Та шо вы, смээтэсь, чи шо?” (Лотман 1997, с.638).

Но, говоря об эпистолярном наследии Лотмана и, уже, о его переписке с Б. Ф. Егоровым и Б. А. Успенским, необходимо обозначить еще одну речевую маску, прецедентом для которой является некий обобщенный эпистолярный текст XVIII-XIX столетия. Маска эта создается в основном лексическими средствами адресации: почтеннейший, сударь и проч., этикетными формулами: “А засим остаюсь Вашего благородия всепокорнейший слуга” (Лотман 1997, с.609), частично синтаксисом.

Порой это лишь отдельные лексические вкрапления в текст письма, порой все послание выдерживается в подобном стиле, как, например, послание, датируемое 1982 годом Б. А. Успенскому. Вот автор сообщает о посылке: “Вот от моего недостойнства Вашему благоутробию посылочка: 15-й том “Семиотики”. Вот он объясняет, что несколько экземпляров книги необходимо передать немецким ученым: “Если же оный Иакинф, не стерпя православного духа, сбежал в свою Немецчину, то книги сии пусть будут у Вас для нужной оказии. Для того их не подписую”, и далее, в постскриптуме: “Если Иахим уехал, то эти книги для басурманов – россиянам не давайте” (Лотман 1997, с.626-627).

События, о которых говорится в письмах, описываются с точки зрения, заданной стилем, и, соответственно, происходит некая игровая трансформация реальности, которая понятна адресатам и подхватывается ими. Вот, например, какую “стенографическую запись” своего разговора с ректором об издании “Трудов” кафедры

приводит в письме Лотман: “Рект<ор>: А что, можно надеяться, что за вторым томом ваших “Трудов по русск<ой> и сл<авянской>...” последует третий? Или уже все? Я (привскочив на 3 м<етра>): Ваше превосходительство! Ни боже-мой. Уже готовим и скоро сдаем и даже просим как можно ускорить выпуск. (Рукопожатия. Немая сцена)” (Лотман 1997, с.120).

И подобное же описание другого разговора: “Я лепетал: “Недосмотр, Ваше превосходительство, истинно по неопытности!” (Лотман 1997, с.121). Сообщение о планируемой поездке для “выбивания” очередного сборника подается в стиле челобитной с характерной для последней уничижительной лексикой: “И все же я завтра еду в Таллин бить пороги Комитете по делам печати, умоляя добавить бумажки и тиражику, сжалившись над сиротскими нашими лаптишками и зипунишками. Ужо и сжальтятся” (Лотман 1997, с.172-173). Порой автор обыгрывает в письмах и церковный стиль: “Просвети, святой отец, наваждение ли сие дьявольское или так и должно” (Лотман 1997, с.122).

Приведенные многочисленные примеры языковой игры, встречающиеся в переписке Ю. М. Лотмана и являющиеся признаком лингвокреативности сознания, позволяют полнее охарактеризовать языковую личность ученого.

-
- Белобровцева И. Оглянись с любовью. Вышгород. 1998. № 3.
 Борботько В. Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М. 1996.
 Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М. 1998.
 Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург. 1996.
 Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М. 1999.
 Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Жест. М. 1983.
 Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск. 1987.
 Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. 1999.
 Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М. 1998.
 Седов К. Ф. Человек в повседневном общении // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань. 2002.
 Седов Н. К. Языковая игра в современном народном анекдоте // Филологические этюды. Саратов. 1998.
 Телия В. Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Вопрос в мужском и женском коммуникативном поведении

Одним из важнейших условий эффективного общения является ориентация адресанта общения на собеседника. В основе диалога как формы общения, ориентированной на собеседника, лежит умение задавать вопросы. В науке о речевом воздействии разработаны типы вопросов, описаны соответствующие каждому типу коммуникативные ситуации. По нашему мнению, в диалогическом общении необходимо учитывать не только ситуативный, но и гендерный фактор, ориентируя общение не на собеседника вообще, а на конкретного собеседника.

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что существуют значительные гендерные отличия в доле вопросов в общем объеме информации, в форме вопросов, их содержании, в характере отношения к задаваемым вопросам. В качестве источника информации мы использовали диалоги мужчин и женщин из произведений современной русской художественной литературы. Разумеется, это диалоги вымышленных авторами персонажей, здесь велика доля «художественного вымысла», если не сказать «художественного произвола», но сопоставление с реальным общением показывает, что *основные тенденции* общения писатели, изображая своих героев, передают достаточно адекватно. К результатам подобных исследований необходимо относиться как к показателям именно основных коммуникативных тенденций.

Так, общий объем вопросов в речи мужчин в обследованном материале составляет 20%, в речи женщин – 25%.

В вопросах женщин очень низкий уровень тематической табуированности:

"Но одна дама из Нижнего Тагила, которая задавала гораздо больше вопросов, чем существовало ответов, вызвалась спеть" (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Саломона с коляской и велосипедом).

Для коммуникативного поведения мужчин характерен высокий уровень табуированности. Мужчины, как правило, не задают вопросов о личной жизни и проблемах собеседника (руководствуясь «принципом права» собеседника на личную жизнь), о

профессиональных секретах, вопросов, не касающихся дела в официальной ситуации общения, вообще мужчины стараются задавать только необходимые вопросы:

« - Даже два. Оба Глеба... Телефоны... - он продиктовал и даже не спросил, зачем мне нужны его знакомые" (В. Крупин. Люби меня, как я тебя).

«Мафиози был бесконечно обязан своему прошлому боссу, а потому, не задавая никаких праздных вопросов, безукоризненно просьбу исполнил» (А. Молчанов. Ядерные материалы).

«- Скажите честно, Василий Степанович, это личная точка зрения или идея рождена в глубинах вашего министерства?

- Неужели ты думаешь, что я отвечу тебе на этот вопрос?» (А. Горохов. Мне терять нечего).

Анализ содержания вопросов показал, что тематика женских и мужских вопросов четко дифференцирована. Далее нами приведены наиболее частотные темы. Мужчины в диалогах стимулируют развитие следующих тем:

1. Вопросы о роде деятельности, планах и перспективных собеседника:

«Он:

- А ты что собираешься делать?

- А чем она занимается?» (В. Токарева. Инструктор по плаванию).

2. Вопросы о материальном положении:

" - Женюсь, - говорю я...

Он смотрит на меня полминуты, и этого достаточно, чтобы он понял ситуацию.

- Тебе нужна квартира (отец)?» (Л. Бородин. Расставание).

3. Вопрос на выяснение ситуации:

"Она начинает нервно курить, а я продолжаю допрос:

- И все-таки почему ты исчезла?" (В. Новиков. Сентиментальный дискурс).

4. Риторический вопрос:

" - Так что же нам делать? Мне, мне что делать?

- Мы обязаны выиграть время. Мы, оружейники должны крепить оборону" (А. Проханов. Оружейник).

Доминирующая часть вопросов женщин касается людей. Ориентируясь на собеседника, женщина руководствуется «принципом участия» в жизни собеседника. По содержанию в речи женщин выделены следующие группы вопросов:

1. Вопросы о личной жизни:

"Она спросила, любит ли Татьяна мужа..." (Г. Щербакова. Крушение).

«Она:

- Вы приезжий?

- Вы женаты?

- А как её зовут?

- Вы её любите?» (В. Токарева. Инструктор по плаванию).

2. Вопросы о проблемах собеседника:

"Паша вышел из школы... Можно было бы поехать к сестре в Ясенево, но сестра начнет расспрашивать, придется поведать про Панасючку и как бы снова нырнуть в эту жижу.

- Хорошо бы пойти к Павлуше, там все просто, ничего рассказывать не надо" (В. Токарева. Инфузория-туфелька).

3. Вопросы о мыслях собеседника:

"Ты о чем думаешь? - Люля пылливо заглядывала, приближая своё лицо.

- Так, вообще... - уклонился он" (В. Токарева. Лавина).

"- О чем ты думаешь? - спросила Наташа" (В. Токарева. Лошади с крыльями).

4. О качествах людей:

"Сейчас ей надо задать все необходимые вопросы. Но она спрашивает:

- Какая она, Астра?" (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Саломона с коляской и велосипедом).

5. Вопрос о способе действий (о решении проблемы):

"- Не могу, - сказал Владимир, еле выговаривая слова, - приболел.

- Как же быть? - верещала трубка голосом Людочки, секретарши Юрьева. - Я не знаю, больше некому..." (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы).

По-разному выражены предпочтения мужчин и женщин в выборе формы подачи вопроса. Мужчины традиционно предпочитают прямую, женщины – косвенную форму:

«Гуськов спросил Алямова впрямую, без подхода и подготовки.

- Что у тебя с «Восток-холдингом?»» (Б. Руденко. Логово змея).

«...Он умел грамотно и остроумно построить эксперимент, наиболее экономным образом вырвать прямой ответ на точно поставленный вопрос» (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

«На прямой вопрос Зоя все-таки не отважилась» (Т. Толстая. Охота на мамонта).

«Иногда Наташе казалось, что завтра он сделает ей предложение. Можно было не гадать, а прямо спросить, но в вопросах – и вообще в словах – есть конкретность... любовь должна быть вне слов. Во всяком случае – вне вопросов» (В. Токарева. Между небом и землей).

Вопросы, кроме своей наиважнейшей цели востребовать информацию, необходимую адресанту общения, выполняют ряд других функций. Проведем сопоставительный анализ функций вопросов в коммуникативных процессах мужчин и женщин.

Функции вопросов в речи женщин:

1. Выражение эмоций:

- Вася, что ты говоришь? - изумилась Елена. "(Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

2. Презентация регулятивного высказывания:

"Требовался выход - и нашла его, конечно, она, а не я. "Может быть, нам стоит пожениться?" Спрошено было в нейтральном тоне" (В. Новиков. Сентиментальный дискурс).

3. Стимулирование последующего высказывания собеседника:

« - Вы внук? – спросила я.

- Не родной.

- А вы когда-нибудь с парашютом прыгали? – спросила я на всякий случай.

- Однажды на Севере я летал на вертолете» (В. Токарева. Паспорт).

4. Поддержка собеседника, завершение фразы:

" - ...не кажется ли вам, что смерть была бы для вас...

Он на минуту запнулся, подыскивая слово.

- Выходом? - спросила я" (И. Муравьева. Дневник Натальи).

5. Выражение приглашения:

«Постояв так десять минут, я решил уйти по-английски, не прощаясь. Но в этот момент про меня вспомнили.

- А почему вы здесь стоите? – удивилась Гелана, высунувшись из кухни.

Это был довольно сложный вопрос, и я не сразу нашелся, как на него ответить.

- Проходите, пожалуйста!- гостеприимно откликнулась подруга» (В. Токарева. Где ничего не положено).

6. Выражение комплимента:

" - Иван Никитич, - спросила я, - где вы так загорели?" (Н. Толстая. Полярные зори).

7. Выражение упрека:

« - Ты финскую мойку достал?

- Нет.

- Почему?
- Я пришел в магазин, сказали «нет».
- А почему Замскому сказали «да»?» (В. Токарева. О том, чего не было).

Функции вопросов в речи мужчин:

1. Вопрос-резюме:

" - Это твоё последнее слово? - Дан направился к выходу. - Это твоё последнее слово?

И на моем лице прочитал: да" (Е. Сазанович. Я слушаю, Лина...).

2. Разоблачение собеседника:

"Катя вошла с подносом в руках. Шоринов дождался, пока она осторожно составит все на низенький столик, потом невинно спросил:
- Сколько Николай тебе дал?

- Что?

Она вздрогнула от неожиданности" (А. Маринина. За все надо платить).

3. Выражение ультиматума:

" - В конечном счете я поставлю вопрос: либо он, либо я! Кто вам дороже?" (А. Проханов. Оружейник).

4. Выражение угрозы:

« - Ты все понял?

- Понял.

- Хорошо понял? – настаивал Молчаливый. – Если что не понятно, лучше сейчас спроси, потом уже поздно будет.

- Что вы ему сделаете? – прошептал Костя.

- Потолковать надо – вот и все.. Теперь все ясно?

- Все ясно! Все...

- Ну тогда будь здоров» (Б. Руденко. Логово змея).

Анализ материала выявил гендерные дифференциации и в предпочитаемом типе вопроса. Задавая вопрос, коммуникант программирует форму ответа и его необходимость. Так, открытый вопрос предполагает развернутый ответ, стимулирует максимальную активность собеседника, закрытый вопрос актуализирует конкретный краткий ответ, некоторые другие типы вопроса вовсе не требуют ответа.

Тип вопроса	Пример	Мужчины	Женщины
Открытый вопрос	- Кто он?	30,7%	43%

Закрытый вопрос	- Это Нина приехала?	43%	30,7%
Вопросом на вопрос	- Вы её любили? - А какое это имеет значение?	1%	2,2%
Вопрос + ответ	- Разве денег может хватать? Денег всегда нет.	16,4%	4,5%
Зеркальный вопрос	- А вы всегда все сравниваете? - Я?	1%	2,8%
Вопрос, выражающий чувства	- Да как ты такое мог сказать?	1,5%	8,9%
Вопрос, содержащий ответ	- Какие у тебя годы?	2%	3,9%
Риторический вопрос	- Что истина?	5,1%	3,9%

В заключение подведем итоги. Исследование коммуникативного поведения персонажей художественной литературы – мужчин и женщин – показало, что можно говорить о следующих тенденциях:

1. Женщины больше задают вопросов и охотнее отвечают на вопросы, чем мужчины.

2. Женщины больше, чем мужчины задают вопросов о людях: женщины руководствуются «принципом участия», мужчины – «принципом невмешательства».

3. Женщин интересуют проблемы людей, их возраст, семейное положение, мужчин – специфика и перспективы их деятельности, материальное положение.

4. Высокая степень табуированности запрашиваемой информации характерна для коммуникативного поведения мужчин, низкая степень табуированности свойственна женскому коммуникативному поведению.

5. Женщины используют по преимуществу косвенную форму подачи вопроса, мужчины – прямую.

6. Форму вопроса женщины используют для выражения коммуникативных императивов (комплимента, приглашения), мужчины – для презентации коммуникативных табу (угрозы, ультиматума):

7. У женщин преобладают открытые вопросы, которые стимулируют коммуникативную активность собеседника, у мужчин – вопросы закрытого типа, максимально контролирующие ответ собеседника:

8. Женщины в 6 раз превосходят мужчин по числу вопросов, выражающих эмоции.

9. Женщины переспрашивают в знак удивления, мужчины - если не расслышали.

9. Мужчины в 3 раза превосходят женщин по числу высказываний, в которых сами отвечают на свой вопрос. «вопрос + ответ».

Полученные результаты требуют сопоставления с результатами, непосредственного наблюдения и могут послужить основой для вопросника, направленного на изучение непосредственного коммуникативного поведения мужчин и женщин.

Н.В.Багрянская

Особенности коммуникативного поведения военнослужащих

Воинская деятельность возникла в глубине веков. Войны, к сожалению, стали неизбежными спутниками человеческого общества. По свидетельству историков, человечество помнит лишь немногим более 200 мирных лет. Профессиональные военные выработали свой подязык.

Специфика военного дела наложила свой отпечаток на все разновидности военной речи, как письменной, так и устной. Среди военных текстов можно выделить определенные группы (жанры). По функциональному предназначению и содержательной направленности выделяются две группы: 1) информационные (военно-научные, военно-технические, военно-информационные и военно-публицистические) и 2) регламентирующие тексты (уставы и наставления, военно-деловые тексты - приказы, приказания, распоряжения, доклады, сводки, донесения).

Следует отметить, что если текстам первой группы присущи общие особенности научного или официально-делового стиля, как например, логическая строгость, безличность, последовательность и точность изложения, то регламентирующие военные тексты, общее назначение которых - регулировать жизнь и деятельность войск, отличаются некоторым своеобразием.

В текстах военных документов отсутствуют какие-либо эмоционально-окрашенные выражения. Их употребление запрещено уставом. Запрещается употребление таких слов и выражений, которые допускают двоякое или расплывчатое толкование.

Широкое распространение находят специальные военные термины.

В военных документах употребляются лишь такие языковые формы, которые способны выдвинуть на первый план само действие. Личность отправителя информации отодвигается на задний план. К таким языковым средствам относятся инфинитивы и инфинитивные конструкции, причастия и деепричастные обороты, различные модальные конструкции, эллиптические и односоставные предложения.

Стилистическая окраска достигается специальной структурой военных документов, последовательностью пунктов в уставах и приказах, строго регламентированным содержанием этих пунктов, употреблением специальных оборотов.

Для боевых документов характерны императивность и экспрессивность.

Речь военных и по форме, и по содержанию носит отпечаток воинской жизни. При этом многие нормы поведения, порядок речевого общения военнослужащих определяются правовыми документами: уставами, наставлениями, приказами командиров. От военнослужащих требуется усвоение и выполнение правил воинского этикета. В соблюдении общечеловеческих уставных норм этикета и должен проявляться стиль воинских взаимоотношений.

Правила поведения военнослужащих, правила их взаимодействия и общения друг с другом закрепились, однако, не только в уставах и воинском этикете, но и во многочисленных традициях. Воинские коллективы, особенно флотские, очень ревностно относятся к соблюдению своих ритуалов, традиций, хотя большинство из них ни в какие уставы не записаны. Любопытно, что на русском флоте эти традиции имеют многовековую историю. Петр I, с именем которого связаны первые военные реформы в России, предусмотрел эту особенность флотской жизни при разработке первого Морского устава. Посылая во Францию одного из самых образованных русских офицеров К.П.Зотова, он предписывал: «Все, что ко флоту надлежит на море, отыскать книги, так же чего нет в книгах, а от обычая чинят, то помнить и все перевести на славянский язык нашим штилем». Как видим, в устав заносились как писанные, так и неписанные традиции.

Специфическое преломление имеют у военных и такие, всегда мучившие Россию, вопросы: кто виноват? и что делать? Военные спрашивают: кто приказал?

Интересно проследить положения новых уставов российской армии по этому вопросу. По мнению Главного военного прокурора России, высказанного им на страницах 20-го номера «Огонька» за 1995 год, прежней жесткой формулы «Приказ начальника - закон для подчиненных» формально уже не существует.

Согласно еще артикулам Петра I, оказывается, приказ начальника мог быть и не выполнен, если требуемое деяние: а) «не касается службы», б) «не пристойно ей», в) «не соединено с пользой Его Величеству или государству». Позже в Указе 1724 года «О бытии подчиненных в послушании у своих командиров» была изложена целая процедура, согласно которой подчиненные должны выполнять все, что «не противно указу». «А ежели что и противно, того отнюдь не делать. Но должно командиру своему ... объявить, что то противно указу, и ежели не слушает, то протестовать и доносить вышестоящим над ним командирам». Вот такой принцип, можно сказать, условной обязательности приказа сохранялся в военном законодательстве вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Примечательно, что и в первых воинских уставах советского времени (в 1919, 1925 и 1937 годах) устанавливалось, что военнослужащие обязаны исполнять все приказы начальников за исключением явно преступных. Однако все последующие уставы уже говорили только об абсолютном повиновении приказам, даже если они и были противоправными. В ряде государств иная ситуация. В бундесвере, например, «приказ не должен исполняться, если он направлен на совершение преступного действия».

Свою историю имеют и закрепленные в уставах устойчивые формулы общения. Общество людей выработало особую систему ритуалов и соответствующих словесных формул, помогающих устанавливать контакт друг с другом и поддерживать доброжелательную тональность общения. Для сферы воинского общения важно соблюдение традиционных правил обращения, приветствий, отдавание чести, которые являются внешним проявлением воинской вежливости и такта. Официальной формой обращения и приветствия в военной среде служит слово «товарищ».

- Здравствуйте, товарищи солдаты!

- Здравия желаем, товарищ генерал!

Помимо контактоустанавливающей и этикетной функций такое обращение имеет эмоциональный оттенок: товарищ отвечает

товарищу. «Братья и дружина!» - говорили полководцы на Руси своему войску. «Братцы, ребята, други!» - восклицали кутузовские генералы. «Благодетели, за мной!» - поднимал в атаку севастопольцев знаменитый генерал С.Б.Хрулев. Канониры у орудий называли приехавшего на бастион адмирала Нахимова уважительно и запросто: «Павел Степанович». И это в те времена, когда «Ваше Высокоблагородие» было обязательной формой обращения. Такова атмосфера товарищества по оружию, для которого свойственна самая высокая степень солидарности, доверия, братства. Вот почему в военной среде слово «товарищ» имеет особый смысл как символ боевой дружбы, что закреплено и в уставах.

«Воинское приветствие является воплощением товарищеской сплоченности военнослужащих, свидетельством взаимного уважения и проявлением общей культуры» - так записано во «Временном уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», выполнение которого требует «строго организованных действий независимо от личных желаний каждого военнослужащего».

Все военнослужащие обязаны при встрече (обгоне) приветствовать друг друга, строго соблюдая правила Устава. Для выполнения воинского приветствия военнослужащий должен за 3-4 шага до начальника (старшего) прекратить движение руками, повернуть голову в его сторону и, продолжая движение, смотреть ему в лицо. При надетом головном уборе приложить к нему правую руку. При обгоне начальника воинское приветствие выполнять с первым шагом обгона. Если у военнослужащего руки заняты ношей, воинское приветствие выполняется поворотом головы в сторону начальника. Если начальник обратится к военнослужащему по воинскому званию и фамилии, то он отвечает: «Я», а при обращении только по воинскому званию, военнослужащий в ответ называет свою должность, звание и фамилию.

Подчиненные и младшие по воинскому званию приветствуют первыми, а при равном положении первым приветствует тот, кто считает себя более вежливым и воспитанным. Если военнослужащий одет в гражданскую одежду, то он приветствует других военнослужащих так, как принято у гражданских лиц.

При нахождении вне строя как во время занятий, так и в свободное от занятий время, военнослужащие приветствуют начальников по команде «Смирно» или «Встать, смирно», а если присутствуют только офицеры, подается команда «Товарищи офицеры». Эти команды подает старший из присутствующих или военнослужащий, первый увидевший прибывшего командира. По этой команде все

присутствующие встают, поворачиваются в сторону прибывшего командира и принимают строевую стойку.

При проведении классных занятий команда «Встать, смирно» подается перед каждым занятием и после его окончания. Старший из присутствующих подходит к прибывшему и докладывает ему.

Прибывший командир, приняв доклад, подает команду «Вольно», а докладывавший повторяет эту команду, после чего все присутствующие принимают положение «вольно» или садятся.

Команды подаются громко, отрывисто и четко. Голос при подаче команд должен соразмеряться с шириной и глубиной строя, а доклад произноситься четко, без резкого повышения голоса.

При обращении начальника или старшего к отдельным военнослужащим они принимают строевую стойку и называют свою должность, воинское звание и фамилию. При рукопожатии старший подает руку первым. Если старший без печаток, младший перед рукопожатием снимает перчатку с правой руки. Военнослужащие без головного убора сопровождают рукопожатие легким наклоном головы.

Если командир в порядке службы поздравляет военнослужащего или благодарит его, то военнослужащий отвечает: «Служу Отечеству».

Представляясь своему непосредственному начальнику, военнослужащий называет свою должность, воинское звание, фамилию и причину представления. Например: «Товарищ майор. Командир 1-ой мотострелковой роты капитан Иванов. Представляюсь по случаю присвоения мне воинского звания капитан».

По вопросам службы военнослужащие должны обращаться друг к другу на «Вы». Об этом говорилось в знаменитом приказе №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который был одним из первых актов Февральской революции 1917 года. Приказ запретил офицерам «тыкать» солдатам, установил обязательное обоюдное «Вы» в армии. Белогвардейцы утверждали, что Приказ №1 подорвал влияние офицеров, разложил войска. Первый устав Красной Армии установил равное отношение командира к бойцу и бойца к командиру.

Начальники и старшие, обращаясь по службе к подчиненным и младшим, называют их по воинскому званию и фамилии или только по званию, добавляя в последнем случае перед званием слово «товарищ». Например: «Рядовой Петров» или «Товарищ сержант». Также - и к курсантам военно-учебных заведений: «Курсант Иванов» или «Товарищ курсант».

Подчиненные и младшие называют начальников и старших по воинскому званию, добавляя перед званием слово «товарищ». Например: «Товарищ старший лейтенант».

В среде военнослужащих, принадлежащих примерно к одному кругу, иногда называют друг друга без слова «товарищ». Например: «Лейтенант», «Старшина» и пр. Распространено обращение «начальник» наряду с «товарищ начальник».

Во внеслужебное время и вне строя офицеры могут обращаться друг к другу не только по воинскому званию, но и по имени и отчеству. В повседневной жизни офицерам уставом разрешается применять утвердительное выражение «слово офицера» и при прощании друг с другом допускается вместо «до свидания» говорить «честь имею».

При обращении к другому военнослужащему в присутствии командира (начальника) или старшего у него необходимо спросить на это разрешение. Например: «Товарищ полковник. Разрешите обратиться к капитану Иванову».

Если при встрече нельзя свободно разойтись с начальником, то подчиненный обязан уступить дорогу и, приветствуя пропустить старшего, при необходимости обогнать начальника подчиненный должен спросить на то разрешение.

Военнослужащим запрещается сидеть или курить в присутствии начальника (старшего) без его разрешения.

Как мы видим, требования Уставов носят сугубо предписывающий характер, четко разрешая одни и запрещая другие действия военнослужащих. Иначе говоря, эти требования служат непосредственным руководством в действиях и поступках, в поведении военнослужащих по отношению к другим: начальникам, подчиненным, старшим, младшим и равным по воинскому званию. Положения общевоинских уставов выступают при этом в форме категоричных требований, смысл которых в них часто не разъясняется, но требуется лишь одно - неукоснительное их выполнение в определенном порядке и в соответствующих условиях.

Таким образом, основные особенности воинского общения таковы:

- высокий уровень нормированности;
- дистантный стиль, подчеркивающий соблюдение субординации в отношениях;
- преобладание монологической речи;
- асимметричный характер общения;
- деперсонификация общения;
- высокий уровень категоричности;

- повышенная громкость речи;
- лаконичность речи;
- подчеркнутая неэмоциональность речи.

Знание основных особенностей общения в воинской среде особенно необходимо в настоящее время, когда участились конфликтные ситуации среди военнослужащих.

Общение между военнослужащими проявляется в 2 основных формах: 1 - это официальные отношения, строящиеся на основе устава, согласно которому определяются функции каждого военнослужащего, объем его обязанностей, прав и ответственности; 2 - неформальные отношения, не регламентируемые никакими документами и формирующиеся как система межличностных симпатий и антипатий, уважения и неприязни. В воинских коллективах определяющую роль всегда играют официальные взаимоотношения. Они более стабильны в отличие от неофициальных, зависящих от индивидуальных качеств каждого человека и меняющихся в связи с постоянным прибытием в коллектив новых военнослужащих.

Взаимоотношения в воинском коллективе отличаются рядом особенностей. Это повышенная ответственность воинской службы, более широкий, чем в гражданских организациях национальный состав, большая сменяемость не только солдат и сержантов срочной службы, но и офицерского состава, продолжительность взаимодействия, когда воины не только работают, но и живут вместе, что способствует накоплению «психологической усталости», строгая регламентация армейской жизни, наличие в подразделениях только мужчин.

Все это делает общение среди военнослужащих более жестким и приводит к возникновению различного рода противоречий, которые при обострении могут перерасти в конфликты. Принято подразделять их на 3 вида: по вертикали (между начальниками и подчиненными), по диагонали (между старшими и младшими) и по горизонтали (между равными, не находящимися в отношениях подчиненности военнослужащими).

По результатам исследований наиболее частыми (до 75% всех межличностных конфликтов) являются конфликты между начальниками и подчиненными. Среди объективных факторов, порождающих эти конфликты по вертикали, на первое место следует поставить субординацию в общении военнослужащих, продиктованную укладом воинской службы, и несоответствие нормативного (закрепленного уставом) характера отношений

начальника и подчиненного тому, который возникает в процессе их совместной деятельности.

Из субъективных факторов следует выделить прежде всего принятие необоснованных или ошибочных управленческих решений (установлено, что в каждом пятом конфликте по вертикали начальник оказывается не прав) и низкую культуру общения, проявляющуюся в грубости, нетактичности, нетерпимости к чужому мнению (около 80% таких конфликтов возникает по причине несправедливой оценки результатов деятельности подчиненных, а около 15% - на почве оскорблений).

По мнению военных психологов, большинство конфликтов по вертикали можно избежать. Но поскольку в условиях военного общения конфликт иногда является одним из немногих способов, с помощью которых подчиненный может защитить свои интересы, уход от конфликта - не всегда лучший способ решения проблемы общения начальника и подчиненного. Для этого начальникам и подчиненным необходимы знания, умения и опыт в области общения.

Данная разработка является начальным этапом научного исследования особенностей общения военнослужащих. В дальнейшем планируется анкетирование курсантов военных училищ, офицеров и служащих РА. Результатом исследования должна быть разработка оптимальных методов обучения военных эффективному общению в профессиональной и непрофессиональной сферах.

Содержание

Проблемы теории

Стернин И.А. О понятии «языковое сознание»	с.3
--	-----

Национальные особенности языкового сознания

Лингвистический анализ языкового сознания

Попова З.Д., Федосова Е.Ю. Многозначные фразеологизмы и национальное сознание	с.8
Хорошунова И.В. Национальные особенности русской утилитарной оценки	с.12
Артемова Л.А. К выявлению немецко-русских лакун	с.17
Борисова Е.И. (Регенсберг, ФРГ) Национальная специфика русских и немецких медицинских терминов	с.23
Ковалева Л.В. Национальные особенности фразеосочетаний, обозначающих животных, в русском и немецком языках	с.25
Панкина М.Ф. Формирование ЛСГ глаголов пространственно-временной деллокализации в современных русском и немецком языках	с.31
Гвоздович Б.Н., Милехина В.И. Фразеосочетания с лексемой <i>Feuer</i> и их русские эквиваленты	с.40
Лесных В.Н. Национальное своеобразие механизма номинации развития растительного организма	с.44
Булынина М.М. Способы вербализации перемещения объекта в английском языке	с.47
Аниськина Н.В. (Ярославль) Языковая картина мира старшеклас- сников	с.53
Казак М.Ю. (Белгород) Частеречное ядро с точки зрения словообразования	с.56

Психолингвистический анализ языкового сознания

Розенфельд М.Я. Образ в структуре значения слова	с.66
Даштоян Е.Н. (Саратов) Об организации ментального лексикона при овладении вторым языком	с.72

- Фридман Ж.И. О создании словаря возрастного языкового сознания с.78
- Шилова Г.Е. (Борисоглебск) Понимание иноязычных слов молодежной аудиторией с.82

*Новые явления в русском языке
и русское языковое сознание*

- Черногрудова Е.П. (Борисоглебск) Особенности использования различных групп прецедентных текстов в заголовках современной прессы с.89
- Вахтель Н.М. Роль фокуса высказывания в позиции современного газетного заголовка с.92
- Юмашева Г.Ю. (Борисоглебск) Стилистическая лакунарность в синонимических рядах имен существительных с.98
- Кожевникова И.Г. Мефорическая экспансия спортивной лексики в современный русский язык с.104
- Поталуй В.В. Лексико-семантические процессы в ЛФП «Наименования руководителей» в русском языке с.107
- Рудакова А.В. Лексема «быт» и родственные ей слова в современном русском языке с.111
- Кожевникова И.Г. Спортивные интернационализмы в современном русском языке с.115

**Национальные особенности коммуникативного
сознания**

Лингвистический анализ коммуникативного сознания

- Шаманова М.В. (Борисоглебск) Особенности формирования категории ОБЩЕНИЕ в коммуникативном сознании школьников 5-11 классов с.120
- Тимофеева Т.В. Вербальная оценка владения языком в английской коммуникативной культуре с.124

*Анализ коммуникативного сознания
через коммуникативное поведение народа*

- Шилихина К.М. Вежливость и коммуникация с.129

Ларина Т.В. (Москва) Экспериментальное исследование категории «вежливость» в английском и русском коммуникативном сознании	с.136
Стернина М.А. Вежливость как категория американского коммуникативного поведения	с.146
Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога	с.152
Парсамова В.Я. (Саратов) Языковая игра как черта речевого портрета (на материале писем Ю.М. Лотмана)	с.156
Гетте Е. Ю. Вопрос в мужском и женском коммуникативном поведении	с.167
Багрянская Н.В. Особенности коммуникативного поведения военнослужащих	с.173
Содержание	с.181